

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 3

1923 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. 1905---1906 год в Ясной Поляне (из записок Маковицкого под ред. Н. Гусева)	3
2. Запись о посещении Ф. М. Достоевского М. А. Поливановой. (9 июня 1880 г.) С примеч. И. Поливанова	29
3. В. Нечаева. Отец и сын. Юношеские годы кн. П. А. Вяземского. (по неизд. материалам)	39
4. Г. Чулков. Пушкин и театр.	57
5. Иск. переписки И. И. Панаева с В. П. Боткиным. С примеч. М. Цявловского	73
6. Из переписки Н. А. Некрасова с В. П. Боткиным. С примеч. И. Н. Розанова	81
7. Автограф Тютчева. С прим. Г. Чулкова	88
8. В. Н. Фигнер. После университета	89
9. Л. Нелидова. Памяти Г. А. Лопатина	101
10. Я. Полонский. Аристократке. Стих. с примеч. И. Н. Розанова	116
11. В. И. Даль. Помещичий быт в Украине 40 г.г. (из писем)	117
12. Черты Московской жизни 60-х г.г. по письмам сибиряка	123
13. А. Сидоров. Из воспоминаний цензора	129
14. К. Сивков. Провинциальные чиновники 30-х годов XIX века в оценке предводителя дворянства и губернатора	133
15. И. И. Попов. Минувшее и пережитое. Гл. VI — VII	137
16. В. Ольнем-Цеховская. Е. Н. Водовозова-Семевская	145
17. Ю. Готье. В. А. Городцов (к 35-летнему юбилею)	163
18. Именной указатель „Гол. Мин.“ за 1917 — 1922 (А — И)	169
19. Мелочи прошлого. 1) Эпизод с артисткой на казенной сцене (122). 2) Дело о платках с изобр. высочайших особ (144). 3) Запрещение студентам служить панихиду (167). Письмо С. Н. Трубецкого (168).	

ГОЛОС МИНУВШЕГО

ЖУРНАЛ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

[Год издания XI]

*Светлой памяти
В. И. Семевского*

№ 3

Май - Октябрь

1923

Главлит 11.269.

Тираж 1.500.

Интернациональная типография „Мосполиграф“ Путинковский пер., № 3.

1905—1906 год в Ясной Поляне.

(Из записок Д. П. Маковицкого).

От редактора.

Редакция „Голоса Минувшего“ предложила мне напечатать в журнале извлечения из редактируемых мною обширных „Яснополянских Записок“ Д. П. Маковицкого, ныне начавших выходить в свет отдельными выпусками. Я выбрал эпсху конца 1905 и начала 1906 годов, имеющую для исторического журнала двойной интерес: как описание жизни Льва Николаевича того времени вообще, и в частности — того, как он бывал осведомлен об общественном движении и как, с своей христиански-анархической точки зрения, относился к нему.

Н. Гусев.

2 октября 1905 г.

Утром приехали три врача: А. С. Бутурлин, Д. В. Никитин, Г. М. Беркенгейм. Л. Н. спросил их, до каких пор они останутся, чтобы знать, как может ими располагать, как он выразился. Я день был занят больными и вернулся только к вечеру.

За вечерним чаем Л. Н. расспрашивал А. С. Бутурлина о войне. А. С. Бутурлин, между прочим, сказал, что у японцев есть солидарность, и сильно развит дух патриотизма. Л. Н. сказал:

— Олсуфьев говорил, что они смотрели на русских снизу вверх, — может-быть, из приличия. Они корректны.

— Да, — сказал А. С. Бутурлин, — они свое дело исполняют корректно, но сухо, сердечных отношений к больным у них нет.

— Я так и думал, потому употребил слово „корректны“, — сказал Л. Н. — Хищения были?

— Были, но в большей мере расточительность: не во-время закупали дрова, — переплачивали в пять раз, неумело заготавливали солонину, — пропала, и т. д.

На вопрос Л. Н.-ча о Рузвельте А. С. Бутурлин ответил, что Рузвельт очень старался: он очень много телеграфировал — то в Петербург, то в Токио, и раз двадцать налаживал переговоры о мире.

— Я думаю, что тут сделка, у меня сложилось такое представление,— сказал Л. Н. и рассказал, что он думает о заинтересованности американских банкиров в том, чтобы север Сахалина остался за Россией.

Потом говорили о современном общественном движении. Л. Н. сказал:

— Сравните положение крестьянина или среднего помещика при Иоанне Грозном и Эдуарде VII. При Иоанне он мог строиться, где хотел, жить, как хотел; а при Эдуарде VII за мнимое участие в самоуправлении, за то, что в три года раз подаст голос, он порабощен законами, — законы на законах, которые — ужас! — он признает священными. При Иоанне могли отрубить ему голову, но это был случай, как теперь в больших городах можно попасть под трамвай... — Свобода перед нами, только захотеть ее; а я буду себе воображать, что я свободен, потому что принимаю участие в составлении законов. А придет урядник и велит мне послать лошадей в Ясенки, проезжает такое-то лицо. Приходится нам отказаться, и так и в другом.

— А не думаете ли вы, — спросил Г. М. Беркенгейм, — что та свобода, которую даст конституция, составит малый этап на пути к свободе внутренней?

— Нет, — сказал Л. Н., — напротив: направляются умственные силы на ненужное, пускается вода не на то колесо... Время революции прошло. Нам добиваться конституции, того, что есть на Западе, — где различие между господами и рабочим народом такое закоренелое, — не к чему. Время прошло. Это, как если бы французы вместо *égalité, fraternité*, — чем мы до сих пор живем, — хотели бы уничтожить поповскую власть, хотели бы произвести реформацию. А времена реформации уже были пережиты. Реформация уже сделала свое, она осуществлялась медленно; так и революция сделала уже свое: подоходный налог, равенство, отделение церкви от государства...

— Но мы пока здесь разговариваем, к нам может вторгнуться Трепов и отправить нас, — возразил А. С. Бутурлин.

— А Марат отправлял еще в другое место; а Людовик XVIII, а Наполеон III?... Милюкову это очень неприятно, но интересов народа не касается. Интересы народа нам так чужды, мы их не знаем и не хотим и не можем знать... Освобождение земли нигде не осуществлено...

— Вы на эти вопросы смотрите философски,—заметил А. С. Бутурлин.

— В моем возрасте иная мерка. 5-летний ребенок помнит 2 года назад и думает на 2 года вперед; вам 60 лет, вы — на 55 лет назад и вперед. Мне 80 лет, я дальше вижу. Об этом пишу в „Конце века“, — очень радовала меня эта работа.

А. С. Бутурлин спросил Л. Н.-ча о великом князе Николае Михайловиче. Л. Н. ответил:

— Вы меня затронули за больное место. Я думал ему написать: вы — богач, великий князь, а я — вам известно, как отношусь к богатству, к царю... Лучше нам не быть в сношениях. Хотел это написать, как получил

от него с Кавказа длинное письмо, что „Великий грех“ он одобряет. Но я все-таки написал ему так, как думал.

— Ну, и что же он ответил? — спросил А. С. Бутурлин.

— Ответа до сих пор еще не могло быть.

Никогда еще при мне Л. Н. не высказывался так резко анархически, как сегодня. Когда он ушел, все призадумались, и новый разговор долго не мог завязаться. А. С. Бутурлин поражался ясности его ума и глубине захвата вопросов.

Л. Н. дочитал III-й том Шильдера об Александре I. Записки Завалишина он считает самыми важными из записок декабристов.

В новом номере „Public“ сообщается, что редакция этой газеты хочет издать по-английски „Великий грех“ в миллионе экземпляров. Там же карикатура: Л. Н. показывает американцам их величайшего человека Генри Джорджа.

Л. Н. ложится около часу, встает около 8 с четвертью.

3 октября 1905 г.

Сегодня говорили, между прочим, о социалистических агитационных брошюрах для крестьян. Л. Н. сказал:

— Там очень мало крестьянского. Я ни одного не могу себе представить крестьянина, который прочел бы социальную брошюру. Я тут знаю всех.

Потом говорили о положении крестьян при крепостном праве. Л. Н. рассказал про какого-то помещика (Киселева или Шереметьева):

— Завел родильный дом и написал и правила, как ходить за младенцами, и это вводил палками, штрафами. Я уверен, что крестьяне у него благоденствовали. Лентяев — в солдаты, в Сибирь. Это было Аракчеевское.

Потом Л. Н. рассказал, что сохранился составленный Аракчеевым в 14-ти пунктах проект освобождения крестьян с землей. В Лифляндии, Эстляндии, Курляндии их освободили без земли; во Франции — тоже.

На вопрос о здоровье Л. Н. ответил:

— Жару у меня нет, а скорее — сердце. Angoisse ¹⁾ была вчера и сегодня.

Об общем своем состоянии Л. Н. сказал:

— Утром мне лет 60, а вечером — 90, не сгибаются члены, а лечить нечего, — видя перед собой четырех докторов, прибавил он.

— Л. Н., читали вы Байрона? — спросил А. С. Бутурлин.

— За последние 10 лет не читал. Какая это глупость, какая болтовня!.. Может-быть, прелесть формы.

На замечание А. С. Бутурлина, что у крестьян происходит перемена взглядов, Л. Н. сказал:

— Сапожник был сегодня здесь из Телятинок, ужасно оборванный, висят лохмотья... Я спросил его: „Смерти ты боишься?“ — „Как же от Него

¹⁾ Тоска.

отступить? — „От кого?“ — „От кого мы взяли?“ — Эта покорность высшему закону человечества, которым мы живем, в котором есть смерть, есть любовь к ближнему, это внутреннее сознание подчинения, это просвещение — дороже всего, — заключил Л. Н.

Позднее Л. Н. сказал:

— Я газет не читал, а читал Герцена, Диккенса, Канта, — себя образовывал. Кант — такая удивительная глубина! Его „Religion innerhalb der Grenzen der reinen Vernunft“, это — его сочинение, по которому в религии все, кроме нравственной жизни, есть Aberglaube (суеверие). У Канта и у Конта есть одна сторона, признанная современной наукой, другая сторона не признана, — сказал Л. Н., имея в виду нравственное учение этих философов.

Вообще же про Конта Л. Н. сказал А. С. Бутурлину:

— Кант ограниченный материалист, позитивист, который тупоумие возводил в достоинство.

— Но ведь и из Канта вы мало себе полезного извлекаете, менее, чем из Диккенса, из Герцена, — сказал А. С. Бутурлин.

— Да, — подтвердил Л. Н., — с Кантом нельзя вполне согласиться.

4 октября 1905 года.

Сегодня говорили, между прочим, об общественном движении. А. С. Бутурлин, Д. В. Никитин и Г. М. Беркенгейм защищали его, говоря, что оно имеет целью добиться влияния общества на правительство. Л. Н. сказал на это:

— Если бы тут было доброе дело, исполнение религиозного закона, если ваше движение не нарушает этот закон, так милости просим; но все эти речи, сходки, союзы союзов, которые кажутся невинными, пахнут кровью...

— В Crank's из Daily News ¹⁾ нехорошая статья, — сказал далее Л. Н. — Он выставляет все мои резкие слова о царях и подчеркивает их.

Татьяну Льв., читавшую „Review of Reviews“, Л. Н. спросил, что пишет Стэд о России. Т. Л. сказала, что он пишет о Николае, что он не такой „commonplace“ (пошляк), как кайзер, и что Л. Н. потому такого плохого мнения о нем, что не знает его. А он, Стэд, три раза разговаривал с ним.

Л. Н. ничего не сказал на это.

А. С. Бутурлин рассказывал о Записках Пирогова: с годами религиозные вопросы занимали его все больше. Каялся в вивисекции, что причинял ей страдания животным и был несправедлив к ним.

— Якоби ²⁾, сказал Л. Н., — который чувствовал отвращение к вивисекции, говорил мне о каком-то французском физиологе, который утвер-

¹⁾ От 1 Sept.

²⁾ Профессор гигиены в Харьковском университете, товарищ Льва Николаевича и его братьев по Казани. Н. Г.

ждал, что vivisection ничего науке не дала, а только вводила в заблуждение. Это понятно.

Далее Л. Н. сказал:

— Я дочел Александра. Он все портится.

— Он был хуже Николая, — сказал А. С. Бутурлин.

— Со всеми разорвал связи, — продолжал Л. Н., — с одним Аракчеевым дружил до конца. А Аракчеев был льстец. После бунта Александр 45 солдат приговорил к засечению, и каждого били эти же самые солдаты. И в письме к Аракчееву жалел его, что ему будет тяжело исполнять это. Ханжа. Он стоял на коленях и целовал руки у Фотия, у квакеров целовал руки; в Рим не пустила его жена...

— Читаете *Hearn*? ¹⁾ — спросил потом Л. Н. у А. Бутурлина.

— Да, — сказал А. С. Бутурлин. — Он пишет, что иезуиты в Японии и в Китае восторжествовали бы, если бы по приказанию папы не восстали против почитания предков. А ведь почитание предков — это что-то абстрактное.

— Почитание предков у китайцев настоящее, а не абстрактное, — возразил Л. Н.

— Да вы сами к нему склонны, — сказал А. С. Бутурлин. — Вы мне сказали, что у вас есть *le culte des ancêtres* (культ предков).

Затем Л. Н. спросил А. С. Бутурлина, что его сын орнитолог в Колымском крае? пишет ли?

— Да, — ответил А. С. Бутурлин. — Переносит много лишений, но все-таки ему удастся собирание птиц. Там голод, и чиновники не обращают на него внимания. Он послал министру телеграмму в 345 слов и отправил эту телеграмму с нарочным за 3,000 верст в Якутск. Послал и письмо жене; оно шло от 15 апреля до июня. В телеграмме описывает положение. После его телеграммы им разрешили выдавать из магазинов муку и, главное, рыбацкие снасти. — Пишет, что около Верхнего Колымска казаки объекутились, а около Нижнего Колымска юкагиры обрусели, но русские вырождаются от скрещивания и от стужи и лишений: лопочут, как дети, и очень нервны. Он там нашел политическую ссыльную, фельдшерицу, была раньше в Шлиссельбурге; она с ребенком живет с пятью сифилитиками в одном помещении, кормит их своим хлебом, на перевязку ран разорвала все белье свое и своего ребенка. Теперь, на их несчастье, ей дали свободу. В том доме, где она жила, окна с одной рамой, вместо стекол газетная бумага; а там мороз 30 градусов.

После завтрака Л. Н. сначала позвал было нас, докторов, пройтись с ним, но потом пошел один. А. С. Бутурлин не хотел идти с ним, зная, что Л. Н. любит ходить один. Мы с А. С. Бутурлиным пошли вдвоем и дорогой встретили Л. Н.-ча. Величавая фигура, взгляд сосредоточенный, задумчивый, смотрел на дорогу, так что заметил нас только тогда, когда мы проходили возле него. А. С. Бутурлин сказал мне: „Л. Н. с го-

¹⁾ *Lafcadio Hearn*: „Japan“.

дами становится все красивее". Затем передал мне свой разговор с Л. Н.-чем. Он сказал ему: — „Как это вы так старательно исправляете свою работу?“ Л. Н. ответил: — Я всегда так. — А. С. Бутурлин шутя спросил: — „А почему же вы так скверно пишете?“ — (т. е. не можете сразу написать так, чтобы после не переделывать). — А он мне говорит: — „Вот подите же!“

Говорил, что Л. Н. сообщил ему свой замысел художественного изображения жизни Александра Павловича.

„Конец века“ не переписывался дней 8—10, потому что ремингтон был испорчен. Сегодня начали переписывать. Л. Н. за это время прочел 4 тома Шильдера „История Александра I“ и начал читать его же „Николая“ и Записки Порошина о Павле. Там, где он находит что-либо интересное для себя, он отмечает на полях чертой, вкладывает длинную бумажку и помечает на ней, что он отметил на этой странице.

Л. Н. за последний месяц видимо постарел: удаляется от шумного общества, тише говорит, больше шепелявит, меньше ест, меньше гуляет пешком и больше ездит верхом, не соблюдает так строго, как прежде, распределения дня и времени работы. По утрам позже обыкновенного садится за работу и пишет или до половины 2-го, или же затягивает работу до 4-х. Иные дни не завтракает.

6 октября 1905 г.

Сегодня опять говорили о хищениях на войне, о Японии, о Рузвельте.

— О Рузвельте нынче письмо получил, — сказал Л. Н. — Такие подвиги, восхваления...

О хунхузах А. С. Бутурлин сказал, что хунхузы в 99 случаях из ста — сочинение русских.

— Кого же они (т. е. русские) убивают? — спросил Л. Н.

— Мирных жителей. Это пограничная стража сочинила.

— Нельзя себе представить, что за ошаление власть производит, — сказал Л. Н.

После этого Л. Н. рассказывал о бывшем у него в прошлом месяце Лепсиусе и, между прочим, сказал:

— Лепсиус хорошо знает восточные секты: бабизм. Сыновья Бега-Уллы разделились на два толка (но больше личное, чем принципы, их разделяет): на бабистов и бегаистов; бегаисты мало имеют будущего. Это — рационализм магометанский.

Потом говорили о музыке. Л. Н. сказал:

— Гольденвейзер с женой хотел приехать. Сам Гольденвейзер прекраснейший музыкант...

И далее:

— Гайди — прелесть в четыре руки; плясать хочется, и вас бы разогрел...

Еще говорили о Горьком.

— Успех Горького мне непонятен, — сказал А. С. Бутурлин.

— Для меня загадка, — сказал и Л. Н. — Лепсиус мне помог его себе объяснить. Он говорил о Горьком, что он затрагивает важные вопросы и отвечает на них так, как думает толпа.

— Какого мнения вы о Гааге? — спросил А. С. Бутурлин Л. Н-ча.

— Кони выдумал, — ответил Л. Н. — Преувеличено это, ограниченный человек.

По какому-то поводу разговор зашел о заграничном путешествии Л. Н-ча. Он рассказал:

— Герцен меня рекомендовал Лелевелю, Прудону, Дондукову... Сколько поляков ни знал, все были очень хорошие... Лелевель очень такой опустившийся, развалина был. Он был профессор истории в Варшавском университете. После восстания в 30-м году в роде парламентаря был послан к Николаю. Николай его не принял..

— Дондуков пригласил меня в Италию, — рассказал далее Л. Н. — Сангвиник, любил поест, вино... В Риме мы застали Михаила Боткина, Иванова... Очень плохой художник Михаил Боткин... Мы с ним путешествовали пешком через Бернар. Он был самый сильный человек в мире, — улыбаясь сказал Л. Н. — Умер от белой горячки.

7 октября 1905 г.

У Л. Н-ча болит печень и желудок, желчь задерживается, предполагает камни. Очень мало ест, принял прованское масло с лимонным соком, много зевает, положил теплый компресс. Уже вчера заметно было в лице страдание, а в разговоре усталость. Сегодня вечером вышел в залу в халате.

После обеда рассказал Тат. Л-не о женитьбе Павла. Привели трех великих княжен Дармштадтских, он выбрал вторую. Она не могла родить, в родах и умерла; у нее было искривление позвоночника. Потом обвиняли посланника, который советовал ее взять, что он хорошо не рассмотрел ее.

Вчера Л. Н. рассказывал о Записках Порошина о Павле:

— Если бы не было Геродота, мы не имели бы греческой истории. Книга Порошина прелестная. Был художник, записывал такие черты, которых другие не замечали... В детстве около Павла была няня и ее родственники. Когда Панин начал им заниматься и отстранил их, Павел плакал; и чтобы его утешить, когда его начали учить читать, посадили и их за стол, как будто бы и они учились...

Сегодня в 10 часов дня забастовала Московско-Курская жел. дор. Поездов из Москвы нет.

Вечером за чаем Л. Н. сказал:

— Читал новый № „Open Court“. В „Open Court“ всегда есть интересное. Первое, статья редактора о религии; второе, об индийских женщинах, — есть картинки „Браминки“. Какая мало известная нам страна. 250 миллионов жителей. Люди глубоко-религиозные, стройные, красивые. Третье, — ваши японцы, Юлия Ивановна ¹⁾, плохи, — о воспитании в Япо-

¹⁾ Ю. И. Игумнова, художница, жившая в то время в доме Толстых. Н. Г.

нии. Правила для школ, новый катехизис; автор против боготворения Микадо, преподает несвязные правила о гигиене тела, пользе знания, ремесла. Это — их последнее слово...

Потом говорили о газетных известиях из Баку и о рассуждениях газет о том, что правительству выгодно резня между армянами и татарами, и что полицейские во время этой резни бездействуют потому, что так им приказано. Л. Н. заметил:

— Полицейские опасаются, видя людей, которым кишки выпустили.

М. С. Сухотин рассказал, что редактор „Русского Архива“ П. И. Бартенев, который держал корректуру первого издания „Войны и Мира“, говорил ему, что Л. Н. в корректурах этого романа выпустил столько, что из пропусков составил бы целый том.

8 октября 1905 г.

Л. Н. завтракал прованским маслом с лимонным соком и белым хлебом. У него грипп, гулять не ходил.

Сегодня никакой почты не было.

— Как хорошо без газет! — сказал мне Л. Н.

За дневным чаем сказал:

— Я все время читал Павла Петровича. Какой хороший человек! Он с 18 до 42-х лет жил, зная, что он должен царствовать, что его мать—беснравственная, убила его отца, и узурпаторски властвует. Когда приехал в Австрию, то посланник просил, во время его пребывания там, не играть „Гамлета“, и в России, во время царствования Екатерины II-й, не играли, а во время Елизаветы Петровны—играли. Был нравственный человек. Со второй женой нарожали 10 человек: 6 дочерей, 4 сыновей, и все огромного роста. Первая жена изменила ему...

Под вечер Л. Н. гулял по аллеям. Позднее сначала С. А., а потом Ю. И. Игумнова читали вслух „Поединок“ Куприна (из 6-го сборника „Знания“). Л. Н. слушал внимательно; каждое слово, которого не расслышал, переспрашивал.

— Мне интересно описание военной жизни, он хорошо ее знает, сам военный, — сказал Л. Н.

— Ты его знаешь? — спросила Татьяна Львовна.

— Познакомили меня на пароходе при отъезде из Ялты. Мускулистый, приятный.

Л. Н. похвалил выговор полковника пьянице капитану, обремененному семьей, сначала начальнически-строгий, а потом чеховеческий, мягкий.

Вошла Александра Львовна пить чай. Л. Н. спросил ее о „Пединке“:

— Ты читала? До конца? — И прибавил:

— Хорошо, весело, только где пускается в философию, не интересно.

Я заметил, что неверно у Куприна поклонение статуе Аллаха: у магометан нет статуй. Л. Н. возразил:

— Черемисы—идолопоклонники, а у них один язык с татарами.

Когда читали любовное письмо капитанши, Л. Н. сказал с отвращением:

— Даже изжога берет.

Л. Н. слушал чтение, лежа на кушетке. Потом прочел про себя в том же сборнике стихотворения Скитальца и с негодованием сказал:

— Ужасное что-то.

У Л. Н-ча страдающий вид. Обедал суп и смоленскую кашу, вечером ни до чего не дотронулся.

Интересовался устройством барометра анероида.

9 октября 1905 г.

Л. Н. лег вчера раньше обыкновенного: около четверти 12-го; сегодня поздно встал. Вышел около часу.

С Засеки приходили застрявшие там, по случаю забастовки, пассажиры видеть Л. Н-ча. После них был старичок из Кишинева, желавший „видеть графа Толстого в боголице“. Он анархист-христианин. И Л. Н-чу и всем говорил „ты“. Потом приехал из Тулы доктор Каиров, раз уже бывший у Л. Н-ча.

Вечером Каиров, И. К. Дитерихс, М. В. Булыгин. У Л. Н-ча до 11-ти часов были боли печени, потом прекратились. Почти все время от 6 до 12-ти он оживленно разговаривал, расспрашивал Каирова про Уссурийский край и Манджурию и читал вслух Герцена.

Каиров рассказывал, что Уссурийский край — плодородный. У некоторых крестьян есть по 600 ульев. Пчелы роятся семь раз в год; один улей дает от 3 до 7 пудов меда. Травы в рост человека; липовые листья в четыре ладони. Кабаны, медведи, огромные тигры. Топлива не нужно; построек для скота, для хлеба и травы тоже не нужно. Корейцы серее китайцев; русские любят их. Русские обходились с китайцами сурово, но те покорно терпели. Теперь же китайцы говорят, что через два года выгонят русских. Русским там нужно бы держать армию в 300 — 500 тысяч. Нас оттуда совершенно вытеснили силой, а теперь вытесняют торговлей, промышленностью. Японки отличные работники. С детьми за спиной (а они в полгода, в год необыкновенно большие) грузят уголь, бросают вверх корзины в 30 фунтов, носят на коромысле две такие посуды, как они сами. Японцы тоже ловкие работники. Японцу платье обходится рубль в год.

На слова Каирова о том, что Манджурия и Уссурийский край отойдут к Японии, Л. Н. сказал:

— Ну, будет Государственная Дума, как она решит: остаться в Манджурии или нет? Не могут решить. Николай Александрович тем менее. Единственное средство, если люди не будут покоряться властям (итти в солдаты), а скажут, что я хочу заботиться о своей семье, спокойно работать, оставьте меня в покое. Так некрасовцы жили в Турции.

Л. Н. ставил русскому правительству в вину то, что слышал от Г. М. Беркенгейма: что в Китае опиум запрещен, а в Манджурии дозволен, и дома, где курят опиум, обложены налогом по числу трубок.

Потом Л. Н. рассказал, какое получил письмо: „Все беды в России

происходят от того, что вы отвергаете Евангелие. Ваш внимательный читатель“.

Затем говорили о „Поединке“. Л. Н. сказал, что со многих сторон слышал, что его хвалять.

— И как все военные „Поединком“ довольны! — сказал И. К. Дятыхс. — Да, превосходный рассказ, но одни отрицательные типы выведены.

— Полковой командир — прекрасный положительный тип, — возразил Л. Н. — Какая смелость! И как это цензура пропустила, и как не протестуют военные? Пишет, что молодой офицер мечтает о том, чтобы, во-первых, метить вверх, если придется стрелять в народ, во-вторых, пойти шпионом-шарманщиком в Германию, в-третьих, отличиться на войне.

Ю. И. Игумнова напомнила „Тюрьму“ Горького, которую читали вслух недели две тому назад. Л. Н. с отвращением вспомнил об этом рассказе.

— Горький, — сказал он, — хочет доказать, что если тебе делают добро, то и ты можешь делать добро; а если зло, то зло. Куприн выше Горького и Андреева.

Каиров заговорил о стачке железнодорожников, продолжающейся третий день. Началась она так: начальство отчисляло известный % жалованья служащих в фонд вспомоществования, а его не оказалось. Депутация рабочих, которая спрашивала разъяснения этого, была арестована.

— Это не верится, — сказал Л. Н.

— Может-быть, это только слухи, — согласился Каиров.

Л. Н. недоумевал, чего они хотят добиться забастовкой: более высокой заработной платы, меньшего рабочего дня?.. Но ведь потом опять могут требовать вместо 6-ти часового — пятичасового дня. Тут только одно средство: сделать так, чтобы люди не были вынуждены идти в рабство на фабрики. Забастовка — насилие. Никитин рассказывал, как в Союзе союзов, по поводу предложения какого-то врача с немецкой фамилией, говорили о том, чтобы врачи забастовали или вполне, или только не принимали и не лечили в государственных учреждениях. Это — все равно, что человека взять за ногу и бить им других. Никитин не согласился на это, как на меру безнравственную, а предложил не исполнять правительственных требований, поступать так, как если бы правительства не было. За него было 4 голоса против 19-ти.

Потом Л. Н. говорил о Герцене. Он сказал, что Герцен в статьях „С того берега“, содержащих разговоры степенного человека с пылким революционером, говорит то, что в наше время должны бы читать; но Герцена не знают. Литературная среда знает только, что пишется в газетах, но мудрецов — Канта, Спинозу — не знают. У Герцена уже можно прочесть о том, что внешнее движение — пустое, только внутренней работой освобождается человек. У Герцена только другие слова: вместо Бог — у него „природа“, вместо религия — „наука“, вместо — церковь — „христианство“; но мысли его — те же, что у религиозных мыслителей.

10 октября 1905 г.

Третий день нет почты вследствие забастовки железных дорог. Л. Н-чу легче. В Ясной Поляне 51 случай тифа.

Днем приехал из Черни на лошадях Сергей Льв. с членом земской управы. Поезда не ходят. Извозчики из Тулы в Москву тройкой берут 100 рублей. Был И. К. Дитерихс. За обедом ничего интересного не было сказано. Вечером продолжали чтение „Поединка“; прочли главы о бале и об обучении солдат. О бале Л. Н. сказал:

— Прежнее было лучше.

А об обучении сказал:

— Это хорошо написано.

Вспоминал Куприна:

— Бывший офицер, теперь издает „Мир Божий“, прежде, говорят, сильно кутил, силач.

Когда прочли вторую из сегодняшних глав, Т. Л. сказала, что на сегодня довольно: 12-ый час. Но Л. Н. предложил прочесть еще и сам прочел полторы страницы.

Потом говорили о священниках. Л. Н. сказал, что нужно бы такое же разоблачение поповского быта, как Куприн сделал военного: как совершают обряды... Вспоминал письма, которые он получал от священников: постом молодой поп, — у него на руках родители и еще родня, — писал, как ему стыдно перед истинно-верующими крестьянами, когда совершает то, во что не верит. Написал три письма, потом замолчал. А приезжают (в Ясную Поляну) такие попы, у которых место религии ничем не заполнено. Один хотел поступить в техническое училище.

— Ведь Потапенко описывает поповскую жизнь, — сказала С. А.

— Но как? — возразил Л. Н.

Разговор коснулся духовоборов. Сергей Льв. спросил И. К. Дитерихса, есть ли у него записки о духовоборах, и не думает ли он их обработать. Л. Н. также поощрял его к этому.

Член Управы рассказывал Л. Н-чу и С. А-вне о новой Управе. Сказал, что Тульская губерния получит от правительства 7 миллионов на помощь голодающим. Комиссионер еврей доставил земству 35 вагонов гнилой ржи: сверху в мешках получше, внизу — гнилая.

Л. Н. рассказал, что продолжает читать Шильдера о Павле.

— Был бешеный, — сказал Л. Н. про Павла, — и в таком состоянии выделял разное, но во все свое царствование проводил самые либеральные меры. Был против раздела Польши, освободил ссыльных поляков и лично посетил Костюшко, ненавидел все, что делала Екатерина...

Л. Н. просил Сергея Л-ча попросить в Москве Бутурлина достать ему французскую книгу о Павле и другие книги, о которых говорил А. С. Бутурлин.

Потом говорили о земле. И. К. Дитерихс говорил о том, как верно крестьяне понимают Генри Джорджа, а помещики инстинктивно настроены

против него. Сергей Льв. рассказал свой разговор с Мануиловым, который стоит за то, чтобы передать помещичьи земли мужикам. — Каким? — возразил ему С. Л. — Они разные, есть между ними и богатые, которые вдов лишают земли. „Я ему сказал: „Тогда и вы должны уравнивать себя с боссяками“, — рассказывал Серг. Льв.

— Маша¹⁾ пишет, — сказал Л. Н., — что пироговские мужики, которые купили землю у Марии Ник-ны²⁾ и разбогатели (у них по три лошади на двор) хотят еще больше земли, жадны на землю. Я боюсь, что ложные взгляды собьют с толку крестьян. Брошюры революционеров на это бьют, а надо бы бороться против этого...

— Как Генри Джордж прав, — сказал далее Л. Н.: — подати и земельная собственность поработают людей. Он подати уничтожает и землю освобождает. Какая ужасающая неправда: одно — подати берет кто-то, другое — земля!... Если мужики отбирают от вдов землю (при круговой поручке), то это оттого, что вдова не осиливает тех податей, которые с нее берут. Если она останется без земли, при едином налоге, то хоть податей (на керосин, на сахар, на железо) не будет платить, все легче ей будет жить...

12 октября 1905 г.

Вечером Л. Н. и Сергей Льв. продолжали читать „Поединок“. Я проспал первую главу. Сергей Льв. пришел за мной, и Л. Н. вкратце рассказывал мне ее содержание (об офицере, у которого в квартире был целый зверинец), прибавив:

— Хорошо описано.

Потом Л. Н. сам читал вслух об обучении солдат; а когда устал, то продолжал Сергей Льв. Ему пришлось читать любовную главу; он запинался, пропускал, предлагал Юлии Ив-не дочитать, — видно было, что ему стыдно. Хотел пропустить 7 страниц, но С. А. и Т. Л. запротестовали, и Л. Н. сказал ему со смехом:

— Вот я подкузьмил тебя!

Эта сцена была очень растянута. Л. Н. заметил во время чтения:

— Горький, Андреев виноваты в ненатуральных описаниях... „Зеленые точки“: разве это дает представление звезд, особенно первых?

Потом опять читал Л. Н. — про смотр полка. Читал с воодушевлением, как будто бы сам был молодым офицером. Когда читал о том, как перед самым смотром солдаты должны были готовиться к нему, и как начальники били их, — почти плакал от жалости к ним. Т. Л. сказала, что наверное так и есть, как он описывает.

— Наверно, наверно, — согласился Л. Н.

Докончив главу, Л. Н. сказал:

— Куирин в слабого Ромашева вложил свои чувства.

— Корпусный командир, это — Драгомиров, — сказал С. Л.

¹⁾ Дочь Л. Н-ча Мария Львовна (скончалась в 1906 г.)

²⁾ Сестра Л. Н-ча.

Л. Н. согласился.

— Новый писатель пользуется старыми приемами, — сказал Л. Н. про Куприна. — Дает живое представление о военной жизни.

Потом говорили о железнодорожной забастовке, которая, по слухам, широко распространилась. С. Л. слышал в Туле, что в Тифлисе бросают бомбы в казачьи казармы.

Л. Н. не пропускает дня, чтобы не делать гимнастику с гириями.

15 октября 1905 г.

В деревне умерла баба от тифа.

За обедом Л. Н. рассказывал Т. Л.-не про художника Пахитонова, бывшего в Ясной Поляне нынешним летом:

— Он умеет видеть и рассказывать. Приятный, добросовестный человек; наружностью, походкой похож на медведя. Живописцы бывают приятные люди: Репин, Прянишников... Жаль, что ты его не застала. Мне о нем рассказывал Тургенев.

Вечером сначала Л. Н., а потом Т. Л. и С. Л. дочитали до конца „Поединок“. После разговора Ромашева с Назанским Л. Н. сказал:

— Жалкое это рассуждение Назанского. Это — Ницше.

После сцены пьянства и драки в офицерском собрании сказал:

— Очень сильно написано.

Начав читать предпоследнюю главу: как Шурочка пришла к Ромашеву, Л. Н. сказал:

— Теперь я попался.

И не стал читать ее вслух, а только прочел рапорт о дуэли, которым кончается повесть.

— Ужасно мрачно — битие солдат; думаю, столько его не бывает, — сказал я.

— По-моему, бывает, я слышал, — возразил С. Л.

— Драки — это бы ничего, — сказал Л. Н. — Нецельно, напихано, много лишнего, впечатления нет. Но рад, что прочел.

В одном месте Л. Н. поразился неточности описания природы, — в роде: „тишина звучала“ и т. п.

Т. Л. заговорила о последней сцене с Хлебниковым. Л. Н. согласился, что она фальшива.

— Сегодня я читал „Копперфильда“, — сказал Л. Н. Сергею Л.-чу. — Дядя Сережа¹⁾ говорил: „Когда станешь читать Диккенса, как из грязного кабака в хорошее общество попадешь“.

Я заговорил о Хлебникове, выведенном в „Поединке“: непонятливый, тщедушный, с грыжей, и все-таки взят в солдаты. В русской армии ужасная смертность: приблизительно в 8 раз больше, чем в германской. В Германии народ становится здоровее, процент годных для военной службы увеличивается, тогда как в других государствах — падает. Л. Н. с признательностью говорил о германцах, что заслуживают похвалы.

¹⁾ Брат Л. Н.-ча Сергей Николаевич (скончался в 1904 году).

14 октября 1905 г.

За обедом говорили о железнодорожной забастовке, а потом о женском труде и женских правах. Л. Н. сказал:

— Лучшего отношения к женщинам не придумают, чем в средние века. Рыцари презирали женщин, а потому были к ним чересчур учтивы... От брата Николая Ник-ча и от...¹⁾ я слышал, что жены у магометан имеют больше влияния в семье, чем у нас. Стремление у магометан — моногамия, и они строго ее соблюдают.

С. А. обмела и разложила на столе в гостиной портреты, которые висели в „старой библиотеке“: Н. Н. Страхов, группа 6 писателей из кружка „Современника“, Фет, Некрасов, Лелюев, брат Л. Н-ча Сергей Николаевич, Волконская, потом Татьяна Львовна девочкой (рисунок Соколовской) и другие. Взглянув на них, Л. Н. сказал:

— Это — мои настоящие приятели.

Просил повесить их в своем кабинете, причем сказал, что оттуда можно взять Шпира, Брайяна, Джонсона (?) — голову американского города Толедо. С. А. хотела взять портрет Сютаева (копия с Репинского), — Л. Н. не позволил.

По какому-то поводу Т. Л. сказала, что она из такого рода людей, что будет долго жить. Л. Н. поспешно остановил ее:

— Не говори! Я знал двоих: Страхова и Захарьина, которые говорили: „Я, Лев Николаевич, долго буду жить“, — подражая голосу Страхова сказал Л. Н.

Потом рассказывал о книге Lafcadio Hearn: „Japan“, которую читал. В Японии четыре класса: 1) самураи; 2) земледельцы; 3) ремесленники; последний, 4-ый — купцы. Деревня имеет общее божество, уезд — общее, а вся страна обоготворяет микадо. Этому патриотизму и технике следует приписать победу японцев. Японцы — религиозные, но в их религии есть мщение и подчинение. У мужчин харакири, у женщин — шигая(?).

Ал. Л-не Л. Н. сказал:

— Саша, у меня работы много очень.

(Он поправил „Конец века“).

15 октября 1905 г.

Л. Н. ездил ковать лошадь на Косую Гору. Рассказывал:

— Говорят, будто 17 железнодорожных линий бастует. Сегодня возили почту из Тулы в Ясенки на лошадях. Те, которые ждут в Засеке, могли бы дойти до Москвы пешком: поезда в Засеке стоят уже шесть дней. Надо послать книг на Засеку и три-четыре книги журналов.

— Генри Джорджа и „Великий грех“ непременно, — прибавила Мария Ал-на Шмидт²⁾

¹⁾ Я не расслышал.

²⁾ Старая единомышленница Льва Н-ча (скончалась в 1911 г.).

— Я написал Маше длинное письмо, — сказал далее Л. Н., — и посылаю ей Куприна „Поединок“, — гадкую книгу, с талантом написанную. Издевается над Юлианом, ходившим за прокаженным, над слабыми, и говорит, что нужно жить в свое удовольствие, — сказал Л. Н., обращаясь к Марье Ал-не.

Для Татьяны Л-ны, которая сегодня мрачно настроена, Л. Н. вместо шахмат играл в винт с нею, Сергеем и Михаилом Л-чами.

Юлия Ив. пишет Л. Н-ча едущим верхом на Тарпане по берегу Воровки.

Почты нет 6-ой день, телеграф действует только для правительства.

16 октября 1905 г.

Подвечер приехал из Тулы застрывший на вокзале присяжный поверенный Беренштам, защищавший убийцу Сергея Ал-ча и якутских ссыльных. Л. Н. гулял с ним по Чепыжу; пригласил обедать — не остался. Вечером Л. Н. просматривал выпешдшую вторым изданием, но арестованную книгу Беренштама: „За право“. Читал ее минут 10—15, потом закрыл и отбросил со словами:

— Это очень плохо, не стоит читать: напыщенные слова, защищает убийство... Все из того мира запутанного.

Сегодня Л. Н. работал до 4-х, поправлял „Божеское и человеческое“ по корректуре, присланной Чертковым. Кроме этой работы думает еще о том, чтобы еще короче и доступнее для народа изложить то, о чем писал в „Великом грехе“.

За вечерним чаем Л. Н. читал вслух из книги: „Записки Декабристов, выпуск 1-й. Записки Ив. Дм. Якушкина, Лондон, 1862 г.“ Потом рассказал событие, о котором сообщил Беренштам: в Двинске в городского голову стреляли сразу четверо молодых людей, скрылись в толпе. Сыщик донес, что один из них был Маньковский, молодой еврей. Голова признал его. Присудили его к смертной казни. Подали апелляцию. Его совсем освободили, потому что нашли одного действительного виновника, Дейча, и тот утверждал, что Маньковского между ними совсем не было. Доказали, что у сыщика была личная ненависть к Маньковскому, что он из этой ненависти оговорил его.

— Мы тут сидим в покое, — сказал Л. Н., рассказав это событие, — а кругом вражда. В Западном крае убийства, как на войне. Социалдемократический „Бунд“ еврейский стал революционным, террористическим; присуждают к смерти Трепова, Победоносцева и вызывают, кто на это решится. Рискует жизнью. Такой был Каляев. Это — как война, только война — старая форма, к ней люди привыкли, солдат заставляют присягать, офицеры тоже обмануты. А эта новая форма убийства (революционный террор) — хуже.

— Лазарев теперь торжествует, — сказала Тат. Льв. про знакомого революционера — эмигранта. — У него большие сношения и влияние; у него

капит работа. Все эти революционные газеты проходят через него, он рассылает их.

— Да, они достигли того, чего хотели, — сказал Л. Н. про революционеров.

Я разговаривал с Марией Ал-ной Шмидт о ее жизни. Она сказала мне, что с тех пор, как перестала жить эгоистической жизнью, интересами личности и знает, что жизнь не кончается смертью, она не боится страданий, испытала на себе, что болезнь, страдания только возбуждают и усиливают любовь к людям. Не боится труда, лишений, живет спокойно. Из сочинений Л. Н-ча ей более всего нравятся „Критика догматического богословия“ и „Соединение и перевод 4-х Евангелий“. По ее словам, Л. Н. долго работал над „Соединением Евангелий“. Часто хотел бросить эту работу, думал, что не осилит. Церковь в течение веков старалась скрыть истинное учение Христа. Раскрыть всю ее ложь, — кто же мог это сделать, кроме Л. Н-ча? Чтобы довести до конца эту работу, нужна, кроме ума, великая любовь к людям. Про себя Мария Ал-на сказала, что она старается не отвлекать своего внимания от того, что Л. Н. писал в „Ассархадоне“, что жизнь — одна; что кто губит жизнь человека или животного, — губит себя. Л. Н. сказал мальчику Хохловой, когда тот ласкал собаку: „Ты — славный мальчик, помни одно: что жизнь — одна“.

По шоссе оживленное движение: едут в колясках и телегах.

17 октября 1905 г.

Сегодня утром Л. Н., после того, как вынес ведро и возвращался к себе, упал в первой кухонной двери, ведро выскочило у него из рук. Его увидел лакей Ваня, когда он уже поднимался. Сам встал, взял ведро, пришел к себе и прилег на диван. Был очень бледен. Пульс слабый, губы бледные, уши прозрачные. Когда поднял голову и хотел сесть, почувствовал головокружение. Потом голове стало легче. Полежал спокойно около часа и начал было заниматься, но потом опять прилег и подремал от 10 до 12-ти и от часу до 6-ти.

Вечером говорил, что это с ним уже бывало.

— Помню, с Гротом шел по Пречистенке, шатался. Пошатнулся, прислонился к стене и постоял. Теперь уже 4 дня шатало меня, только не сильно.

Под вечер пульс был слабый—76, перебоев не было. Утром не выходил; натошак, как только встал, съел половину яблока.

— Неужели это слабый удар был? — спрашивал он.

У него уже 6 дней тошнота, горечь в желудке и простудное состояние. С. А. предлагала ему разные средства, но он сказал:

— Ничего не нужно, ни льду, ни горчичника. Мне нужно спокойствие.

Вернулся из Тулы Мих. Льв., рассказывал о собрании забастовавших железнодорожников. Когда один оратор заявил, что они хотят обсуждать свое экономическое положение, другие стали кричать: „Не экономическое,

а политическое положение“. Правительства в Туле нет. Губернатор и вице-губернатор сидят, не знают, что делать. В тюрьме арестанты выломали дверь, солдаты стреляли в них, троих застрелили. Из Москвы привезли „Русские Ведомости“, очень революционные. В Москве, говорят, тоже нет правительства.

Л. Н. сказал мне:

— Я думал о том, что рассказывал Миша. Слышали? Революция началась. Чтобы она удалась,—чтобы они захватили власть,—нужна организация. Нужны большие перевороты. Большие перевороты нужны были, чтобы выдвинулся Наполеон. Будет много злодеяний и здесь. Правительства выросли исторически. Пока есть насильственное правительство в Австрии, Франции, должно быть насильственное правление и в России.

Мих. Льв. передавал слух, что яхта царская стоит наготове, котел затоплен.

— Не дай Бог, чтобы Николай уехал в Данию,—сказал Л. Н.—Если уехал, какая ни будет Дума, всякая его свергнет. А не уехать ему нельзя: Людовика XVI казнили не за такие провинности... Самый главный вопрос теперь: уехал ли Николай или нет.

Обедал Л. Н. у себя в кабинете, съел много супа, дутого пирога (был очень сладкий, Л. Н. пожалел, что ел его, после сладкого у него бывает изжога), выпил рюмку вина и чашку кофе, потом стал читать Диккенса.

В 9 вышел в залу с палкой в руке и лег на кушетку. Юлия Ив. и Н. А. Лютецкая (переписчица) говорили о революции. Л. Н. сказал:

— Усмирение солдатами—самое страшное, что может случиться.

— Что будет с Польшей, с Финляндией, с Кавказом? — сказала Н. А. Лютецкая.

— Они хотят автономии, — сказал Л. Н. — Я за автономию. Но есть патриоты, которые против.

— Если Николай убежит в Данию, тогда ему капут, — сказала Т. Л.

— Капут,—согласился Л. Н.—Но Николай, должно-быть, остался. Он по своему характеру не трус.

Мне Л. Н. сказал:

— Мне сегодня так хорошо думалось. В болезни, в страданиях отпадает суеверие материальной жизни и появляется сознание реальной духовной жизни: чтобы здесь, сейчас исполнять волю Бога; а учение материалистов утверждает как раз противоположное: они суеверием считают духовную жизнь. Мне стало ясно, почему легко умирают и самые эгоистичные люди: потому, что суеверие материальной жизни отпадает.

Ал. Л.-не Л. Н. сказал:

— Хотел тебе диктовать мысли, были необыкновенно ясны, но боялся повредить себе. Завтра утром.

Т. Л.-на сказала, что в такое страшное время, как теперь, не радость рожать. Л. Н. смеясь сказал ей:

— Если родится мальчик, назвать Бунт; если девочка — Революцией Михайловной.—Революция—это как у человека болезненное сердцебиение,

высокий пульс: надо держаться осторожно. Революция — испытание человеку. Тут, чтобы не повредить, нужно ни слова не сказать лишнего, ни одного поступка легкомысленного не сделать...

Потом Л. Н. спросил С. А-вну, позволила ли она П. И. Бирюкову напечатать его письма к В. В. Арсеньевой (на которой он одно время думал жениться). С. А. раздраженно ответила, что нет, и что она сама будет писать об этом, а он сухо пишет.

— Лучше никто не напишет, — сказал Л. Н., — у него одинаковые взгляды и любовь к делу.

Меня Л. Н. спросил:

— У Черткова есть „Хельщинский“ и „Предисловие к Учению 12-ти апостолов?“ Надо ему послать для его издания „Круга чтения“. — Соберите книги из Публичной библиотеки, — только одна мне нужна, эту оставьте, — и пошлите Стасову.

Собрать их оказалось не легко, так как на них нет штампа.

18 октября 1905 г.

Сегодня Л. Н., вставши в обычное время, делал гимнастику. У него язык обложен, во рту горечь. Появилась желтизна на белках глаз. Голова еще кружится, но слабее. Натощак пил Эмс. Днем ходил гулять.

Сегодня 10-й и последний день железнодорожной забастовки: поезда тронулись. Мы десять дней не получали почты.

— Завтра нужно за почтой телегу послать, — сказал Л. Н., — одних газет будет 100 номеров.

Булочные в Туле закрыты.

Меня Л. Н. спрашивал о тифозных в деревне. В числе их и Архип, помощник яснополянского садовника. Л. Н. предложил отпускать ему молоко из экономии и сказал, что будет платить за него.

Позднее сказал:

— Читал биографию Диккенса в Эфроне. Хорошо написана. Диккенс до 14 лет только два года ходил в школу, потом наклеивал ярлыки на ваксу. Так что не имел школьного образования; а какая тонкость, глубина мысли!.. „Пиквики“ написаны с веселостью, которая так и сияет из лиц..

Тат. Льв. рассказывала о тишине в городах французской Швейцарии: в 10 спит все. Л. Н. вспоминал, как они с Тургеневым ехали в Гренобль, — Тургенев ехал лечиться. Л. Н. доканчивал там свою работу, не помнит, что, — может-быть, „Люперн“.

Потом Л. Н. играл с Тат. Л-ной в кабалу.

19 октября 1905 г.

Л. Н. ездил верхом по тульскому шоссе; не доезжая 5 верст до Тулы, повернул обратно. Встречные рассказали ему, что в Туле ходят по улицам толпы народа; фабричных распустили на 4 дня; раздают и читают вслух манифест, в котором объявлена полная конституция, свобода слова, печати, собраний.

— Худого в этом ничего нет, — прибавил Л. Н., рассказав содержание манифеста.

На улицах ставят столы, ящики, влезают на них и ораторствуют. Губернатора просили выпустить из тюрьмы политических; он ответил, что не может, пока не получит приказа свыше. Л. Н. спросил мужика: что будет? Мужик ответил:

— Свобода будет.

Алекс. Львовна, вернувшись из Тулы, со двора закричала Юлии Ивановне на второй этаж сильным, звонким голосом:

— Жюли-и! В Туле манифестация, по Киевской нельзя проехать. Музыка, марсельезу играют. Зато поручений ни одного не могла исполнить! Все заперто, даже аптеки.

Когда я пришел к обеду Л. Н. сказал мне:

— Поздравляю вас с конституцией.

— Душан Петрович не радуется, — сказала Ю. И. Игумнова, — говорит, что теперь евреи нахлынут на Русь.

— Да, да, совершенно справедливо, — согласился Л. Н. — Беренштам мне говорил о Бунде...

С. А. перебила Л. Н.-ча:

— В Туле мирные манифестации, но в Москве, вероятно, насилие.

— У них будет везде одинаковый *mot d'ordre*, — сказал Л. Н. — В Москве больше элемента неосновного.

Юлия Ив. прочла вслух манифест.

За вечерним чаем Л. Н. дал Т. Л.-не прочесть вслух полторы главы из „Давида Копперфильда“, которые ему особенно нравятся.

— Огромный талант, — сказал Л. Н., когда Т. Л. кончила. — Я знаю, у писателей бывают минуты вдохновения, когда им все удается... Описывая красавца, образованного, богатого, Диккенс не на его стороне... Он был высокого роста, лицом такой, как на портрете в гостиной.

Из Тулы приехала приглашенная для Т. Л.-ны акушерка Анна Павловна. Рассказала, что вчера казаки били толпу на тротуарах. И ей досталось. Вице-губернатор Хвостов извинялся за избивание, говоря, что это было сделано не по его приказанию. Анна Павловна негодовала на казаков. Л. Н. сказал:

— Вчера закрывали булочные, разливали керосин — причина была... Казаки — милые люди, семейные. На постоялом дворе, где я привязывал лошадь, уезжал казак, прощался сердечно с хозяином: „Слава Богу, мирно простояли, никакого греха не было“...

Потом Л. Н. прочел вслух из петербургского журнальчика „Человеческая Жизнь“ (июль — август 1905) статью „Одна из ближайших задач“ (о необходимости религии).

Вечером по случаю конституции, приезда акушерки и получения телеграммы от М. С. Сухотина, что завтра приезжает, было веселое на-

строение. Т. Л. ликовала и заразила своим радостным настроением Ал. Льв-ну и Юл. Ив-ну. Л. Н. играл с ней в кабалу.

Сегодня Л. Н. очень много изменил в „Конце века“¹⁾.

20 октября 1905 г.

Л. Н-чу лучше. Ездил к соседней помещице А. Е. Звегинцевой. Вечером спросил Тат. Льв., не хочет ли опять прочесть вслух несколько глав из Давида Копперфильда, и рассказал об изображенном Диккенсом мистере, который, приехав в Лондон, боялся пожаров и фальсификации с'естных продуктов, даже и к курам имел недоверие.

— Ведь кур кормят падалью, — заметила Т. Л.

— Да около Парижа в одной ферме я спросил, зачем у них столько кляч. Ответили, что на корм курам, — рассказал Л. Н.

Я читал в Брокгаузе статью „Переселение“. Л. Н. спросил, что я там прочел, и осведомился, сколько переселилось в Ташкент.

— Я этим занимался, — сказал Л. Н., — читал бумаги из архива министерства земледелия (?). Переселение шло вопреки правительству; правительство своими мерами только препятствовало ему. Переселенцы, которые надеялись на помощь правительства, пришли в Бузулук, остановились там и начали ждать. Другие же шли дальше, нанимались к башкирцам сено косить из части, продавали свою часть и шли дальше. Читал даже про таких, которые взяли с собой семена, осенью посеяли рожь, собрали, продали и на эти деньги ехали дальше; а до урожая косили траву башкирцам. Бедные, как это всегда бывает, успевали своей энергией; богатые спускаются. В Самарской губернии я знал семью переселенцев. Старик приехал в кибитке сам-одиннадцать из Пензенской губернии; другие, более зажиточные, поехали дальше, он должен был остаться. Он уже был слеп; его сын был церковным старостой. Земли у них купленной было 500 десятин.

— Помогать переселенцам, как голодным! — с негодованием к правительственной системе ведения переселенческого дела говорил Л. Н. — Я занимался этим, — тяжелое дело... Брат Сергей Николаевич говорил, что эта помощь голодным — в роде машины для кормления кур, которая была на выставке. Машина из пищи делает жижу, выпускает ее тонкими струями, сосульками, а куры сидят, только рты раскрывают. — Здесь, в Исной, в Пирогове тиф, а все-таки мужики сами добывают себе хлеб. Калужские мужики копали пруд по колена в грязи, ложились мокрые на пол, на печку, вставали мокрые — ничего с ними не случилось. — Если бы выбирать: дать ли каждой семье три коровы, три лошади и т. д., или дать капли, которые сделали бы, чтобы у них поднялась энергия — то это

¹⁾ Из этой статьи Л. Н. выпустил очень много ценных мест. Впоследствии он изъявил желание, чтобы Чертков выбрал лучшие из них и напечатал отдельно.

лучше. Всякое средство, которым можно поддержать энергию, самое драгоценное.

Я рассказал Л. Н-чу о бывшем сегодня паломнике, ходившем в Сергиевскую Лавру. Он говорил, что в Москве народ пьянствует, ругает царя, бунтует, бесчинствует на станциях, а жандармы и полицейские только просят потише шуметь, не ругать царя. Я спросил его, что сказано в царском манифесте. Он ответил, что царь в манифесте говорит: „Я православный народ землей вознагражу“.

— Я об этом думал, — сказал Л. Н. — Бедные радуются манифесту, а вдруг про землю в нем ничего. Они этому не поверят.

Л. Н. пробует написать короткий популярный листок об освобождении земли.

21 октября 1905 г.

Я получил телеграмму от брата: „Отец слаб, желает тебя видеть“... Когда я рассказал об этом Л. Н-чу, он сказал:

— Дай Бог, чтобы тревога была фальшивая.

Прошлой ночью приехал М. С. Сухотин. Рассказывал, что ехал вместе с Б., который ругал Куропаткина за то, что проиграл два выигранных сражения. Л. Н. сказал на это:

— Кто, несмотря на то, что его разбивают, на убитых, на раненых, все наступает, тот побеждает. Так выигрывались все сражения. Наполеон так поступал.

Вечером приехал Н. Н. Гусев, сотрудник „Посредника“. Привез известие о вчерашнем побоище в Туле. (Была революционная демонстрация, на которую напала „черная сотня“). Читал вслух из привезенного им с собой сегодняшнего номера „Русского Листка“ (который, по его словам, из „черносотенного“ после манифеста стал красным) телеграфные известия о таких же побоищах во многих других (30—40) городах России. В Москве была перестрелка между демонстрантами, возвращавшимися с похорон социалдемократа Баумана, и казаками. Л. Н-ча ранили в сердце эти известия. Н. Н. Гусев, читая телеграммы, вздыхал и повторял:

— Ужасно, ужасно!

Л. Н. заметил:

— Это ужасно, но жить прекрасно.

Потом Л. Н. говорил с Н. Н. Гусевым о Думе, о Витте, о Трепове. Между прочим, сказал:

— Мысль, главный двигатель жизни, они не могут ни подавить, ни освободить. Я дорожу мыслью, которую я когда-то писал о Щедрина. Сережа... нет, другие дети — были маленькие, я сказал им, чтобы поймали „зайчика“ на шкапу. Они открыли дверь шкапа, хлопнули рукой по зайчику, а он у них на руке. Так и свобода мысли и слова... Витте — человек сегодняшнего дня. Трепов хоть честный, последовательный. Свобода печати: задорные глупости читать, когда могу читать Канта, Диккенса,

Герцена?.. Надо как можно дальше уходить от злобы, правду говорил мой знакомый старик... Я знаю причину происходящего и средство из-бавления...

(Причиной происходящих теперь ужасов Л. Н. считает то, что мы хотим управляться другими, а не самими собой, а средством — то, чтобы каждый старался исполнять волю Божию).

— Какая каша будет в Думе! — сказал далее Л. Н. — Либералы, консерваторы, социал-демократы... Витте воспользуется обстоятельствами и поднимется.

О людях, которые захватывают власть, Л. Н. сказал:

— Картуш, Бисмарк, Наполеон и подобные им жестокие люди это умеют. То же самое ожидает и нас. Придет какой-нибудь *sans foi ni loi*, разгонит Государственную Думу и захватит власть... Надо только вспомнить начало наполеоновских войн: как гусары вторглись в пограничное герцогство, вывели герцога Энгьенского чуть ли не с постели, поставили на колени и расстреляли.

— Наполеона отдали за это под суд, — сказал М. С. Сухотин. — Но так как он видел, что этот суд одна формальность, он перестал отвечать на вопросы судей.

Потом Л. Н. сказал (он говорил это уже давно), что революция не остановится на том, что добились конституции. Вспоминал выражение славянофилов: „гнилой Запад“ и говорил, что русская интеллигенция, которая рабски подражает тому, что было на Западе, действительно сгнила. Вся надежда на народ.

Вчера, когда Ал. Льв. рассказывала о волнениях тульских гимназистов, Л. Н. сказал:

— Надо спросить совета у Илюшки¹⁾. Все моложе и моложе занимаются политикой.

22 октября 1905 г.

Сегодня я ездил к больным в Рудаково, деревню на поддороге в Тулу. Из Тулы шло много народа. Я разговаривал с 50-летним мужиком, который работал в Туле на фабрике, ее закрыли, другой работы найти не мог, идет домой. С ним вместе шел другой мужик из той же деревни (верст 40 от Тулы). Он рассказал мне, что в Туле стало опасно, на улице застрелили 120 человек. Я ужаснулся и усомнился в этой цифре, но он подтвердил, что своими глазами видел на улице целые ряды трупов. Товарищ его также подтвердил это. Видно было, что они и сами верили тому, что говорили.

В Рудакове я спросил священника, сколько человек было убито в Туле. От него и от других я услышал, что было убито 19 человек, и почти все залпом солдат. Первым был затоптан молодой Дрезер²⁾, сын врача,

¹⁾ Семилетний внук Л. Н.-ча.

²⁾ Этот слух оказался неверным: Дрезер был сильно избит, но остался жив.

будто бы стрелявший в портрет государя, который несли патриоты. Убит и продавец Суворинского киоска.

Когда я рассказал все это Л. Н-чу, он сказал:

— Никогда не надо верить слухам.

Л. Н. сомневается в том, чтобы Дрезер стрелял в портрет государя. Он, говорят, был тихий, добрый человек, хотя и ярый революционер.

Вечером Н. Н. Гусев читал Л. Н-чу вслух „Конец века“ (по рукописи). Потом Л. Н. читал вслух из „Писем из Франции“ Герцена письмо одиннадцатое. (IV том сочинений Герцена, изд. George, Genève, стр. 333).

По поводу прочитанного Л. Н. сказал:

— Как Герцен полвека тому назад писал о том, что теперь нужно! Под „социалистом“ он понимал не что-нибудь определенное, в роде нынешних социал-демократов, но человека, который видит несправедливость экономического положения и хочет равенства.

Особенно понравилось Л. Н-чу следующее место (стр. 339):

„Уничтожение авторитета — начало республики. Первое условие ее — свободные и самобытные люди; авторитет убивает независимость разума. Республике нет нужды в других началах, как в необходимых началах всякого общежития; она основана на тех существенных и необходимых условиях, без которых всякое общежитие делается невозможным“ и т. д.

— Письмо это писал Герцен после переворота Кассаньяку, — сказал Л. Н. — Герцен говорил про свободных людей 50 лет тому назад; а теперь они воображают себя свободными, добиваясь права выбирать представителей; готовы подчиняться всем тем законам, которые издадут избранные ими представители, не зная вперед, какие это будут законы. Они, связанные законами по рукам и по ногам, воображают себя свободными!...

Читая Герцена, Л. Н. высказал и свою мысль, что как Герцен пишет, что в 1789 году нельзя было быть гугенотом, а в 1848 — республиканцем, так и в 1905-м нельзя быть конституционалистом. Читал Л. Н. быстро и выразительно.

Про себя Л. Н. читал сегодня Диккенса, Герцена, Канта, Фонвизина (декабриста), о котором сказал:

— Фонвизин был западник, но вместе с тем с славянофильским уважением к народу, к общине.

Какая у Л. Н-ча память! Неделю тому назад приехал И. К. Дитерихс и привез Л. Н-чу привет от человека, который назвал себя его старинным другом молодости. Л. Н. сказал решительно, что не знает и никогда не знал его. И Л. Н. был прав, оказалось, что это — человек, выдумывающий про себя разные небылицы.

Л. Н-чу все еще нездоровится. У него измученное лицо, но не говорит, что болен.

Вчера домашние не хотели пускать Ал. Л-ну в Тулу: боялись, что ее примут за еврейку.

23 октября 1905 г.

Утром приехал Илья Львович. Вошел в залу со словами:

— Удираю с семьей от побоища. В Калуге толпа громит и была направлена на меня и на доктора Дубенского, виноватого только в том, что хороший человек.

И. Л. думает, что это губернатор науськал на них толпу. Знакомые прислали ему лошадей, чтобы уезжал.

Л. Н. с недоумением отнесся к словам И. Л-ча и хотя и расспрашивал его о том, как это было, все-таки после всего, что он рассказал, остался как-будто не понимающим чего-то или недоверяющим его словам.

Мария Ал-на дала знать Л. Н-чу, что и на него собираются напасть. Л. Н., несмотря на это, ездил верхом один.

Т. Л. встревожена газетными сообщениями о совершающихся повсеместно в России ужасах: в разных местах в общем до 500 убитых, в Томске либералов сожгли в здании жел.-дорож. управления, в Туле 20 человек убитых (большинство из „черной сотни“). Т. Л. озлоблена против черной сотни.

М. С. Сухотин хотел было прочесть Л. Н-чу из газет об этих событиях, но Л. Н. сказал:

— Не хочу слушать. Бог с ними! Не надо интересоваться кровопролитием. Когда мы интересуемся ненавистью, злобой, убийствами, пробуждается задор, который есть в душе каждого человека, развиваем в себе зародыш ненависти, вражды. Мы, каждый, — составная часть этого движения; нам надо соблюдать спокойствие, не раздражать ни себя, ни других ни словом, ни поступком.

О „черной сотне“ Л. Н. сказал:

— Они не поддерживают царя, а они противодействуют насильственному разрушению существующего порядка. Не верю, что полиция подстрекает народ. Это и о Кишиневе, и о Баку говорили. Этого никогда ни в какой революции не было, чтобы полиция подстрекала кого.

С. А. бранила черносотенцев за то, что нападают на демонстрантов. Л. Н. возразил:

— Ведь начинают революционеры... Это — грубое выражение воли народа. От того, что девочки пройдут с красными ленточками, народ не изменит своего идеала. С его точки зрения царь — блюститель строя жизни; для того, чтобы изменилась его точка зрения, нужно новое поколение, как для того, чтобы исчезла вера в Иверскую Божию Матерь. Народ видит насилие революционной молодежи и противодействует ей; а ей нужны волнения.

На негодование Татьяны Льв-ны, что избивают евреев, которые в революции ни при чем, Л. Н. сказал:

— Евреи организованы в Бунд; они — революционеры. Я говорил с членом Бунда Беренштамом, он одобряет убийства.

Позднее Л. Н. сказал:

— Я прочел манифест, в нем ничего для народа.

М. С. Сухотин рассказывал последние новости: у Витте была депутация железнодорожных служащих, требовавшая повышения заработной платы. Витте им ответил, что повышение платы им было бы обременением для крестьянства. Витте готов на уступки; амнистирует политических, но с запиской.

— Очень плохо, — сказал Л. Н. — Или полная свобода, или не уступать.

— Оболенский стал обер-прокурором синода, — рассказал далее М. С. Сухотин.

— Оболенский слаб, — сказал Л. Н. — В Ялте с ним виделся; напомнил мне, что с детства помнит, как я его отцу сравнивал православие с ленточкой над стрелкой компаса.

Потом Л. Н. читал вслух из одной из двух огромных книг, которые ему привез Серг. Льв.: „Записки декабристов“ (Фонвизина, Оболенского, Штейнгеля и др.), — древнюю русскую историю Фонвизина. Фонвизин пишет, что у славян было народное управление без самодержавия. Дмитрий Донской в Москве первый ввел смертную казнь и самовластие и не позволил выбирать тысячных. „C'est le despotisme qui est nouveau, la liberté est ancienne (деспотизм нов; свобода — древна)“, — приводит Фонвизин чье-то изречение.

Л. Н. читал долго, потом его сменил М. С. Сухотин, потом опять читал Л. Н. сам. После древней русской истории Л. Н. прочел у Фонвизина историю от Петра III до убийства Павла. Читая цитаты из Карамзина, сказал:

— Когда читаю Карамзина, одышка меня берет.

Когда кто-либо во время чтения вставал или ходил, Л. Н. невольно поворачивал глаза в его сторону: это его беспокоило; но в его взгляде не было раздражения, а было одно страдание.

24 октября 1905 г.

Я дал Л. Н.-чу прочесть письмо ко мне Черткова, в котором он просит переписать ему дневники Л. Н.-ча. Л. Н. позволил мне сделать это и велел спросить их у Марии Львовны.

В „Русск. Вед.“ напечатаны два письма офицеров о том, как трудно их положение вследствие того, что они должны стрелять в своих братьев. Либеральные газеты неистовствуют по поводу патриотических контрманифестаций и нападений на революционных демонстрантов.

— Как будет историк писать о современных событиях?! — сказал Л. Н. — Нам самим, современникам, в них не разобраться. Сколько здесь разных влияний!... В истории выражается точка зрения историка, а никак не картина событий.

Приехавший из Тулы М. С. Сухотин рассказал: был у губернатора, который гордится тем, что не было больше жертв. От казачьих выстрелов

и пашечьих ударов пострадали одни черносотенцы: было убито на месте 19 человек и еще несколько умерло в больнице. М. С. Сухотин думает, что тактика революционеров, — та, чтобы держать правительство в страхе, потому что правительство уступает только из страха.

За чаем София Ник. (жена Ильи Льв.) прочла вслух из газеты, что Тая и Эфрос требуют отдать под суд полицейских, возбуждавших толпу против студентов.

— Как раз два еврея, — заметил Л. Н.

С. А. сказала, что читала в газетах, что возбуждено 92 дела против офицеров, не дававших приказа стрелять в народ или в демонстрантов.

— Вот это знаменательно, — сказал Л. Н., противопоставляя это событие шествиям с красными флагами и т. под.

М. С. Сухотин рассказал, что Совет рабочих депутатов (делегаты всех рабочих организаций) требует всеобщего, равного и тайного избирательного права.

— Suffrage universel? — сказал Л. Н. — Это — самое мошенническое, его всегда можно подделать; подкупы... Им был выбран Наполеон III, Рузвельт... Henry Grawford из Австралии пишет мне, что у них главная причина бедственности положения рабочих — та, что рабочие возлагают надежду на парламент.

Еще М. С. Сухотин рассказал, что Сергей Львович на заседании Московской городской Думы предложил ходатайствовать об отставке Трепова; предложение было отвергнуто.

— Ему что за дело? — сказал Л. Н. — Не понимаю. Глупости!

Запись о посещении Ф. М. Достоевского М. А. Поливановой (9 июня 1880 г.).

Кончились Пушкинские дни. После шума, хлопот, забот и потрясающих великих минут настало бездействие, воцарилась тишина, и только дрожали еще струны души, в которые ударились мощные волны чудной речи Достоевского, произнесенной накануне, 8-го июня в Благородном Собрании. Меня тянуло взглянуть еще раз на него, услышать его голос, внимать его словам.

Был 9-ый час вечера. «Поздно» — думаю — «как я войду?» Но вдруг вспомнила, что завтра он должен уехать. «Будь, что будет!» — и отправилась в Лоскутную Гостиницу близ Иверских Ворот. Вечер был теплый, накрапывал дождь.

В гостинице тишина, точно все вымерло. Я поднялась по коврам в коридор, и слышу только стук сердца своего. Коридорный спросил меня шопотом, как обо мне доложить. Я сказала. Он постучался, а у меня помутилось все в глазах. «Да кто такой?» — раздался голос Достоевского. Коридорный сказал. «Проси».

Я вошла в маленький, тесный номер. На столе самовар. Сам Федор Михайлович стоял передо мной в валеных сапогах, в каком-то старом пальто, в ночной сорочке. Он стал извиняться, что принимает меня в таком наряде. «Что это вы, Федор Михайлович?» — сказала я: «извините Вы меня, что я в такой поздний час тревожу Вас». — «Чем могу я Вам служить?» — «Я пришла к Вам просить Вас об одной милости», сказала я. Тут он засуетился, собственноручно усадил меня в кресло, приговаривая: «Что это Вы, какой это милости? Ах, Господи!» — «Дайте мне списать Вашу речь, Федор Михайлович, прошу Вас об этом». — «Вот не могу. Во-первых, ее взяли у меня сегодня в 2 ч. в редакцию «Московских Ведомостей», а во-вторых, я еду завтра утром в 8 часов, и Вы не успели бы ее списать. Она ведь очень длинна». — «Я всю ночь сидела бы и писала, и к 8 ч. верно кончила». — «А что сказал бы Ваш муж на это? Нет, матери семейства нельзя сидеть по ночам. Я строго смотрю, чтобы жена моя уже спала к 12 час. Зачем Вам списывать речь мою? Она появится в «Моск. Вед.» через неделю, а потом издам вы-

пуск «Дневника Писателя», единственный в этом году и состоящий исключительно из этой речи¹⁾). Не угодно ли Вам чаю?»

Я очень обрадовалась приглашению и предложила свои услуги, но Федор Михайлович объявил, что он сам нальет. Он сел на диван и заварил чай. Я стала ему говорить о впечатлении, произведенном его речью. «Вы слишком меня хвалите, Вы очень добры. Боюсь я только, что это все скоропреходяще, что это временно. А не хотелось бы мне этого, не хотелось бы мне, чтобы идея моя пропала. Дай Бог, чтобы поняли меня, потому что в речи моей есть мысль». Я стала ему говорить о нравственном подеме, вызванном его речью, о том, как все злобное, нечистое, ненавидящее отхлынуло, как люди рады были дать волю своим добрым чувствам, отомкнутым им. Я прибавила, что убеждена в том, что многие, слышавшие его в этот день, стали лучше. Федор Михайлович схватил мою руку и со слезами на глазах повторял, что это его лучшая «награда», что ничего ему более не надо. «Вы правду говорите», сказал он: «я сам видел, как мирились люди, ненавидевшие друг друга. Два седых старика помирились, после того как 20 лет жили во вражде. Да в какой! где только могли, там вредили они один другому, ночь не спали, а думали, как бы почувствительнее затронуть другого; а тут один из них уверял меня, что теперь точно ничего и не было, вся ненависть пропала у него».

В это время вновь постучали в дверь, и вошел Сергей Андреевич Юрьев. — Я сидела точно в каком-то чаду и сама себе не верила, что все, что я вижу и слышу, действительность. Я удивлялась своей смелости, удивлялась тому, что мне так легко с этим человеком!

Юрьев, увидев меня, объявил Федору Михайловичу, что я большая поклонница его, что и дочь его²⁾ также глубоко его уважает, что она просилась с ним сюда, но он ее не взял, потому что у нее голова еще болит после вчерашнего дня. «Федор Михайлович, я приехал за Вашей речью для нашего журнала³⁾. Ведь Вы обещали ее мне». «Нет, Сергей Андреевич, я не обещал: я Вам сказал, что подумаю, так как Катков также желал ее иметь. Сегодня в 2 ч. я отдал ее Каткову, а завтра в 6 ч. мне принесут корректуру, а в 8 я уезжаю». Юрьев на это только промычал, что, мол, «Вы ее обещали мне», но ничего не сказал против Каткова. Федор Михайлович стал ему объяснять, почему он отдал Каткову: «Газета — это хлам» — говорил он: «нет возможности сохранить номера. Вы знаете ведь мою Анну Григорьевну (его жена), как она аккуратна. Мне нужно было сохранить несколько номеров «Голоса»⁴⁾.

¹⁾ В этом выпуске «Дневника Писателя» самая «Речь» занимает лишь II главу и сопровождается «Объяснительным словом» по поводу ее (что составляет I гл.) и полемическим словом в связи с тою же «Речью», направленным против г. А. Градовского (III гл.).

²⁾ Доминика Сергеевна, трогательно любимая своим отцом, жившая всецело его духовными интересами и в особенности интересами сценического искусства.

³⁾ «Русская Мысль», основанная Юрьевым в 1878 г.

⁴⁾ Изд. А. А. Краевским.

Сначала сохранялись, а потом все растерялись. Вот явится моя речь в газете, ее прочтет гораздо большее число людей, а потом, в августе, выпущу ее в единственном выпуске «Дневника Писателя», и пушу № по 20 к.» — «За сколько отдали Вы ее Каткову?» — «За 500 р., а потом еще выручу в августе рублей триста, а может быть, и больше. Отдав ее Вам, я потерял бы и читателей и не мог бы ее напечатать от себя». — «Напрасно, напрасно Вы так думаете, Федор Михайлович. Мы за деньгами не постояли бы, мы Вам дали бы 700 и согласились бы на то, чтобы Вы ее напечатали после». — «Ну, успокойтесь, Сергей Андреевич, сказал Достоевский: «это дело сделано, но я очень доволен тем, как оно устроилось. А 500 р. хорошая цена. Я не могу не обращать внимания на денежную сторону. Ведь я больной человек, а у меня семья. С чем я их оставлю? Я каждую минуту могу умереть и поэтому, пока я жив, я должен думать о том, чтобы судьбу их обеспечить». Юрьев промывал что-то такое утвердительное на это. Потом перешел разговор к редакции «Русской Мысли», и Достоевский высказал недоверие к сотрудникам этой редакции, причем трепал Юрьева по руке и повторял только, что ему «не нравится, не нравится», что это «не то, вовсе не то», что нет «единства» в журнале, что сотрудники противоречат друг другу и пишут часто совсем противоположное тому, что журнал ставит себе задачей: «нет места уступкам и сделкам, где есть идея», говорил он. Юрьев между тем скрипел, хрипел, называл Гольцева¹⁾, но ничего не выходило.

Заговорили опять о Пушкинских праздниках, о Пушкине. Достоевский оживился несказанно. «Мы пигмеи перед Пушкиным, нет уж между нами такого гения!» восклицал он: «что за красота, что за сила в его фантазии! Недавно перечитал я его «Пиковую даму». Вот фантазия. Мне самому хочется написать фантастический рассказ. У меня образы готовы. Надо только кончить «Братьев Карамазовых». Очень затянулись они». — «Федор Михайлович — подхватил Юрьев — если напишете что-нибудь, то обещайте это «Русской Мысли», прошу Вас об этом». — «Ах, Господи, ведь я сам буду издавать «Дневник Писателя» с нового года. Сергей Андреевич. Как же мне быть! Право не знаю. Впрочем у меня материала много, много для «Дневника Писателя». Об одном Пушкине не наговоришься. Обещаю Вам, *если напишу*; непременно же написать не обещаю». Юрьев приставал, чтобы Федор Михайлович дал честное слово. Тот трепал только его по руке и повторял: «Ведь уж сказал и сдержу: пусть Марья Александровна будет свидетелем». Я улыбнулась и взглянула ему в глаза. Массивный растрепанный Юрьев казался мне таким незначительным рядом с этим маленьким, тщедушным человеком, великая душа которого то горела огнем в его глазах, то озаряла кроткой веселостью его бледное изможденное лицо. Мне все хотелось сказать, что он пророк, а не Пушкин.

¹⁾ Виктор Александрович Гольцев, юрист и публицист, с 1885 г. имевший ближайшее участие в редакции «Русской Мысли».

Юрьев все не знал, в какой тон попасть. Ему, очевидно, неловко было перед Достоевским. В разговоре объяснилось, что Юрьев обедал в этот день у нас, между тем как Достоевский должен был обедать у него. Он ездил на 4-ую Мещанскую и не застал Юрьева, говорил, что устал и потерял время. Юрьев, конечно, стал извиняться, припоминал, путал, но Федор Михайлович объявил, что это ничего не значит, не нарочно же «убежал» Юрьев от него. «Не могу не любить этого человека», говорил он: «на депутатском обеде ведь совсем рассердился на него. Если бы Вы слышали, Марья Александровна, как он унижал Россию перед Францией. Французы должное оказали великому русскому поэту, а мы удивляемся этому, носимся и чуть ли не делаем героем дня французского депутата. И, знаете, даже отвернулся от него во время обеда; сказал, что не хочу быть знакомым с ним». — «Вы все за фалды меня дергали», вставил Юрьев: «Я хотел Вас остановить, но Вы не обращали внимания». — «Я очень сердит был, а после обеда не мог, пошел к нему и помирился. Не понимает он, что он делает». Тут оба обнялись и поцеловались.

Какая-то газета лежала на диване. Достоевский вдруг схватил ее и прочел скабрезный случай в одном из шато-де-флер под Москвой. Я не помню, что именно там случилось, но Достоевский весь дрожал от негодования. Он возмущался, что не пишут об этом, не бьют в колокола, что позволяют такие представления на сцене. «Ведь туда и гимназистик забредет, и проезжий отец с дочерью пойдет. Ведь их души там марают и, может быть, тут именно падет семя будущего зла. Главное, целомудрие оскверняется, похищается. Вся надежда наша — это молодежь, это подрастающие детки. Мы надеемся, что они будут лучше нас, и мы сами виноваты, никто более, если это будет не так». Он весь заходил и затрепетал и удивлялся индифферентизму общества.

Прошло 11 часов. Юрьев поднялся, а Достоевский стал старческим капризным голосом причитывать, что ему укладываться нужно в дорогу. Юрьев предложил свои услуги: он все ему уложит, только Достоевский не трудился бы. Но услуги эти были отклонены улыбкой, которая говорила: «Никто никогда мне не укладывает. Я всегда сам. Я люблю знать, где что лежит. У меня эта привычка еще с каторги, где за каждую вещь должен был отчет давать, так как они казенные». Я чувствовала, что и мне пора, но мне не хотелось идти вместе с Юрьевым, хотя и встала. Юрьев обнимал Достоевского, говорил о свидании, напомнил о фантастическом рассказе. Тут снова встрепенулся Достоевский. Точно в лихорадке, с блеском в глазах он стал говорить о «Пиковой даме» Пушкина. Тонким анализом проследил он все движения души Германа, все его мучения, все его надежды и, наконец, страшное, внезапное поражение, как будто он сам был тот Герман. Рука Достоевского лежала в руке у Юрьева, но говорил он все время, обращаясь ко мне. Мне казалось, что я в том обществе, что предо мной Герман, меня самое была нервная лихорадка, и я сама стала испытывать все ощущения Германа, следя за

Достоевским. Он спросил меня, читала ли я «Пиковую даму». Я сказала, что читала ее, когда мне было 17 лет, а после никогда не приходилось. «Прочитайте ее, как только приедете домой. Вы увидите, что это. Напишите мне Ваши впечатления. Я буду в Старой Руссе до половины сентября, а потом поеду в Петербург. Нам далеко до Пушкина. Пигмеи мы, пигмеи мы».

Юрьев простился окончательно и ушел. После этого и я стала собираться. «Кланяйтесь Льву Ивановичу и извините меня, что я не был у него проститься. Ведь я знаю, он сегодня спал до 11 ч., отдохнул. А я, после вчерашнего дня, всю ночь не спал, сердце все билось, не давало спать, дыхание было несвободное. А Вас очень, очень благодарю, что приехали ко мне». Он говорил это все так сердечно, так ласково. Я сказала ему, что считаю себя счастливой, имел случай не только видеть, но слышать его, беседовать с ним, что давно мечтала о том. «Дай Вам Бог всего лучшего. До свидания», сказал он, и я ушла счастливая, твердо надеясь, что увижу его опять.

Я ничего уж не могла более говорить от волнения... Не помню, как вышла, как села на извозчика, как завезла Юрьева, который стоял на тротуаре и просил меня завезти его к Гилярову-Платонову¹⁾.

Эта «Запись» моей матери, Марии Александровны Поливановой о посещении Достоевского, была ею составлена под живым впечатлением самого события, и не есть поэтому «воспоминание», а как бы отрывок «дневника»; это просто запись для себя, с целью сохранить во всех подробностях пережитые высокие впечатления. Записанному не придано даже внешней отделки; это черновой текст, на двух листках почтовой бумаги большого формата, без какого-либо заглавия.

Но как бы ни была субъективна и даже интимна эта «Запись» по своему происхождению и исполнению, — содержание ее может иметь интерес и общий: поскольку в ней изображается личность Достоевского и поскольку отпечатлелись в ней веяния тех знаменательных «Пушкинских дней», в которых Достоевскому суждено было занять первое место своею проникновенной речью о Пушкине.

Приведу в виде как бы пролога к рассказу «Записи» несколько строк из воспоминаний о «Пушкинских днях» А. М. Сливичского²⁾ («Моск. Еженед.» кн. Е. Н. Трубецкого, 1908, №№ 44 и 46), который был одним из помощников-добровольцев моего отца Л. И. Поливанова, как Председателя Комиссии Общ. Л. Р. Сл. по устройству праздника, в его многосложных заботах и хлопотах в этом ответственном деле. «На мою долю» — пишет Сливичский — «выпало в этот день доставить из

¹⁾ Н. П. Гиляров-Платонов (1824—1887 г.) славянофил, с 1867 г. публицист, издававший газету «Современные Известия».

²⁾ А. М. Сливичский († 1913) позже известный детский писатель и член Общества Л. Р. Сл.

Благородного Собрания в Лоскутную гостиницу венок, поднесенный Ф. М. Достоевскому после его памятной речи ¹⁾. Мы под'ехали к Лоскутной почти одновременно, и я вошел в его комнату вслед за ним. Он любезно просил меня присесть, но так был бледен и видимо утомлен, что я решил по возможности сократить свой визит. Хорошо помню, как он, вертя в руках тетрадку почтовой бумаги малого формата, в которой не без помарок была набросана только что прочитанная речь, повторял неоднократно: «чем объяснить такой успех? Никак не ожидал»...

Начало беседы матери моей с Достоевским не есть ли как бы продолжение того, что пишет А. М. Сливичкий, и даже место действия — тот же номер Лоскутной гостиницы, но лишь на другой день.

Самое дерзновение рассказчицы поехать к Достоевскому в значительной степени объясняется не только ее давней мечтой о личной беседе с ним, но и близким прикосновением к устройству самого Пупкинского празднества: она была ближайшей участницей многих хлопот, помогая в них своему мужу, И. И. Поливанову, — и для нее это большое дело было в известном смысле «своим». Она была посвящена и во все мелочи этой сложной организации и во все, что в этом событии крупного общественного значения имело характер первенствующий. Речь Достоевского, и до того бывшего властителем ее духовных интересов, конечно, была в этом празднике для ее впечатлительной и глубокой натуры наибольшим душевным событием ²⁾, — отсюда и то «дерзновение», которое привело ее к Достоевскому в последний вечер пребывания его в Москве, тем более, что представлялся к тому и такой естественный повод: жена Председателя Комиссии Общ. Л. Р. Сл., лично ему представленная (Кр. Арх. 1923 г. Письмо Достоевского «к жене» от 30 мая 1880 г.), являлась к писателю просить текст его речи, чтобы списать ее для себя.

Что касается С. А. Юрьева, то приезд его к Достоевскому обуславливался тем, что он был редактором журнала «Русская Мысль», но он был и председателем Общ. Л. Р. Сл., что надо также принять к сведению. Достоевский был определенно предубежден против Юрьева. Почти в каждом письме из Москвы «к жене» (Кр. Арх. 1923 г. I т.) он пишет о Юрьеве, или в связи с заботой о том, где будет напечатана его предстоящая речь, или в связи с отношением Юрьева, как председателя Общ. Л. Р. Сл., к Каткову. «Мерзость» — пишет Достоевский (от 2—3 июня) — «и еслиб только я не ввязался так в эти празднества, то, может быть,

¹⁾ Вообще же «прикомандированным от Поливанова» к Достоевскому (см. его письмо к жене от 2—3 июня 1880 г. в Кр. Арх. 1923 г. т. I) был Л. М. Лопатин, тогда еще только год, как окончивший курс Московского университета и оставленный при нем по кафедре философии.

²⁾ Происходя из семьи немецкого пастора, она с детства и во всю остальную жизнь жила высокими нравственными интересами, и моральная сила произведений Достоевского привлекала ее к его личности с первых же лет знакомства с ними.

прервал бы с ними¹⁾ сношения. Резко выскажу это Юрьеву»; и в следующем письме: «Мы (т.-е. Достоевский, Григорович и Висковатов) страшно все напали на Юрьева за письмо его к Каткову²⁾ и распекли его ужасно». На Юрьева переносит он и все свое предубеждение против партии западников, с которым он уже ехал в Москву (Там же, п. к Победоносцеву от 19 мая) и которое не оставляет его и в Москве. Раздражает его Юрьев и своею непрактичностью: «о ходе дел от Юрьева не мог добиться толку, человек беспорядочный, в новом виде Репетилов. Однако же с хитростью (интриги однако были несомненные)» (п. к жене от 25 мая). Но особенно негодует он на Юрьева за то, что тот не спешит приобрести для Русской Мысли его статью о Пушкине: «Штука в том»—пишет он (в том же письме)—«что Репетилов хитер: ему не хочется брать теперь статью и платить за нее» и т. д. По этому письму судя, и Юрьев и Катков предполагали приобрести речь Достоевского лишь «на осень»; особенно это было неожиданно для Достоевского со стороны Юрьева, о котором он пишет: «Между прочим, я заговорил о статье моей, и вдруг Юрьев мне говорит: «я у вас статью не просил» (т. е. для журнала.) Тогда как я помню в письмах его именно просил». И вот Достоевский, когда Катков «стал настоятельно просить ее себе, т.-е. все-таки на осень», как бы предрешил исход дела: «Взбешенный на Юрьева, я почти обещал»—пишет он далее; однако тут же прибавляет; «Так что теперь, если Русская Мысль захочет статью, то сдери непомерно, иначе Каткову (статью к тому же времени можно еще распространить)». Но в том же письме, после перерыва («В 2 ч. пополудни»), Достоевский пишет, что пришел Юрьев и начал приставать, чтобы статья была напечатана в Русской Мысли: тут же идет речь и о размере оплаты «речи» (400—500 р.), Достоевский рассчитывал лишь на 300—350 р. Это заставляет его взвесить *материальную* сторону вопроса—и результатом является снова колебание в том, кому дать «речь»; с другой стороны его мучит и *моральное* соображение (см. подробности в том же письме). И в следующем письме (от 25—26 мая) Достоевский пишет: хоть «Слово» мое о Пушкине теперь уже непременно будет напечатано, но где—ведь я почти что в субботу обещал ее Каткову. А стало быть «Любители» и Юрьев будут в горе. А отдать им, рассердится Катков».

Даже в ночь перед 8 июня Достоевский не знал, кому отдаст речь: в письмах к жене (Кр. Арх., письмо 7—8 июня) он пишет: «Видишь,

¹⁾ т. е. с членами О. Л. Р. Сл.—устроителями праздника.

²⁾ «У Каткова застал новости: он только что получил официальное письмо от Юрьева, как председателя О. Л. Р. Сл. (и которого Катков с незапамятных времен членом). Юрьев уведомляет, что билет пригласительный на празднества был послан в Моск. Вед. ошибочно и, что совет «Любителей» по устройству празднеств отменил это приглашение, как несогласное с решением совета, так что приглашение надо считать не бывшим. Форма письма самая сухая и грубая. Меня уверял Григорович, что Юрьева заставили это подписать, главное Ковалевский, но, конечно, и Тургенев»...

Аня, пишу тебе, а еще речь не просмотрел окончательно. 9-го визиты; и надо окончательно решить, кому отдать речь. Все зависит от произведенного эффекта».

Теперь ясно, что Юрьев был в известной мере прав, рассчитывая на «речь» для Русской Мысли; самая сумма оплаты «речи» определилась предложением Юрьева же (500 р.); ясно, и почему моя мать пишет: «Юрьев... только промышлял, что, мол, «Вы ее обещали мне»..., но *ничего не сказал против Каткова*». Ясно и отношение Достоевского к Юрьеву.

Беседа их, воспроизведенная в «Записи», идет уже после триумфа Достоевского; свалилась с плеч и забота материального расчета, и теперь в душевном равновесии и на высоте своей победы он ведет беседу с Юрьевым в тоне снисходительного и покровительственного доброжелательства. Он прямо дает урок Юрьеву, раскрывая ему всю неосновательность ведения им Русской Мысли, в основе задуманной в славянофильском духе (поэтому-то Юрьев и мог рассчитывать на «речь» Достоевского для своего журнала): «не нравится, не нравится», «не то, вовсе не то», «нет места уступкам и сделкам, где есть идея» — такими словами он высказал все. Юрьев, не Репетилов, конечно, и далеко не «хитрый», но в своем роде «мечтатель», который «мечтал» создать орган, где бы слились лучшие течения и славянофилов, и западников, — был явлением в русской публицистике совершенно иного типа, чем Достоевский, этот умудренный опытом боец за идею и стойкий в своих прямых принципах до фанатизма. Свой «Дневник Писателя» он вел не так; самое создание *единоличного* журнала уже определяет все. Это был публицист, «власть имущий» не считавший числа «врагов», выходя с ними на жестокий бой. Он как бы и предрек судьбу «Русской Мысли»: в 1885 г. Юрьев, этот мечтатель 40-х годов, последователь в своих основных воззрениях Хомякова, вынужден был покинуть журнал, им созданный. Его место занял человек не 40-х годов. Если и была в Юрьеве хитрость, то хитрость почти детского свойства, беспомощности среди тех сложных общественных течений, которые особенно остро ощущались на арене Пушкинских празднеств; а судьба поставила его в эти дни быть председателем Общ. Л. Р. Сл. — Тот же снисходительно-покровительственный тон в словах Достоевского и о депутатском обеде, о том, как Юрьев унижал Россию перед Францией своим излишним вниманием к французскому представительству на русском празднике. Интересны и детали того, как выразил свое «сердце» Достоевский на поведение Юрьева: он его «дергал за фалды»... Могу к этому дополнить то, что запало в мою память с отроческих лет¹): помню, как сильно поразила меня та раздраженная страстность, с какою Юрьев, беседуя за обедом с моим отцом и матерью, уверял, что Достоевский его даже «щипал». Это я слышал за обедом именно этого дня, т. е. когда Юрьев, обедая у нас, заставил Достоевского совершить далекий путь к нему на 4-ю Мещанскую.

¹ Мне шел тогда 13-й год.

Свою непрактичность, неумение найтись, так сказать, постоять за себя, Юрьев обнаруживает во всей беседе, и эта сторона его личности образно выразилась в «Записи».

Собственно говоря, конечные строки «Записи» в подлиннике зачеркнуты рукой матери, но я их восстановил, и главным образом потому, что облик Юрьева, которого моя мать берет к себе на извозчика, чтобы завести к Гилярову-Платонову, так цельно завершается здесь картиной его, поистине, детской беспомощности.

Может показаться, что мать старается дать отрицательное освещение личности Юрьева, но, зная его многие годы, она всегда очень ценила его и относилась к нему с искренним расположением; однако в дни особенного подъема чувств, вызванных высокою личностью Достоевского, она не могла быть беспристрастной, поскольку приходилось видеть отношение к Юрьеву Достоевского, тем более, что она слишком хорошо знала о соперничестве Достоевского и Тургенева, знала о непримиримых принципиальных счетах Тургенева и Каткова и даже принимала косвенное участие в попытках примиренья их «перед лицом Пушкина»: в «Моск. Вед.» за 1899 г., в одном из №№ конца февраля или в марте, есть интересные подробности этого эпизода в фельетоне «Исчезнувшие» за подписью П. Викулин (т.е. С. В. Флеров); знала близко моя мать и ту, подчас шаткую позицию, какую занимал во всех этих перипетиях праздника Юрьев. В таком освещении он и вошел в ее «Запись».

«Речь» Достоевского была издана им в «Дневнике Писателя» (август 1890 г.) уже в сопровождении «Объяснительного Слова». В нем есть место, несомненно договаривающее то, что в беседе с моею матерью говорил Достоевский о скоропреходящести, грозящей впечатлению от его Речи», прибавляя: *«не хотелось бы мне, чтобы идея моя пропала. Дай Бог, чтобы поняли меня, потому что в речи моей есть мысль»*. Я имею в виду то место «Объяснительного Слова», где он объясняет значение своей «Речи», как «события» (по признанию И. С. Аксакова) и где он видит это «событие» в сделанном «огромном и окончательном, может быть, шаге к примирению с западниками» — «ибо славянофилы заявили всю законность стремления западников в Европу и т. д.»... «и западники и не какие нибудь, а передовые представители западничества» также жали руку ему «с таким же горячим увлечением, как славянофилы». Но Достоевский знает и высказывает, что «масса-то, масса-то оторвавшихся и отщепенцев,... середина-то, улица-то..., западничество» на примирение не пойдет, никогда не возвысившись до признания «начал» славянофильства, на что «передовые представители европеизма» и были бы способны. Вот эта мысль, эта «идея» и дорога была Достоевскому, и за осуществление ее он опасался, как это видно из «Записи», даже еще будучи под обаянием успеха своей «Речи».

Описанное моею матерью посещение Достоевского было единственным. Текст «Речи» от него она не могла получить, но из «Московских

Ведомостей» списала ее в свою тетрадь — Album, в которую вписывала наиболее важные «документы» протекавшей общественной жизни и последние страницы которой заняты «Речью проф. Н. А. Зверева», произнесенною им в заседании Общ. Л. Р. Сл. 31 янв. 1882 г. и посвященною памяти Достоевского в годовщину его смерти¹⁾). В комнате моей матери неизменно висел прекрасный фотографический портрет Достоевского, ее *особый* портрет; в библиотеке отца висел такой же, но среди портретов и других писателей, в комнате же матери был портрет одного писателя — Ф. М. Достоевского.

Ив. Поливанов.

¹⁾ Напечатан в журнале «Русь» за 1884 год № 1, январь, под заглавием: «Достоевский в своих последних романах («Преступление и наказание», «Бесы», «Бр. Карамазовы»)» стр. 44—56.

Отец и сын.

Юношеские годы кн. П. А. Вяземского.

(По неизданным материалам Остафьевского архива).

1.

Это было летом 1805 года.¹⁾ На выдающейся в сад террасе Остафьевского дома, на столе приготовлены чернильница, перья и лист голубоватосерой толстой бумаги с намеченными линейками. За столом тринадцатилетний мальчик, некрасивый и неуклюжий, старательно записывает плавные французские периоды, которые импровизируя, диктует его отец.

Старый князь, Андрей Иванович, грустен и озабочен: беспощадно жестокие слова, срываясь одно за другим с его губ, рисуют глубоко безотрадную картину, которая сгоняет его внешнюю суровость, трогает его самого до слез и мешает продолжать диктовку.

„Я отвожу вас в Петербург, сын мой,²⁾ — диктовал старик, — чтобы поместить в специальное воспитательное заведение, не имея возможности дать вам здесь такое воспитание, какое бы мне хотелось. Это воспитание, как я часто вам повторял, имеет две стороны: — моральную, задача которой выработать наш характер, сделав его добрым по отношению к другим и справедливым по отношению к самим себе; другую — образовательную, для украшения нашего ума знаниями, полезными и необходимыми, как для нас самих, так и для общества, в котором мы должны исполнять разнообразные обязанности, в соответствии с различием государства, положения и обстоятельств жизни. С прискорбием я вижу, что вы не сделали никаких успехов ни в той, ни в другой области и идете скорее назад, чем вперед. Вследствие этого я вам даю на будущее время следующие советы. Вы будете в обществе молодых людей или детей, приблизительно вашего

¹⁾ Рассказ о нижеописываемом событии смот. в Собр. соч. кн. П. А. Вяземского т. I стр. XV—XVI „Автобиографическое введение“.

²⁾ Документ печатается впервые. Подлинник (четыре страницы в четвертку) на франц. яз. В переводе несколько изменены знаки препинания, расставленные в подлиннике иногда без всякого смысла или отсутствующие вовсе. В подлиннике также ряд орфографических ошибок, частью исправленных другой рукой.

во зроста: вспыльчивость характера, ваша привычка спорить и прекословить несомненно будут замечены вашими наставниками и товарищами; первые вас будут наказывать, так как обязаны это делать и имеют на это право, чтобы в детстве искоренять недостатки, которые в более взрослом возрасте обратятся в пороки; ваши товарищи будут сторониться вас и даже избегать, так как не может быть ничего более несносного, как иметь дело со спорщиком, в особенности вспыльчивым, который вместо того, чтобы разговаривать и вести непринужденную беседу, как должны делать дети, будет всегда напрашиваться на ссору и на удары кулаком за вспыльчивый характер. То обстоятельство, что на эту сторону вашего воспитания было обращено слишком мало внимания, заставит вас самого позаботиться о нем, без этого вам будет плохо в школе, как ребенку, и в обществе, как сложившемуся человеку.

Перейдем теперь к образованию: вы очень мало знаете для ваших лет, что происходит отчасти от невнимательности ваших учителей, но главным образом от вашей ветренности, от лени вашего ума и от небрежности ваших занятий вне класса. Тут, предоставленный себе, без возможности сравнения и соревнования, вы можете пробавляться вашим невежеством без особенного огорчения для самолюбия, которое, будучи добродетелью при правильном пользовании, оказывается у вас большим недостатком, вследствие неверного приложения. Как раз самолюбие будет в вас решительно и болезненно сломлено, когда вы поймете, что ваши учителя смотрят на вас как на невежду, а ваши товарищи обращаются с вами с сожалением и презрением. Это презрительное отношение не исчезнет, пока вы не приложите всех усилий для того, чтобы хорошо знать все, чему вас будут учить. Вы не лишены ни ума, ни известного развития, но ветренность вашего характера делает то, что вы отвлекаетесь всем, что вас окружает, сколь бы ни было это незначительным и ничтожным. Лениность вашего ума, эта вторая причина вашего невежества, заставляет вас скучать и испытывать отвращение к изучаемым вами предметам в тот момент, когда они требуют особого внимания и прилежания. Пустота и бессодержательность вашего времяпровождения после классов — третья причина вашего невежества: или вы повсюду слоняетесь, как дурачек, или вы занимаетесь такими пустяками, как пускание змея или другими детскими игрушками. Даже если вы и берете книгу, то это лишь от скуки и от нечего делать. Старые газеты или серьезное сочинение — это для вас безразлично, вы читаете все, что первым попадается под руки. И как вы при этом читаете: из середины ли книги, с начала ли или с конца — вам все равно; даже кончив одну страницу и видя, что следующие не разрешены, вы перевернете еще страниц двадцать и будете продолжать чтение без всякой последовательности, так как и начали вы читать без системы и без всякой охоты.

Вот набросок вашего портрета, пусть ваше самолюбие само скажет, преувеличен ли он; обрисовав вас, я вам дал несколько советов, пытаюсь изменить вас к лучшему, и указал причины, которые должны вас привести

к этому перерождению, при этом я имел в виду то положение, в котором вы будете находиться в обществе ваших наставников и товарищей.

Но есть причина более значительная и священная, сын мой, та, которая заключается в отношениях сына и отца, в этой привязанности и взаимной нежности, в этом желании угождать отцу и делать тотчас же и без малейшего колебания все, что он нам приказывает для нашего блага. В течение четырех или пяти месяцев, когда я был очень холоден с вами, потому что вы не делали ничего, что я желал от вас, я не заметил в вас никакой перемены за исключением несколько подобострастного испуга и рабского смущения перед лицом своего наставника; никакого возврата нежности или раскаяния. Это не хорошо, мой сын, я уже не говорю вам о том, чего мне это стоило. Да сохранит вас только Бог от необходимости узнавать это на опыте по отношению к вашим детям, но таковы результаты и следствия, к которым все это ведет. У меня есть другие дети, две дочери: одна ³⁾, по своему возрасту, является утешением моей старости и своими заботами обо мне дает вам поразительный пример дочерней нежности; и теперь она готова покинуть мужа и ребенка, чтобы сопровождать меня. Она моя единственная радость, и никто не может себе представить, что мне стоит расстаться с ней. Я покидаю ее, лишь надеясь, что это будет для вашего блага. Ваша другая сестра, ⁴⁾ много моложе старшей, также позволяет мне надеяться, что она пойдет по ее стопам в своей нежности по отношению ко мне⁵⁾.

Умиление и слезы оборвали на этом месте импровизацию старого князя. Он поспешил отпустить сына, приказав переписать продиктованное на-бело.

Полновесный обвинительный акт, „наказная грамота“, глубокое волнение отца — все это мало растрогало писавшего мальчика.⁵⁾ Его, конечно, очень должен был занимать вопрос, как сойдет диктовка с грамматической стороны: не мало ошибок исправил он сам, а потом и его отец. Содержание же импровизации часто ускользало от его внимания, что заметно по представленным им знакам препинания: то он самым нелепым образом отделяет точкой придаточное предложение от главного, то забывает разделить запятой длиннейшие периоды, на которые был особенно щедр его отец. Было, вероятно, немного страшно перед отцом, но виноватым мальчик себя не чувствовал, как и признавался впоследствии. Душевная же драма отца была ему совершенно чужда и непонятна.

Чтобы понять глубину волнения старого князя и его причины, нужно несколько остановиться на его характеристике.⁶⁾ Только при ближайшем

³⁾ Старшая дочь кн. Анд. Ив. от связи с граф. Сиверс (см. далее) — с 1804 года жена Н. М. Карамзина.

⁴⁾ Княжна Екатерина Андреевна Вяземская (1789—1810) впоследствии княгиня Щербатова.

⁵⁾ См. „Автобиографическое введение“.

⁶⁾ Главный материал для характеристики кн. А. И. Вяземского дан в «Архиве князя Вяземского» изд. гр. С. Д. Шереметевым 1881 г., в воспоминаниях сына (Собр. соч. кн. П. А. Вяземского т. I, II, VII) и в воспоминаниях некоторых современников.

знакомстве с ним неудача с воспитанием сына явится как важнейшее событие его жизни, как крушение целой системы, органически выросшей из его стройного, законченного мировоззрения.

Как четкий рисунок на старом резном камне, где нет места никакой приблизительности и неопределенности, встает из мглы прошлого его образ. Недаром он любил этот строгий род искусства, собирая в своем Остафьеве великолепную коллекцию резных камней, недаром умел любоваться художественной чеканкой медалей и монет, посещая во время путешествия нумизматические кабинеты Западной Европы. Что-то от их строгого холода и четкости было в самом духовном облике князя.

„Вольтеррианское“ воспитание, французский рационализм XVIII в., на идеях которого вырос старый князь, встретили в нем благодарную почву — ум от природы трезвый, практичный. Материализм ума воспитанием был возведен в систему, самостоятельность же характера позволила построить на нем цельное мировоззрение, которое он со свойственной ему настойчивостью и упрямством стремился приложить к действительности.

По знатности, богатству и влиятельной родне кн. Андрей Иванович мог бы занять блестящее положение при дворе, но прямолинейность, неподатливость его характера, вероятно, не позволила ему сделать придворной карьеры.

„Кленусь Вам, Всемилостивейший Государь, — писал он Павлу, — что природа влила в душу мою непреодолимое омерзение от кривых дорог. Злодеи мои должны в оном признаться, что когда ими достигали до величайших отличностей, я никогда ни у кого оных не искал, как в следствии правил неподозрительной добродетели, и без прискорбия сносил забвение, в котором находился.“⁷⁾

Служебная карьера князя действительно подтверждает его полное неумение быстро подвигаться по лестнице чинов и отличий. Одиннадцать лет остается он в чине генерала-поручика, чине, в котором, по его замечанию, его собственные „под командующия были меньше двух лет“,⁸⁾ и давно сумели его обогнать по службе. Он не гнался за высоким положением, но такое явное нарушение справедливого, логического хода вещей было ему невыносимо. Он точно высчитал, что такие-то товарищи опередили его, а бывшие подчиненные сравнивались с ним, и демонстративно подал Павлу прошение об отставке. Та же прямота, трезвость и часто узорность взгляда характеризует всю его служебную деятельность.

Памятником его военной службы осталась „Записка военная“, в которой он, добросовестно точно анализируя, вскрывает все язвы современного военного строя. Для него солдат не единица победоносной российской армии, а тот мужик, характер, привычки, одежду которого он хорошо знает, как хороший хозяин своей вотчины. Но сообщить широту своим выводам, сделать обобщения и указать меры борьбы со злом он неспособен:

⁷⁾ «Арх. кн. Вяземского» стр. 48.

⁸⁾ То же, стр. 65. Прощение об увольнении от службы.

его мысль крепко привязана к обыденной действительности, и его советы исправлений примитивны и недалеки. В гражданской службе он составляет „Записку об издании экстрактов из указов“, где с одной стороны является верным учеником Монтескье, а с другой — горячим врагом русского судебного кланузничества и ябедничества, которые были особенно ненавистны его прямому уму.

Та же трезвость ума заставляла его ожесточенно бороться с старообрядческими сектами. Религиозное чувство вряд ли было ему понятно. Его старый отец, окруженный духовными лицами и погруженный в церковные службы, вызывал в нем в дни молодости лишь недоумение и тягостную скуку. Будучи Нижегородским наместником, он начал систематическое преследование Керженецких раскольников, о которых в соответствующем донесении дал следующий, достойный русского вольтерианца, отзыв: „Все сии келейники и странники суть праздные хлебеды, разгорячающие своими бреднями умы крестьян к фанатизму“.⁹⁾

Хорошо усвоенные идеи современного философского рационализма особенно отчетливо сказались при его административной деятельности в роли Нижегородского и Пензенского наместника. Подмечая трезвым, острым умом недостатки окружающей действительности, он в то же время твердо верил в легкую возможность упразднить их разумным законом и постановлением. Это свойство хорошо отметил кн. Ив. Долгоруков, бывший при нем вице-губернатором в Пензе. Смеясь над „бесприкладными его теориями и нелепыми затеями ума, испорченного английскими предрассудками“, Долгоруков остроумно замечает: „Он хотел в Пензе создать Лондон и, начав с сей точки, что ни делал, что ни писал как начальник русской провинции, все было не у места и не к стати“.¹⁰⁾

Таким был кн. Андрей Иванович в служебной деятельности, не менее своеобразным явился он и в семейных делах и отношениях. О его независимом характере говорит факт его женитьбы на ирландке М-ме Квин (урожд. Д'Орельи), разведенной женщине, в которую он страстно влюбился во время заграничного путешествия. Никакие протесты родни, почти предсмертные мольбы и приказания родителей не способны были поколебать его решения. Не меньше презрения к предрассудкам, чем в обстоятельствах женитьбы, обнаружил он и в следующем случае: у него была дочь от связи с графиней Сиверс, которую он под именем Екатерины Андреевны Колывановой взял в свой дом, воспитал вместе с законными детьми, пытался выхлопотать ей дворянство (в архиве сохранился отказ на его просьбу) и трогательно заботился о ней в завещании. В Остафьеве же хранил он большой портрет ее матери.

Ранняя служебная отставка и вскоре затем смерть любимой жены сильно повлияли на князя, но не изменили его характера, предприимчивого, деятельного и настойчивого. Он не знает тоски и уныния, у него слишком

⁹⁾ То же, стр. 93 „О расколниках и их скитах в Семеновском округе“.

¹⁰⁾ Кн. И. Долгоруков: „Капище моего сердца“, стр. 71.

много для этого разнообразных интересов. Он не прочь заняться науками, главным образом, математическими и естественно-историческими, он составляет хороший физический кабинет, различные коллекции и огромную библиотеку. Литература иностранная и русская ему великолепно знакомы, при чем главными его симпатиям пользуются сочинения не поэтические, а исторические и философские труды и рассуждения. В больших вольтеровских креслах у камина, с философическим сочинением Cabanis „Rapports du physique et du moral de l'homme“ в руках, вспоминается кн. П. А. Вяземскому его старейший отец.¹¹⁾

Политика продолжает также горячо интересоваться кн. Андрея Ивановича и, например, личность Наполеона приводит его в восторг и восхищение. Вместе с тем он очень общителен с людьми, в его салоне собирается круг лиц с живыми литературными интересами, многие из которых причастны к авторству. Сам он большой остроумец и тонкий диалектик в прениях. Однако, вся эта атмосфера изысканных интересов и времяпровождения не могла целиком занять его активной натуры, требовавшей практической деятельности, проявления инициативы, предприимчивости. Удовлетворение этим наклонностям князь нашел в хозяйственных заботах и в воспитании детей.

В подмосковной своей, Остафьеве, он выстроил дом, который как будто запечатлел цельность и трезвую простоту своего создателя. Строгое соответствие форм с содержанием, никакой погони за внешней красотой, блеском, спокойная ясность линий и пропорций — в архитектуре дома, в размещении комнат, в развеске картин. Точно колода карт в каком-то пасьянсе висят до сих пор в его спальне правильными горизонтальными и вертикальными рядами гравюры с портретов французских и английских писателей и общественных деятелей XVIII века, все одинакового размера, в одинаковых узеньких рамках. Близко к дому, у пруда, не заботясь о красоте пейзажа, выстроил он солидные белые корпуса суконных фабрик, организацией и ведением которых внимательно занимался сам к удивлению своих столичных приятелей.¹²⁾

Но главным, важнейшим делом своей жизни старейший князь считал воспитание детей или, вернее, единственного сына, так как с дочерьми этот вопрос не вызывал никаких осложнений. Другое дело сын, князь Петр. Его воспитание было тем крестом, не сняв который, тяжело было умирать старику — отцу.

Зная характер Андрея Ивановича, его веру в всемогущие системы и рассудка, можно заранее сказать, во что выльется его воспитательная

¹¹⁾ Соб. соч. кн. П. А. Вяземского, т. VII, стр. 91. «Допотопная или допожарная Москва».

¹²⁾ Письмо кн. П. В. Лопухина к кн. Андр. Ив. 6 сент. 1804 г. «Мне очень грустно что я об вас ничего иного не слышу как только то что вы занимаетесь хозяйством, строением, и размножением фабрик и заводов. При толь многих трудах кажется бы нужно было подумать о развлечениях, и о способах усладить жизнь, как с стороны души и сердца, а также не забывать и бремяное тело». (Арх. кн. Вяземского, стр. 140).

практика: трезвая рассудочность и упрямая настойчивость в проведении раз избранного пути дает здесь пышный цвет.

Нервный, впечатлительный мальчик труслив и робок, — надо его закалить: оставить одного ночью в темном парке, бросить барахтаться в Остафьевском пруду; склонен к фантазерству, рассеян — засадить за математику и на гимнастике цифр выправить горячее воображение.¹³⁾ Отец об'явил открытую войну индивидуальным наклонностям сына и настойчиво стремился подогнать его под свою мерку, но как Пензы не обратил он в Лондон своими указами, так не смог он побороть и рассеянной, разброшенной натуры сына, живой, впечатлительной, но поверхностной и неустойчивой. Молодой Вяземский вовсе не оказывался тем идеальным Эмилем, с которым вероятно в воображении имел дело старый князь, чертя свои воспитательные планы. Наоборот, чем активнее были нападения отца на враждебные наклонности сына, тем упрямее замыкался в них сын и ни выписные из-за границы воспитатели, ни телесные меры наказания, которым самостоятельно подвергал его отец, терзаясь сам, со слезами на глазах, — ничто не помогало. Рассудочная система отца вызывала холодность, боязнь и равнодушие в сыне. Горячая любовь одного скрывалась за искусственно поддерживаемой суровой внешностью, сыновнее чувство другого совсем не было разбужено. Решение отдать сына в петербургский пансион было признанием старого князя в своей полной беспомощности и несостоятельности. Продиктованная же „наказная грамота“ запечатлела в себе всю внутреннюю драму, переживавшуюся при этом стариком и нарисовала вместе с тем очень строгий, но во многом чрезвычайно меткий, портрет его неустойчивого, „развлекательного“ сына, каким он оставался и многие годы спустя.

2.

Жизнь оказалась снисходительнее к молодому Вяземскому, чем прописная мораль в наставлениях отца. Помещенный в среднее отделение петербургского пансиона патера Чижа, он быстро завоевал симпатию, как среди воспитателей, так и в кругу товарищей.¹⁴⁾ Оказалось, что своих сверстников он далеко опередил общим развитием ума, ближайшие связи завязались у него с воспитанниками, старшими, чем он на четыре и пять лет. Несдерживаемый более суровой отцовской школой, здесь впервые развернулся его живой общительный характер, завербовавший ему впоследствии такое множество друзей, приятелей и знакомых. Здесь же нашлись первые ценители его *bons-mots* и слушатели его первых стихотворных попыток. Здесь состоялось его знакомство с новой русской поэзией в произведениях Державина, Карамзина и Дмитриева, — в то время как раньше ему были известны лишь современники Ломоносова и Сумарокова. Главное

¹³⁾ «Автобиограф. введение». Соб. соч. кн. П. А. Вяземского, т. I.

¹⁴⁾ «Автобиографическое введение». „Послание к Д. П. Северину“. Соб. соч. кн. П. А. Вяз. т. XI стр. 362.

же — здесь он нашел то дружеское внимание и снисхождение, которых не было в отцовском доме, и которые здесь впервые благотворным теплом охватили его.

Старый князь продолжал из Москвы внимательно следить за развитием сына. Смотри на его пребывание в пансионе Чижа как на временное, он при участии друзей скоро перевел сына в пансион при только-что образованном педагогическом институте известного Ник. Ник. Новосильцова. Общий учебный и умственный уровень второго пансиона был ниже первого, но и здесь литературные наклонности будущего писателя получают дальнейшее развитие. Он увлекается поэмами Оссиана, знакомится с поэзией Парни, а его собственные авторские опыты делаются все многочисленнее и начинают признаваться окружающими. Однако свободное от всякого надзора пребывание в этом пансионе оказалось также недолговременным. Одна из старых приятельниц его отца заботливо оповестила старика — князя о вольном и даже буйном поведении его сына на каком-то театральном представлении. Испуганный отец немедленно выписал виновного обратно в Москву и, конечно, не узнал в приехавшем молодом человеке того ленивого, рассеянного и немного угрюмого мальчика, которому полтора года назад диктовал наказную грамоту на Остафьевской террасе. Без сомнения и молодой Вяземский остро почувствовал происшедшую в нем перемену, так как уже умел и любил разбираться в своем внутреннем „моральном“ мире. Быть может вспоминая о своем изображении в наказной грамоте отца, быть может следуя литературной моде того времени (примером может служить „Mon portrait“ Пушкина), Вяземский вскоре после возвращения в Москву попытался дать литературный портрет своего физического и духовного «я». Подлинник этого документа сохранился в архиве. Десять страниц, в четвертку, исписанных по-французски отчетливым, ясным почерком, великолепно запечатлели образ молодого князя на границе отроческого и юношеского возраста. Читая эти дышащие радостью и жаждою жизни строки жизни, в которой все привлекательно, все обращено светлой стороной, и беспечный, слегка самодовольный юноша Вяземский оживает перед нами. Вот он с маленькими, серыми глазками, с вздернутым носом, (*un nez retroussé*), над которым столько посмеивались его приятели, воспевая Вяземского „курносого“, с большим ртом, толстыми щеками и оттопыренными ушами. Он знает, что он некрасив, но это обстоятельство его не удручает, и не в состоянии нарушить его жизнерадостности. Весь свет не может состоять из Аполлонов — утешает он себя — и спешит перейти к „portrait moral“ — так как он хорошо знает уже цену внутреннему миру и любит углубляться в его анализ и рассуждения по его поводу. И здесь в его автопортрете получается странная смесь юношеской непосредственной жажды жизни и ее наслаждений с вычитанным скептицизмом и основанном на нем эпикурейском отношении к окружающему. Рядом с детской искренностью переживаний — пахнущие затхлой книжностью рассуждения о них и параллели — хлам, напоминающий прописную мораль наставлений его отца с тою только разницей, что у старика она была глубоким убеждением, а у сына

же более как литературным приемом. Но все же в целом автопортрет удивительно типичен для своей эпохи тем отсутствием всякого намека на внутреннюю раздвоенность и неудовлетворенность, которая уже в детском возрасте начинала мучить представителей следующего поколения. Юноша Вяземский доволен собой, окружающим, всем миром; он легко скользит взором по блестящей поверхности жизни, и она представляется ему цепью удовольствий. Внутренняя безмятежность, довольство своим „чувствительным“ сердцем и „пылким“ воображением — вот характерные господствующие черты его еще совсем примитивной психологии. Под их знаком проходит его юность, до тех пор пока внешние и внутренние грозы жизни не встряхнули его, заставив иными глазами взглянуть вокруг и внутрь себя. Но это началось знаменательной эпохой 12-го года, до тех же пор автопортрет верно отражает его несложный духовный образ. Вот этот документ, носящий на первой странице такую надпись: „Mon portrait physique et moral 20 Fevr. 1807“.

МОЙ ПОРТРЕТ.

Если Бог дал человеку способность познавать себя, и если человек может сам сделать свой портрет, то мой, я думаю, будет сделан очень хорошо, потому что у меня нет настолько честолюбия, чтобы стремиться представить себя лучше, чем я есть, и нет также настолько скромности, чтобы изображать себя хуже, чем я есть. Мне хотелось бы говорить только о моем моральном существе, так как я уже примирился с тем, что весь свет не может состоять из красавцев, — говоря одним словом — я безобразен! Нет, это слишком сильно! — Недурен! — Это слишком слабо! — Сносен — вот подходящее слово. Но в то время, как я предполагаю кропотливо описать мое внутреннее существо, опишу хотя в общих чертах мою внешность.

У меня маленькие и серые глаза, вздернутый нос (я право не знаю хорошенько, какого цвета; так как в этом презренном мире все следует за модой, то я сказал бы что мой нос слегка розовый). Как бы в вознаграждение за маленький размер этих двух частей моего лица, мой рот, щеки и уши очень велики. Что касается до остального тела, то я — ни Эзон, ни Аполлон Бельведерский! Вот моя внешность, перейдем к моему внутреннему миру.

У меня чувствительное сердце, и я благодарю за это Всевышнего! Потому что мне кажется, лишь благодаря ему я совершенно счастлив, и лишь одна чувствительность или по крайней мере, она — одно из главных свойств, отличающих нас от зверей. Человек, который не чувствует, что он человек, не заслуживает этого имени; он мне кажется ниже, чем самый жестокий зверь, потому что Бог, творя человека, дал ему в удел чувствительность так же, как льву дал жестокость — лев жесток не по своей вине! Что касается меня, то я почти не понимаю, каким образом люди могут ненавидеть друг друга; быть безразличным к комунибудь — и то кажется

мне чрезмерном, ненавидеть же себе подобного мне кажется действительно невозможным. Однако, это есть в Природе, это было, и к несчастью, вероятно, будет всегда.

Воображение! Как выразительно это слово? Какой прекрасный дар Неба! Можно узнать человека по его воображению! Итак, будем изучать мое. — У меня воображение горячее, быстро воспламеняющееся, восторженное, никогда не остающееся спокойным. Часто строит оно воздушные замки, которые к сожалению разрушаются при малейшем дуновении ветра. О, мечтание! Как обольстительно кажешься ты мне! Как несчастлив был бы человек без тебя! Да, если бы в этом мире нужно было удовлетворяться одним существующим, если бы не было дано нашему воображению поднимать нас выше, чем мы есть на самом деле, — как тяжела была бы эта жизнь.

Я легко прихожу в восторг, мое сердце быстро воспламеняется и в течение некоторого времени оно, как илохо затушенный уголь, легко раскаляющийся вновь. У меня доброе сердце и, если я иногда и сержусь, то несколько минут спустя уже все вполне позабываю. Я ничуть не мстителен, совершенно напротив. Я люблю моих родных более всего па свете и не только по обязанности (так как это слово чуждо сердцу), но потому что я расположен к этому чувству. Я крайне пристрастен не столько к себе, сколько к людям, к которым привязан — я восторгаюсь даже недостатками в тех, кого люблю. Я очень живой, вспыльчивый, но уж не настолько, как был несколько времени тому назад, чем очень доволен. Так как человек, который не умеет владеть собой, должен жить один, он не способен жить с людьми и принужден их избегать, опасаясь всегда, чтобы его вспыльчивость не привела к каким-либо крайностям.

И — веселый, люблю удовольствия и не большой поклонник одиночества. И на самом деле мне кажется, что я не променял бы никогда городского бала на сельский праздник. Я очень люблю читать [зачеркнуто: в произведениях Г. Карамзина] в пасторальных очаровательные описания прелестей деревни, которые нам дают поэты; но моя любовь к ней не идет далее. Да мне кажется, что город всегда предпочтительнее деревни. Все эти журчащие ручейки, бегущие по зеленеющей траве, эти листочки, колеблемые нежными зефирами, эти блеющие овечки, эти мычащие коровы, эти пляски пастухов и пастушек, может быть были очень приятны на родине Эстеллы¹⁵⁾ и Галатей, которые в рощах из мирт и роз плясали под звуки свирели. Но на нашей родине — экоссез, танцуемый с прекрасной москвичкой, в зале, освещенном свечами, под звуки скрипок, басов и цимбал, мне кажется несравненно привлекательнее, чем все сельские пляски.

Я очень люблю изучение некоторых предметов, в особенности Поэзии. Я не стараюсь отгадать, подлинное ли я дитя Муз или только выкидыш, — как бы то ни было, я сочиняю стихи.

¹⁵⁾ Эстелла — пастораль Флориана (1783 г.).

Quelque fois de moi, s'empare un démon ¹⁶⁾.
 Qui me fait prendre papier, et plume,
 Alors en depit des Muses, d'Appollon,
 Je chante, quoique j'aye un grand rhûme!
 Alors de ma pauvre tête ¹⁷⁾
 Pour faire quatre vers, j'en ecris cent
 Quelque fois mes vers ne sont pas betes ¹⁸⁾
 On dit que cela n'est pas souvent. ¹⁹⁾

Но, так как в этом мире каждый по своему сходит с ума, то мое безумие заключается в том, что я пишу стихи. Простите, мои милые читатели, я хотел нарисовать мой портрет беспристрастно и чуть было не заставил вас поверить, что это, может быть, единственная моя слабость! Разубедитесь, я схожу с ума по целому ряду других обстоятельств!

Между тем мой портрет почти готов — прибавлю еще кое-что, чтобы его закончить. Я не глуп — но мой ум часто очень забавен. Иногда я хочу сойти за философа, но лишь подумаю, что эта философия не увеличит моего счастья, — скорее наоборот, — я посылаю ее к черту. И не только не хочу быть более философом, но готов стать более глупым, чем Батонди, ²⁰⁾ если эта философия может меня сделать несчастным. Для чего же послужили все эти философские системы конца XVIII века, — сотни тысяч нам подобных были приведены к гибели — правда, это не стоило труда. Что же касается великой философии — подлинной философии, — то она так далека от нас, что это напрасный труд стремиться обнаружить ее в наши дни. Поэтому лучше идти совсем прямо, по своей дороге, не засматриваясь ни вверх, ни направо, ни налево, так как часто изучают Небо и, не видя ямы под ногами, падают. Это было бы еще ничего, если бы при этом не причиняли себе вреда, но так ломают ноги и остаются хромыми на всю жизнь.

Вот мой законченный портрет — тот, кто, не зная меня, его прочел познакомился со мной.

¹⁶⁾ Над этой строкой сверху написано: «Souvent de moi s'empare un démon».

¹⁷⁾ Раньше было и зачеркнуто: «J'écrits, — et je rayx, puis j'écrits».

¹⁸⁾ Раньше было: вместо «ne sont pas betes» — «ont de l'esprit»; вместо последней строки: «On dit que cela arrive rarement».

¹⁹⁾ Перевод: Иногда мною овладевает демон,
 Который принуждает меня взять бумагу и перо,
 Тогда наперекор Музам и Аполлону,
 Я пою, хотя у меня сильный насморк!
 Тогда, насилуя мою бедную голову,
 Чтобы сочинить четыре стиха, я пишу сто —
 Иногда мои стихи бывают не глупы,
 Это, говорят, случается не часто.

²⁰⁾ Батонди — полупомешанный итальянец, живший у Вяземских.

Voici mon portrait tout achevé;
 L'on m'y voit comme dans un miroir
 Il n'est ni trop peu, — ni trop flatté —
 Adieu ma plume, — jusqu'à revoir.²¹⁾

Конец.²²⁾

Старый князь, вероятно, с сокрушенным сердцем наблюдал приехавшего сына. Беспечный мечтатель и поэт — какой контраст с его строгим, трезвым идеалом! Хотя молодой Вяземский быстро стал равноправным членом в салоне отца, завоевал симпатии его старых друзей, а с некоторыми из них даже сумел войти в приятельские отношения, — князь Андрей Иванович не считал его образование и воспитание законченным. Он поспешил поместить сына в дом профессора Рейса, где ему должны были читать лекции лучшие преподаватели Московского Университета — Буле, Мерзляков, сам Рейс. Но это была последняя, принятая стариком, мера: давно мучившая болезнь заметно подтачивала его силы, смерть приближалась, и усиливалась тревога за будущее единственного сына. Ровно два месяца спустя, после того как беспечный юноша с таким видимым удовольствием изображал свой портрет и воспевал свои поэтические наклонности, старый князь в присутствии заслуженных друзей — Нелединского — Мелецкого, Оболенского, Карамзина, диктовал свою последнюю волю.²³⁾ Выделив законную долю младшей дочери княжне Еватерине Андреевне, он отделил ее старшей сестре, Е. А. Карамзиной, Арзамасскую и Ардатовскую вотчину, не преминув еще раз высказать всю нежную привязанность и благодарность своей любимице: „Супругъ Надворнаго Совѣтника Катеринѣ Андреевнѣ Карамзиной, отъ самой юности живущей въ домѣ моемъ, и во всѣ времена дружбу и любовь ко всему нашему семейству доказывавшей, начально привязанностью къ покойной женѣ моей, а по смерти ея къ дѣтямъ нашимъ въ малолѣтствѣ остав-

²¹⁾ Перевод: Вот мой портрет вполне законченный,
 В нем меня видно, как в зеркале,
 Он ни мало, ни много не льстит мне —
 Прощай, мое перо, — до свидания.

²²⁾ Оригинал на французском языке. Под словом «Fin» помещено следующее: «N...e. C... N...e H...y». На след. страя: «Viens, doux charme de l'Espérance, Viens etc». На предпоследн. странице пометки для памяти: «Взять табаку, книги отосланы, Машиньки на занавеску тафты, Машиньки купить корову игрушек разных и коляску взять в (неразобрано) магазейне» и т. под.

²³⁾ Духовное завещание кн. Анл. Ив. сохранилось в архиве, опубликовано не было. О передаче Карамзину отцовских прав на сына см. Собр. Соч. кн. П. А. Вяземского т. III. стр. 143. стихотв. «Деревня»:

„Родитель, на одре болезни роковой,
 Тебе вверял меня хладящей рукой
 И мыслью отдыхал в страданиях недуга,
 Что сыи его найдет в тебе отца и друга“...

Также „Письма Карамзина к Ив. Ив. Дмитриеву“, стр. 131.

шимся, нынѣ же безъ отлучно при мнѣ пребывающей и въ неизмѣнномъ попеченіи о моемъ спокойствіи, въ нѣжной и неутомимой заботливости о моемъ въ болѣзненныхъ припадкахъ облегченіи, дѣтямъ моимъ не уступающей, въ знакъ моей признательности и сердечной къ ней любви“... — писал старик завещая ей указанную долю. Все остальное имение наследовал сын. Ему доставалось село Красное с деревнями (907 душ) Костром. губ. Кинешемского и Плесского уездов, село Матово (105 д.) Тульской губ. Вепевского уезда, село Астафьево (162 д.) и сельцо Житнево (81) Московск. губер. и, наконец, Московский дом с садом в Тверской части, пятого квартала на так наз. Колымажном дворе. Кн. Оболенский и Нелединский—Мелецкий были назначены опекунами. Материальное будущее молодого Вяземского было таким образом обеспечено блестяще. То же, что лежало тяжелым крестом на старом князе последние годы жизни — воспитание сына, — продолжало его тревожить в последние мгновения жизни и ярко отразилось в шестом и последнем пункте завещания. Вот что стоит в нем:

„6-е Въ твердой также надеждѣ на дружбу и снисходительность Николая Михайловича Карамзина, и что онъ въ полной мѣрѣ уважить, симъ изъясвленіемъ моею къ нему довѣренности, основанной на достовѣрной извѣстности о его просвѣщеніи, честности и благонравіи, передаю ему драгоценнѣйшее для сердца моего право, вмѣсто меня пешихъ о воспитаніи сына моего руководствовать къ приобрѣтенію нужныхъ для него познаній и до совершеннаго возраста его быть ему во всѣхъ случаяхъ наставникомъ и путеводителемъ, заклиная при томъ сына моего родительскою моею властію, чтобъ онъ ему былъ столько же послушенъ какъ бы и мнѣ самому.

Москва 1807-го года. Апрѣля 19 дня“.

В июне этого года князь Андрей Иванович умер, оплаканный любившей его старой Москвой. Сын, как он сознавался позднее, легко перенес эту потерю. Лишь потом, из долгихъ бесѣдъ с Карамзиным, оценил он задним числом все заботы отца, полюбил его суровый внешне, но полный внутренней нежности образ, и не раз раскаивался в своем легкомысленном отношеніи к нему. Тогда же, в пятнадцать лет, эти мысли ему были чужды. Наследникъ богатого состоянія и стариннаго имени, беспечный весельчакъ и поэт — он поспешил занять в кругу высшего Московскаго общества блестящее место и предаться тем радостямъ жизни, в любви к которым так откровенно сознавался в своем „Portrait physique et moral“.

3.

Легко и беззаботно потекли в жизни юноши Вяземскаго следующие годы. Открытый, веселый нрав, подкупающее добродушіе, вместе с утонченной светской любезностью, усвоенной в салонѣ отца, сделали молодого князя общимъ баловнемъ и любимцемъ. Вигель в „Воспоминаніяхъ“ этого времени даетъ ему следующую характеристику. „Он скоро сделался идоломъ молодежи, которую роскошно угащивалъ и с которою делилъ буйныя забавы. Да не подумаютъ, однако же, что этотъ острякъ, смельчакъ былъ с кемъ-нибудь

дерзок в обращении; он всегда умел уважать пол и лета. Баловень родных, друзей и прекрасного пола, при постоянных успехах и среди многих заблуждений своей счастливой молодости, он никогда не зазнавался, всегда оставался доброжелателем, сострадателем и любящим.²⁴⁾

Вяземский повел рассеянный образ жизни, в котором балы, пирушки, сердечные увлечения заняли главное место. Напрасно Карамзин, взявший на себя заботы о благосостоянии имений князя, его чинах и службе, с укоризной и скорбью в голосе делал ему упреки в том, что он „живет слишком легко“; напрасно старшие друзья Вяземского также пеняли ему на чрезмерное легкомыслие его поведения.

Так Батюшков, не без упрека писал ему следующие строки: „Если я не был у тебя, то право потому что не нахожу удовольствие быть с тобою. Признайся сам, милый друг, что Вяземский провел в чаду целый месяц, друзьям дает пустое сердце и пустой ум, а я, признаюсь, эпикуреец и в дружестве. Желаю тебе веселиться, от души желаю. Но прошу одного: не забывать, что Батюшков тебя любит как брата, как друга.“²⁵⁾ Упреки Батюшкова не совсем справедливы. Если в жизни молодого Вяземского существовало что-либо вызывавшее к себе более серьезное отношение, то это была, конечно, дружба, ее культ, ее права. Любовь — это лишь забава легкокрылый Амур, который

...„смеясь все клятвы пишет
Стрелю на воде“.

Другое дело — дружба. Весь ее смысл в верности и прочности отношений, для которых необходима духовная близость. И вот у юноши — Вяземского завязывается ряд таких прочных, „по гроб жизни“, дружеских связей с людьми, выбор которых очень положительно характеризует его. В 17, 18 лет — он друг Жуковского, Батюшкова, Александра Тургенева, все выдающихся и значительно старших, чем он, людей. Они — его друзья — руководители, но и товарищи по пирушкам и забавам. Недаром Батюшков так сочувственно нарисовал поэтический образ своего юного друга, полнее всех пившего чашу наслаждения жизнью и молодостью. (Мои пенаты. 1811 г.).

«О, Вяземский, цветами
Друзей твоих венчай!
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок, наливай!
Питомец муз надежный,
О, Аристиппов внук,
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!

²⁴⁾ Ф. Ф. Вигель: «Воспоминания», часть III, стр. 141.

²⁵⁾ Для характеристики Вяземского этого времени много дает материал, собранный Л. Майковым в биографии Батюшкова, и письма последнего. С. соч. Бат. 1887 г. под ред. Л. Майкова т. I, III.

В час неги и пролады
 На ужинах твоих
 Ты любишь томны взгляды
 Прелестниц записных;
 И все заботы славы
 Сует, и шум, и блажь
 За быстрый миг забавы
 С поклонами отдашь».

Конечно, не случайно дружеские связи Вяземского завязались с главными представителями современной поэзии. Отчасти наследовал он их от отца и его салона, но закрепил своей горячей любовью к литературе и стремлением самому приобщиться авторству, которых никогда не заглушала в нем рассеянность светской жизни.

Стихотворные опыты его, встречавшие резкое осуждение со стороны Карамзина, сочувственно приветствовались поэтами — друзьями. Их немного дошло до нас, хотя можно думать что они были многочисленны. И по содержанию и по форме они мало оригинальны. Это — перепевы Анакреона („Признание“ 1811), Парни („Молодой Эпикур“ 1810), Флориана (История человека“ 1810), облеченные в традиционную форму, украшенную всеми излюбленными мифологическими образами в духе французского классицизма. Это направление вообще ближе Вяземскому, чем более модный сентиментализм, возглавляемый его наставником — Карамзиным.

В „Mon portrait“ он не упустил случая, чтобы не лягнуть слегка его, как поэта сентиментальной школы, и его последователей. То же насмешливое отношение сказалось скоро в эпиграммах, направленных на новейшие „слезные“ драмы и в выходках против Шаликова, выведенного под именем Вдыхалова.²⁶⁾

Несравненно ближе была для Вяземского легкая эпикурейская поэзия стиля Парни, более согласовавшаяся с его образом жизни и погоней за ее наслаждениями:

„Мой скромный жребий: петь подчас
 Любовь, весенних дней забавы,
 И власть над сердцем милых глаз!“

воскликает он в „Признании“ 1811 года.

Образцом и учителем в обработке такого рода тем был для него Батюшков,²⁷⁾ которому он усиленно подражает. Но очень рано обнаружилась в его опытах другая струя творчества, которой должны были имитировать другие авторитеты. Если юноша Вяземский не унаследовал от отца его твердого характера, настойчивости и серьезного взгляда на жизнь, то глубоко трезвое, рационалистическое направление ума, известный материализм мировоззрения Андрея Ивановича передались ему вполне. „Матерья-

²⁶⁾ „Выход Вдыхалова“ и „Первый Отдых Вдыхалова“ помещен в соб. соч. Вяземского под 1822 г. неправильно, о них смотри в письме Батюшкова к Гнедичу. апрель 1811 г. (соч. Бат. под ред. Майкова т. III, стр. 121).

²⁷⁾ Срав. „Молодой Эпикур“ — Вяз. и „Совет друзьям“ — Батюш.

листом“ „врагом предрассудков“ называет его Батюшков в 1811 г.²⁸⁾ К этому свойству присоединилось блестящее остроумие, врожденная способность быстро подмечать смешные стороны окружающего и высмеивать их. В литературных опытах это сказалось в обилии эпиграмм и стремлении от чопорной условной поэзии классицизма и фальшивого сентиментализма найти путь к поэзии „фамилиарной“,²⁹⁾ близкой к жизни, к действительности. В этой области наиболее ярким образцом могло ему быть оригинальное творчество кн. Ив. Мих. Долгорукова, стихи которого не укладывались ни в какие условные рамки пиитики. „Язык его стихотворений — говорит его биограф³⁰⁾ — чрезвычайно простой, безыскусственный, лишенный обветшалых славянизмов, но очень бойкий и пересыпанный живыми, чисто русскими народными оборотами“. Для Вяземского это свойство поэзии Ив. Долгорукова было особенно привлекательно, а сам автор вызывал его преклонение и восхищение. В архиве сохранилось его стихотворение 1809 года, дань уважения любимому писателю:

К. ДОЛГОРУКОМУ.

Читалъ я Сумерки твоихъ осеннихъ дней
Дивился жару чувствъ и [пылу] вдохновенья
Дивился и [сказалъ] с невольнымъ изумленьемъ
Что-жъ былъ поэтъ во дни весны своей.³¹⁾

Четыре года легкой беззаботной жизни промелькнули и исчезли навсегда. Тяжелая болезнь, потом женитьба, потом опять болезнь, потом гроза 12-го года, участие в ополчении, бегство из Москвы и скитания по провинции, рождение и потеря первенца — сына, трудные хозяйственные

²⁸⁾ Соб. соч. Батюшкова т. III, стр. 137, письмо к Вяземскому 26 авг. 1811 г. Письмо дает шутиливую, но вместе с тем очень яркую характеристику юноши — Вяземского: „Вы, милостивый го сударь, мудрец в семнадцать лет, открыли много истин для блага человеческого, имели дух пройти чрез все поприще познаний человеческих и сделали по части философии несравненно более завоеваний, нежели Александр, родившийся в Пелле; этого мало: вы украсили чело ваше миртами божественных муз и граций, а В стник Европы эпиграммами; вы имеете много вкуса, серую четверню и собрание новейших водевилей. Вы, князь, стихотворец, титулярный советник, материалист, друг великих людей, враг предрассудков, одним словом — наш Панар, Гамильтон, Пирон и все, что вам угодно“.

²⁹⁾ См. «Автоб. введение» ст. XII о детском предпочтении Сумарокова Ломоносову.

³⁰⁾ Рус. биогр. слов., статья Б. Модзалевского.

³¹⁾ Слова, помещенные в скобки, неясно написаны.

Стихотворение написано на отдельном листке чернилами плохо разбираемым старческим почерком князя. Под ним помещена следующая приписка его же рукой: „Эти довольно плохие стихи, почти изъ первых моихъ стихотворныхъ опытовъ, написаны мною в 1809 г. [не разобр.] дань во [не разобр.] къ Ивану Михайлов. Долгорукому. Не заслуживаютъ ли они быть извлеченными, строгое авторское самолюбие въ сторону, [не разобр.] на свѣтъ, [не разобр.] уваженія моего къ дарочанію отца и желаніе исполнить волю сына, который требуетъ отъ меня моего автографа“.

„Сумерки моей жизни“ — собрание стихотв. Долгорукова, которое упоминается в стихах Вяземск., вышло в 1809 г. и посвящ. умершей жене поэта.

В первом стихотв. «Сумерокъ» есть следующая строка: ...«дней нашихъ осень ■ весну»; ею вероятно воспользовался Вяземский в начале своего четверостишия.

заботы по возвращении в Москву, долги, угрозы разорения, поиски обеспечивающей службы, — все это одно за другим вторгалось в жизнь Вяземского, отодвигая все далее невозвратную пору юности.

Внешние события влекли за собой внутреннее углубление, духовное пробуждение. Исчезло ограниченное довольство собой и всем окружающим миром. Разочарование в прежде воспевавшихся радостях и приманках жизни, сомнение в своем поэтическом даре, критический взгляд на окружающее — на светскую „чернь“, на своеволие власти, на темноту народа и зло крепостного права — все вместе взятое без остатка ломало сентиментально-эпикурейское мирозерцание, характеризовавшее юношу — Вяземского. Не он один переживал этот перелом и ощущал невозвратимость прошлого. То же ощущали друзья по юности. Так Батюшков писал Жуковскому в 1814 г. следующие строки:

„Как мы переменились с одного счастливого времени, когда у Девицкого монастыря ты жил с музами в сладкой беседе. Не знаю, был ли тогда счастлив, но я думаю, что это время моей жизни было счастливейшее: ни забот, ни попечений, ни предвидения! Всегда с удовольствием живейшим вспоминаю и тебя, и Вяземского, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два века мы прожили с того благополучного времени.“³²⁾

Как светлый сон, осталась в памяти друзей прожитая пора юности. Легкая грусть, которая сквозит в приведенных выше словах Батюшкова; проникает воспоминания и других свидетелей и участников жизни тех лет.

Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве письмо некоего Галиффа (Games A. Galiffe), швейцарца, бывшего, очевидно, в приятельских отношениях с Вяземским как раз в период до 12 года.³³⁾

Уезжая в 1813 году надолго, а может быть на всегда на родину, он прощается с князем, зовет его приехать в Швейцарию и еще раз в воспоминаниях переживает проведенные вместе светлые минуты юности. Письмо с одной стороны дает великолепную бытовую картинку жизни в Остафьеве до женитьбы Вяземского, с другой — своим условным идиллическим описанием, обвеянным грустью разлуки, как нельзя лучше замыкает идиллическую пору жизни молодого владельца Остафьева, к 1813 году невозвратно пережитую им.

³²⁾ Соб. соч. Батюшкова 1887 г. т. III, стр. 303.

³³⁾ Подлинник на французском яз. В архиве сохранилось и другое письмо Галиффа к Вяземскому, из Петербурга, 1809 г. В нем он описывает балет, сообщает об одном из поклонников княжны Вяземской, передает привет от Смирнова. Эти два письма проливают свет на некоторые места в переписке Батюшкова, бывшие до сих пор неясными. 10 мая 1812 г. Бат. пишет Вяз.: „Галифе кланяется милому и любезному Северину...“ а 27 февр. того же года сообщает ему же: „Кстати Галиф Галифович тебе кланяется. Он тебя очень любит и я о тебе с ним целые часы говорю без умол. у. Этот чудак мне по руке. Я его с первого разу полюбил и намерен воспользоваться его... охотою прогуливаться по бульвару“. (Собр. соч. Бат. т. III, ст. 185 и 218.) В примечании к этим письмам читаем: „Галифе“ — название нам непонятное; в письме № CX (стр. 218) это имя прилагается самому Д. П. Северину“. Последняя догадка не имеет никаких оснований, и должна отпасть. Не был ли Галиф как то связан с пансионом Чижа, в котором учились вместе и Вяземский, и Северин, и Смирнов?

„Мой милый князь, писал Галифф, — С каким удовольствием увиделся бы я с вами вновь! Как хотел бы иметь возможность лично поблагодарить еще раз за прекрасные минуты, у вас проведенные! Никогда не забуду я очаровательных вечеров Колымажного двора... Еще незабвеннее мои два пребывания в Остафьеве, время самое спокойное и самое счастливое, может быть единственное действительно счастливое в моей жизни. Чего бы не дал я, чтобы еще раз увидеть и пожить в прекрасном дворце, где мы жили в покое, который считается исключительным уделом идиллических пастушков? Нет, никогда, никогда я не забуду Остафьева.

— Мне часто кажется, что я вижу его и вновь оббегаю вокруг. Приближаясь, вижу слева церковь, где мы присутствовали на ночной свадьбой молодой и красивой четы, которую преследовал злой родственник. Повертываю вправо и попадаю на площадку, где мы играли в городки (Gordku) с хорошенькими местными нимфами. Вижу великолепную колоннаду, которая свидетельствует, что благородство происхождения владельца не уступает его любезности. Вхожу в вестибюль, спешу в левый зал, где мы слушали чтение таких прекрасных отрывков истории Г-на Карамзина, где мы собирались по утрам. Иду в столовую и вспоминаю тот очаровательный обед, когда Г-н Нелединский нас изумлял умом и веселостью после того, как целый день был молчалив, когда бедный Батонди так нас смешил.

Прохожу в большой и благородный зал, где мы танцевали с графинями Пушкиными, красивыми соседками, которые время от времени появлялись, оживляя наше маленькое общество. Вижу место... но я не в состоянии удерживать слезы и бросаюсь в библиотеку, где находятся все утешения, которые ум может предложить сердцу.

Поднимаюсь в комнату, где я предавался мечтам о радостях минувшего дня и об удовольствиях, которые украсят завтрашний. Захожу поздороваться в ваш кабинет — прохожу мимо, не без того, чтобы не заглядеться, на прилежных вышивальщиц, которые мне напоминают работы воспетые Греками и Латинянами: — я еще вздыхаю и тороплюсь спуститься в сад, быстро прохожу прекрасную аллею, которая ведет в небольшой лесок: там нахожу в сборе всех молодых деревенских девушек — мы принимаем участие в их танцах; вы берете руку красивой маленькой брюнетки, которая походит на княжну Лобанову, я же ухаживаю за этой милой Дуняшей, скромный и нежный вид которой составляет такой особенный контраст с резвой веселостью ее подруг. — Они уходят, а мы продолжаем нашу прогулку, пересекаем ров, и попадаем в другой лес, где рвем ландыши и дикие ранункулы. Г-н Карамзин, как обычно, идет впереди. Мы делаем большой круг. Заходим посмотреть на старика крестьянина, который насчитывает себе более ста лет и который действительно имеет вид олицетворенной дряхлости. Входим во многие другие дома, всюду довольство, всюду благословляют хозяина, который наслаждается счастьем подданных. Нет, мой милый Вяземский; никогда, никогда я не забуду Остафьева“.

В. Нечаева.

Пушкин и Театр.

«В сущности говоря, всякий, кто хоть что-нибудь понимает в театральной жизни, сознает, что «театр», каким он был последние двадцать пять или пятьдесят лет, должен прекратить свое существование... «Мыслимое ли это дело, чтобы только театр оставил без внимания колоссальный социальный и экономический переворот, тогда как во всех, решительно во всех, областях оказались необходимыми коренные перемены и новообразования?»¹⁾»

Это мнение не случайно. Представители самых разнообразных школ, мировоззрений и направлений сходились в одном: театр переживает кризис, что-то неблагополучно в театре, он уже утратил свое влияние. Все были согласны в том, что так не должно быть. И вот на развалинах старого театра стали торопливо строить балаганы, иногда очень занятные в своей мгновенной и мишурной прелести.

Но как ни талантливы и ни очаровательны были отдельные театральные опыты наших современников, все эти опыты были духовно непрочны, ибо, рожденные критическою эпохою, они не были органически связаны с первоисточниками народной жизни. Мещанская психологическая драма отжила свое время. И театральные формы, связанные с такою драмою потеряли свой смысл. На ее смену пришла лирическая драма. Русский театр отдал и ей свою дань. И эта форма театра уже пошатнулась, уже сомнениями охвачены даже ее творцы и апологеты.

Теория не может предопределить, разумеется, те положительные достижения, которые и составляют самую сущность сценического искусства, но она, пожалуй, может служить некоторым ключом к пониманию того процесса, в который вовлечен театр. Одною из любимых идей современных теоретиков сценического искусства была идея театра, как самодовлеющей ценности. Они верили, что театр есть искусство само по себе, что автор лишь материал, иногда случайный, что не им решается значительность и удача спектакля. В этом утверждении была доля истины, особенно, если принять во внимание опасную и до сих пор не

¹⁾ Georg Fuchs. Театр XX века. Пер. З. А. «Ежегодник Императ. Театров». 1913. Вып. IV. Стр. 81.

изжитую тенденцию некоторых театров смотреть на себя, как на истолкователей литературы. Но палку слишком перегнули в одну сторону: страх перед литературой превратился в страх перед словом. Слово на сцене почиталось излишним и неинтересным. Декорации, костюмы, жесты — вот что составляло основную ткань зрелищ. Одним словом, все роды сценических воплощений были по существу сведены к балету и пантомиме. Все как-будто обрадовались, что наше театральное бессилие можно оправдать словами апостола и поэта — «мысль изреченная есть ложь». Но лукавое истолкование этих многозначительных слов не спасло самого театрального дела, и распад театра предreshен актерским бунтом против деспота-режиссера. Если сегодня этого бунта еще нет, завтра он должен возникнуть, ибо слово, изгнанное со сцены вовсе, потребует возмездия. Но и сами режиссеры, по крайней мере, наиболее чуткие и проницательные, спешат отказаться от недавнего непримиримого отношения к слову и, следовательно, к автору.

Надо вновь найти место автора в театре. Драматург должен отстаивать свое право: «Автор должен быть и режиссером пьесы». Повидимому, мысль эта находит себе сочувствие и в среде мастеров сцены, режиссеров. По крайней мере, один из ревнителей современного театрального возрождения заявил недавно: «Режиссер должен быть и автором пьесы». Так с разных сторон мы приходим к одной идее, которая оправдывается опытом истории, ибо не следует забывать, что и Шекспир, и Мольер были авторами-режиссерами актерами, и этим отчасти определилась значительность их театра.

Социальная метаморфоза, которую переживает европейское общество, приведет нас, вероятно, в какие-то сроки к новым формам театра, как и вообще искусства. И для всех нас, кто верит, что искусство не только забава, кто знает, что если искусство — игра, то игра с огнем, игра опасная, — для всех нас вовсе не безразлично, под каким знаком будет строиться новый театр.

И как мы ни уверены, допустим, в своеобразии художественных и театральных форм в будущем обществе, мы не так наивны, чтобы предположить в нем какое-то «творчество из ничего». Было бы безумною расточительностью и высокомерною неумностью игнорировать то, что уже завоевано и создано мастерами прошлого.

Вопрос, значит, не в том, будем или не будем мы учиться у былых художников слова и сцены, а в том, у кого нам следует учиться, и чьи мысли и мечты могут и должны быть созвучны будущему искусству. И, может быть, нам придется учиться не только у тех, кто был в свою эпоху признанным удачником и счастливым деятелем сцены. Я, по крайней мере, предлагаю на сей раз поучиться кое-чему у гениального неудачника, который до сих пор, как и сто лет тому назад, не нашел достойного сценического воплощения своих драматических опытов. Я говорю о Пушкине.

I.

Драматург-Пушкин был неудачником. Подобно тому, как он, «крайне чужих неопытный любитель», всю свою жизнь стремился попасть в Западную Европу и никогда не мог утолить этого своего желания, так и будучи драматургом и ценителем театра, он никогда не видел на сцене своих драматических произведений. Пушкин с отроческих лет был театралом. Он бывал постоянно не только на первых представлениях и за кулисами театра, но и в тогдашних кружках театральных любителей, где встречался с Грибоедовым, Жандром, Катениным, кн. Шаховским, Бестужевым, Всеволожским и всеми выдающимися актерами того времени. В 1819 году он пишет статью «Мои замечания о русском театре» и в ней обнаруживает превосходное знание актеров и тонкость в понимании театрального мастерства.

Каков был тогда репертуар? На ряду с Мольером («Скупой», «Ученые женщины», «Школа мужей») ставили «Приведение в Радклифском замке» Коцебу, на ряду с «Женитьбой Фигаро» замысловатые представления с приключениями и превращениями, занимавшими тогда публику. В. А. Каратыгин играл Эдипа-Царя; Колосова выступала в роли Ифигении; Семенова в роли Клитемнестры...

Пушкин был прилежным посетителем театров вплоть до весны 1820 года, когда ему пришлось расстаться не только с театром, но и с Петербургом на немалый срок. Как известно, при жизни поэта, ни одно его драматическое произведение, за исключением «Моцарта и Сальери», на сцене не появлялось, но и этот опыт, повидимому, был неудачен. Об этом спектакле 1823 года не сохранилось никаких значительных воспоминаний. Мы только знаем из хроники «Русского Инвалида», что пьеса Пушкина не имела успеха. По просьбе В. Каратыгина она была возобновлена в 1840 году, но и на этот раз без всякого успеха. Состоялся лишь один спектакль. Тот же Каратыгин не без труда добился в 1852 году постановки «Скупого Рыцаря». Впоследствии Пушкинского Скупого играл Щепкин, Самарин, Эрнесто Росси... При жизни Пушкина были исценированы некоторые его эпические произведения: 30 октября 1832 года в Петербургском Большом Театре поставлен был балет «Руслан и Людмила, или низвержение Черномора злого волшебника», а 9 июня, в бенефис М. С. Щепкина, представлены были «Цыгане». В 1823 г. на Петербургской сцене шел балет «Кавказский Пленник» с Истоминой в роли черкешенки. В 1827 году балет был возобновлен. В 1847 году в Александринском театре был поставлен «Каменный Гость». Дон-Жуана играл Петр Каратыгин. И на этот раз спектакль никакого успеха у публики не имел. В 1879 году «Каменный гость» шел в Московском Малом Театре (с Дон-Жуаном — Ленским и Донною-Анною — Федотовой). В 1890 году «Каменный гость» был сыгран актерами Моск. Общества Искусств и Литературы. Дон-Жуана играл К. С. Станиславский. «Борис Годунов»

был впервые поставлен на Александринской сцене в 1870 году. Самозванца играл Самойлов¹⁾.

Но пушкинский театр так и остался не разгаданным и не воплощенным. По мнению Аполлона Григорьева, причина неудачи при попытках ставить Пушкина на сцене лежит в том, что драматические «очерки» поэта «в полноте своей слишком сжаты, слишком коротки для сценического воплощения». Пушкин слишком лаконичен; он слишком целомудренно пользуется словом: актеры не умеют найти в себе достаточно внутренней сосредоточенности, чтобы сохранить всю строгую содержательность пушкинской фразы и всю прелесть пушкинского стиха.

Последней значительной попыткой найти сценическое воплощение пушкинских драм были спектакли Моск. Худож. Театра. «Борис Годунов» был поставлен в Худож. Театре со всею тяжестью внешнего реализма и при полном забвении поэтического языка Пушкина. И декоративная сторона спектакля не оправдывала неудачи театра: тогда еще Александр Бенуа не заключал союза с К. С. Станиславским. Последние пушкинские спектакли, при непосредственном участии Бенуа, были новой тщетною попыткою найти для Пушкина соответствующие театральные формы. Худож. Театр поставил «Моцарта и Сальери», «Каменного Гостя» и «Пир во время чумы». Рецензенты на сей раз справедливо отметили, что актеры в Художественном Театре стихи «читать не умеют или не хотят читать» и указывали даже на «какое-то нарочитое отрицание ритма». И сам Бенуа признавался, что, принимая участие в постановке Пушкина, он «ни минуты не питал иллюзий на счет того, что здесь он получит и легкость, и музыку, и импровизационный блеск, и стыдливое чувство меры»²⁾. И в самом деле ничего этого не было, несмотря на прелесть декораций и костюмов: главное, не было «стыдливое чувства меры» и светлого пушкинского стиха.

Итак, виновен ли Пушкин в неудачах театра, когда актеры пытались играть его романтические трагедии на традиционных подмостках? Или в этих неудачах «без вины виноват» наш театр, до такой степени пресытившийся прозаическим бытовым диалогом, что ему уже легче стало творить вовсе бессловесные спектакли, чем найти внутри себя созвучие духу и языку Пушкина?

Я думаю, что театр Пушкина — особенно его драмы 1830 года — театр истинный и подлинный, и возможно, и должно найти для него какие-то сценические формы, до сих пор еще никогда ненайденные.

II.

12 октября 1926 года, в Москве, собрались в один дом все тогдашние писатели, философы и поэты послушать чтение литературной новинки. Пришел автор. «Это был среднего роста, почти низенький человечек.

¹⁾ См. Н. «Пушкинские спектакли». «Русские Ведомости». 1915 г. 25. III № 68.

²⁾ «Речь». 1915. 31. III. № 87.

вертлявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний; с живыми быстрыми глазами, с тихим приятным голосом; в черном сюртуке, в черном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно повязанном галстуке»¹⁾.

Это был Александр Сергеевич Пушкин и читал он свой новый драматический опыт «Борис Годунов». Среди его слушателей были братья Веневитиновы, Хомяковы, Киреевские, Мицкевич, Боратынский, Шевырев, Погодин и др.

Первые явления — рассказывал Погодин — были выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, в каком-то недоумении. «Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена; мне послышался живой голос русского древнего летописателя. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: «Да ниспошлет Господь покой его душе, страдающей и бурной» — мы просто обеспамятели... Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет... то молчание, то взрыв восклицаний... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго, и потом бросились к Пушкину... О, какое удивительное это было утро, оставившее следы на всю жизнь! Не помню, как мы разошлись, как dokonчили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь».

Впечатление, которое испытали эти люди, слушая Пушкина, нам недоступно. Между нами и поэтом стоит преграда. Столетие, разделяющее нас, наполнено смутным гулом полувнятных голосов, то сочувственных, то враждебных: самые строки трагедии, заученные в школе, повторенные тысячекратно, вырванные из живого текста и включенные в мертвые рассуждения критиков, звучат для нас слишком привычно и знакомо, не волнуя своей новизною; перед нами обычно лежит какое-нибудь новое комментированное издание, и мы прежде всего заглядываем в примечания, любопытствуя, уверенные, что самый текст мы и так знаем хорошо. Между нами и Пушкиным стоит Белинский, академия, толстые томы Брокгауза, «труды и дни», вся необозримая «пушкиниана», а, главное, «пыль века», — «сороковые» и «шестидесятые» годы, три царя и настойчивый спор с ними нашей интеллигенции. Так было до русской революции по крайней мере.

Наша задача — по-новому перечитать Пушкина, почувствовать его так, как чувствовали его Гоголь или Жуковский. Для них Пушкин был прежде всего необыкновенное, необычайное существо. Припомните шутовское письмо Гоголя к Жуковскому во время холерной эпидемии осенью 1831 года: «Знаете ли, что я узнал на днях только? —

¹⁾ «Русск. Арх.» 1865 г. № 1, стр. 95; Барсуков. II, 43; Ср. Н. Лернер. Труды и Дни. Спб. 1911. Стр. 140 (Перв. чтение Бориса—10 сент.) и стр. 152 (Втор. чтение—12 октября); Пушк.—Брокг. III, стр. 568.

писал Гоголь: — Что э... Но вы не поверите мне, назовете меня суеве-ром, — что всему этому виною никто другой, как враг честного креста церковей Господних... Это чорт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную пшагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге, на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне лепившемуся по низменному тротуару, под высокими домами. Это случилось 8-го августа. И к вечеру того же дня стало все снова скучно. темно, как в доме опустелом» ¹).

За эту гоголевскую многозначительную шуткою таится подлинная и серьезная мысль. «Как ангел святой». «и воззвал голосом трубным»! Что это значит?

...Как некий херувим
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив безкрылое жданье
В нас, чадах праха, после улететь!

Мы уже утратили это чувство близости поэта, загадочного и таинственного, как ангел, и вместе с тем «ничтожного» — «среди детей ничтожных мира»; мы уже не чувствуем его, как «низенького человечка, вертлявого», «в небрежно-повязанном галстук». «Вертлявый человек» вытянулся в монумент на Тверском бульваре, а «святой ангел», «некий херувим» превратился в восковую фигуру академического паноптикума.

«Чудесный талант! Какие стихи! Он мучает меня своим даром, как приведение», — признается Жуковский.

Социальные и политические события, участниками и свидетелями коих мы все являемся, предопределяют, между прочим, некоторый переосмотр и переоценку нашей дореволюционной поэзии вообще и, в частности, поэзии Пушкина. Теперь, когда сдвинуты со своих недавно еще как будто бы прочных мест многие и многие элементы культуры, образуя нечто новое, а иногда и вовсе неожиданное, легче подойти непосредственно и свободно к такому вещному явлению, как Пушкин.

И даже при рассмотрении эстетики Пушкина и, в частности, его теоретических взглядов на театр следует, мне кажется, забыть на мгновение все то, что разделяло нас в течение столетия, и просто прислушаться к живому голосу поэта, присмотреться внимательно к тем далям, которые он различал сквозь «магический кристалл», ибо «его орлиный взгляд — по слову Аполлона Григорьева — видел далеко вперед, так далеко, как мы и теперь еще, может-быть, не видим». И это тем более важно, что — как справедливо указал тот же Аполлон Григорьев — «во всей современной литературе нет ничего истинно-замечательного и пра-

¹ Шенрок, Письма Гоголя. I т. Стр. 188—189.

вильного, чтобы в зародыше своем не находилось у Пушкина»¹⁾. То же можно сказать с уверенностью и относительно театра.

III.

Припомним принципиальные заявления и мнения, высказанные Пушкиным о драме и театре. Нас едва ли должно смущать известное признание поэта: «Каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть?»²⁾

Это признание находится, на первый взгляд, в противоречии с иными мыслями поэта, когда он очень точно определяет основы и границы своей эстетики. Но противоречие это мнимое, ибо, если можно скептически и безразлично относиться к преходящим литературным сектам, то вовсе не подобает большому поэту быть равнодушным к основам и предпосылкам цельного эстетического мироотношения. И у самого Пушкина мы находим в одной заметке 1827 года золотые слова по поводу афоризма Вольтера «*tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux*». «Хорошо было сказать это в первый раз, — замечает Пушкин: — Но как можно важно повторить столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основанием поверхностной критике литературных скептиков; не скептицизм во всяком случае есть только первый шаг уместования... Это, между прочим, почти дословный перевод одного из афоризмов Паскаля.

Итак, припомним мысли Пушкина о драме. В статье 1830 года он утверждает два существенных положения: во-первых, драма должна быть народной; во-вторых, драма должна быть свободной от условий так называемого правдоподобия.

«Драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения», — записывает Пушкин. И далее: «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности действия — драма представляет ему необыкновенное, истинное происшествие; народ требует сильных ощущений... «Изображение страстей и души человеческой для него всегда занимательно»... «Драма стала заведывать страстями и душой человеческой».

«Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые волшебством драмы».

«Высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров»... «Она нередко близко подходит к трагедии».

«Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ — судьба человеческая, судьба народная»... «Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки».

¹⁾ Аполлон Григорьев. «Взгляд на русскую лит. со смерти Пушкина» Собр. Соч. под ред. В. Ф. Саводника. Вып. 6-й. М. 1915. Стр. 4 и 20.

²⁾ Черн. пис. к Н. Н. Раевскому (март—апрель 1827 г.) Переписка. II. Стр. 15—17.

Все эти пушкинские мысли о народном театре достаточно тверды и определительны. Поэт уверен был в том, что театр есть прежде всего некоторое взаимодействие между поэтом и народом, и в силу этой психологической предпосылки он не представлял себе театра иначе, как в очертаниях и формах большого искусства. И ранее, в неоконченной, к сожалению, статье, относящейся к 1825 году, Пушкин с совершенной точностью указывает, что народность определяется не «выбором предметов из отечественной истории», а также «не словами, оборотами и выражениями», а внутренним отношением поэта к этой теме, его «образом мыслей и чувствований». Поэтому театр является народным даже тогда, когда поэт выводит на сцену иностранную жизнь с ее неожиданным для зрителя бытом, если только душа драматурга остается при этом верной и созвучной душе народной. Тогда театр в существе своем оправдан. Это первая и основная мысль Пушкина.

Вторая мысль Пушкина не менее значительна: формы театра должны быть условны.

«При сочинении моего *Бориса*, — писал Пушкин я думал вообще о трагедии и, если бы захотел написать к нему предисловие, — не обошлось бы без шума. Это, быть-может, наименее исследованный род творчества. Законы его стараются вывести из правдоподобия, а, по существу своему, драма исключает правдоподобие... Да какое же, чорт возьми, правдоподобие может-быть в зале, одна половина которой наполнена 2000 человек, а другая людьми, которые стараются показать, что они не замечают первых»...¹⁾.

«Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок, времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает противника на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полускиф Ипполит ее поднимает и говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. У Корнеля Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Римляне Корнеля суть если не испанские рыцари, то гасконские бароны. Со всем тем Кальдерон, Шекспир, Корнель и Расин стоят на высоте недосыгаемой, а их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...»²⁾.

¹⁾ Из чернового письма Пушкина — Н. Н. Раевскому (30 января 1829 г.): «En écrivant ma *Gottuov* j'ai réfléchi sur la tragédie—et si je me melais de faire une préface, je ferais du scandale. C'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux, dont l'une est occupée par 2000 personnes censées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches». Переписка. II. стр. 88—89. Пушкин ссылается, между прочим, на Шлегеля. Поэт читал его во французском переводе. («Cours de la littérature dramatique». Изд 1814 г.). См. о библиотеке Пушкина: Б. Л. Модзалевский. «Пушкин и его современники» IX и X вып. стр. 331. См. Пушк.-Брокг. VI. 546 (№ 153).

²⁾ «О драме». (1830 г.). Пушк.-Брок. V. 13.

«Посмотрите на древних, их трагические маски, их doubles personages, разве все это не условное только правдоподобие?...»¹⁾.

«Правдоподобие положений и истина разговоров — вот настоящие законы трагедии...»²⁾.

«Истина страстей, правдоподобие чувствований — вот чего требует наш ум от драматического писателя»³⁾.

Разительна твердая определенность, с какою Пушкин настаивает на условности театра. И если эстетические взгляды Пушкина на драму сложились отчасти под влиянием Шлегеля, с которым он познакомился во французском переводе г-жи де-Соссюр, то едва ли можно сомневаться в том, что эти свои мысли о театре поэт продумал самостоятельно и до конца.

«Между тем, как эстетика со времени Канта и Лессинга — пишет он — развита с такою ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшета; мы все еще повторяем, что Прекрасное есть подражание изящной природе, и что главное достоинство искусства есть польза. Почему же статуи раскрашенные (и следовательно ближайшие к природе) нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами? И какая польза в Тициановой Венере или в Аполлоне Бельведерском?»

«Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие?»⁴⁾.

Пушкин не сомневался в том, что народ не будет требовать от драматурга правдоподобия, но он не был уверен в том, что «обычаи, нравы и понятия» его времени благоприятны для создания народного театра.

«Отчего же нет у нас трагедии?» — спрашивает Пушкин: «Нехудо было бы решить: может ли она и быть? Мы видели, что народная трагедия родилась на площади... У нас было напротив. Как ей перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? Как ей вдруг отстать от подобострастия? Как ей обойтись без правил, к которым она привыкла? Где, у кого выучиться наречию, понятному народу? Какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучие, словом, где зрители, где публика..»

«Вместо публики встретит она тот же малый ограниченный круг и оскорбит надменные его привычки; вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий услышит она мелочную, привязчивую критику. Пред нею восстанут непреодолимые преграды, — для того, чтобы она могла расставить свои подмостки, надобно было бы переменить обычаи, нравы и понятия целых столетий...»⁵⁾.

¹⁾ Письмо Н. Н. Раевскому (1825). Переписка. I, п 247.

²⁾ Ibid. Стр. 248.

³⁾ «О драме». Пушк.-Брок. V. 13.

⁴⁾ «О драме». Пушк.-Брок. V. 12.

⁵⁾ «О драме». Пушк.-Брок. V. 14.

Эти пушкинские слова звучат так, как будто их произносит наш современник, один из нас, как будто целый век, отделяющий нас от поэта, не существовал вовсе. И мы теперь, как Пушкин, мечтаем расставить наши подмостки на площади, и, с другой стороны, перед нами возникает вопрос о «нравах, понятиях и обычаях», которые вчера еще были преградою на пути всенародного театра.

Так было вчера. Будем надеяться на иное завтра.

Возрождение театра дело, конечно, не бесспорное и непростое. Явится не мало претендентов на роли спасителей театрального искусства. И судьба театра зависит оттого, чьи мысли и воля восторжествуют в эти трудные дни. Если бы мы признали раз навсегда необходимым тот принцип театрального индивидуализма, который определяет до конца современный театр, где господствует случайный субъективизм режиссера, где раскрывается совершенное неверие в какое-либо безусловное начало реальное в своем существовании, и, наконец, решительно отвергается Слово, как живой символ. — судьба театра была бы предрешена: при таких условиях он должен зачахнуть в декадентской лихорадке, которая, под новою маскою, ждет своей очереди у ветхих кулис.

Если же мы поверим, что индивидуализму на сцене надо противопоставить нечто реальное, живое и всенародное, нам есть, о чем посоветоваться с тенью Пушкина.

IV.

Пушкин, как известно, писал своего «Бориса Годунова» и размышлял о теории драмы в годы, когда у нас, в литературе, шел спор о романтизме. В какое же отношение к нему стал Пушкин?

Уже в 1819 году Пушкин высказывал легко и непреднамеренно некоторые мысли, весьма характерные для романтизма. Так, например, в письме к Кривцову мы находим следующее признание: «Язык и голос едва ли достаточны для выражения наших мыслей и особенно для чувств»¹⁾. Двадцатилетнему Пушкину уже не представляется мир таким ясным и простым, каким его рисовали французы, найденные поэтом в отцовской библиотеке. Первый петербургский период биографии Пушкина завершился совершенною переоценкою XVIII века и французской литературы. Летом 1822 года Пушкин пишет Гнедичу: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной»²⁾. Проходит год и Пушкин настаивает на своей мысли: «Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелесть — пишет он Вяземскому — ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос. Французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность»³⁾. И осенью того же года тому

¹⁾ Переписка. I. 10.

²⁾ Переписка. I. 47.

³⁾ Переписка. I. 66 и 67.

же Вяземскому: «Стань за немцев и англичан. Уничтожь этих маркизов классической поэзии»¹⁾. Из письма Вяземскому от 4 ноября 1823 года видно, что у Пушкина уже сложилось вполне определенное мнение о романтизме, и он указывает своему корреспонденту на его принципиальные ошибки: «Перечитывая твои письма, берет меня охота спорить. Говоря об романтизме, ты где-то пишешь, что даже стихи со времени революции носят новый образ, и упоминаешь об А. Шенье. Никто более меня не уважает, не любит этого поэта но он истинный грек, из классиков классик... Романтизма в нем нет еще ни капли... Романтизма нет еще во Франции, а он то и возродит умершую поэзию»²⁾. Так за четыре года до появления знаменитого романтического манифеста — предисловия к «Кромвелю» — Виктора Гюго Пушкин предвосхищает его идеи. Впрочем, самого Гюго поэт наш впоследствии ценил весьма низко³⁾. Он называл его «неровным», «грубым», а его драму «уродливою»⁴⁾.

Весною 1825 года Пушкин в письме к Вяземскому, между прочим, бросает замечание вовсе небезразличное: «я заметил, что все (даже ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме»⁵⁾. В этом году как раз (это видно из письма брату от 14-го марта) Пушкин прочел Шлегеля, и книга немецкого романтика, повидимому, окончательно определила отношение Пушкина к романтизму вообще и особенно к романтическому театру⁶⁾. «Поэзия — вымысел, и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет», — замечает Пушкин в 1830 году⁷⁾.

Следовательно у Пушкина были все основания к тому, чтобы заявить в письме к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 года: «Важная вещь: я написал трагедию и ею очень доволен, но страшно в свет выдать — робкий вкус наш не терпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумеют Тамартина. Сколько я ни читал о романтизме, все не то»⁸⁾.

Так же, как и немецкие романтики, Пушкин считал Шекспира отцом романтизма. «Я расположил свою трагедию по системе отца нашего — Шекспира», — пишет он Раевскому весною 1827 года⁹⁾. И в заметках по поводу «Бориса Годунова» (1825-1830 гг.) мы читаем: «Шекспиру подражал я в вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и простоте»¹⁰⁾. И в тех же заметках:

1) Переписка. I. 74.

2) Переписка. I. 83.

3) Ср. А. Евлахов, Пушкин как эстетик. Киев 1909 г. стр. 151 и 152.

4) «О Мильтоне и Шатобриановом переводе». (1837) Пушк.-Брокг. VI. 404.

5) Переписка. I. 218.

6) См. Сочин. Пушкина. Ред. Л. Поливанова. М. 1901. III. т. Стр. 10. Ср. Н. К. Козмин. Взгляд Пушкина на драму. Записки Ист.-фил. Фак. С.-Пб. Унив. С.-Пб. 1900 («Памяти Пушкина»). Стр. 207.

7) «О приличии в литературе». Пушк.-Брокг. V. 12.

8) Переписка. I. 308.

9) Переписка. II. 17.

10) Пушк.-Брокг. III, 570.

«я твердо уверен, что нашему театру приличнее народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина»¹⁾).

Шекспир становится вечным спутником Пушкина. Он читает его усердно в Михайловском и постоянно к нему возвращается²⁾). В представлении Пушкина романтизм не был литературною школою, возникшею и определившеюся в первую четверть XIX века. С точки зрения Пушкина, романтизм был цельным эстетическим мироотношением. Его корни он усматривает в средневековье: «Крестовые походы рыцарей оказали — по его мнению — «решительное действие на дух европейской поэзии». «Отрасли романтической поэзии — говорит он — пышно процвели в Италии и Гишпании». Пушкин называет романтиками Данте, Ариосто, Кальдерона, Мильтона, Шекспира...

Если принять такое широкое понимание романтизма, надо искать для него какого-то твердого внутреннего основания. В чем же существо романтизма? У Пушкина на это есть определенный ответ: в его народности. В «Италии и Гишпании — пишет он — народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге, уже проложенной. Были поэмы прежде Ариостова Orlando, были трагедии прежде созданий de Vega и Кальдерона». Вот почему Пушкин называет с гордостью своего «Бориса Годунова» то романтической трагедией, то трагедией народной.

Пушкин не был теоретиком искусства, но ему приходилось, как Петру Великому, предусматривать пути во всех областях творчества. Поэтому естественно, что он уделил и эстетике долю своего гениального ума. Существуют обстоятельные ученые работы, подводящие итоги эстетическим заявлениям Пушкина. И наша задача не в том, чтобы еще раз собрать и комментировать все мысли Пушкина в этом плане. Наша задача в том, чтобы раскрыть психологические предпосылки его эстетики и сопоставить их с нашими мыслями о новом театре.

Замечания Пушкина о театре совпадают с тою эпохою его жизни, когда он переживал значительный духовный кризис. Начало его было положено 1824 годом, когда он был выслан из Одессы в Михайловское. Исход и завершение его произошло в Болдине осенью 1830 года. Было уже не раз отмечено необычайное влияние Шекспира на Пушкина в этот период его жизни. Подобное влияние когда-то оказал английский трагик на Гете. Поэт вложил в уста своего Вильгельма Мейстера признание о значении для его внутренней жизни шекспировского театра. «Я не помню — читаем мы у Гете, — чтобы какая бы то ни была книга,

¹⁾ Ibid 570.

²⁾ М. Ю. Юзефович, встретившийся с поэтом в Закавказье в 1829 году, передает, что у него «было несколько книг и в том числе Шекспир». См. Описание библиотеки Пушкина, сделанное Б. Л. Модзалевским в IX и X вып. «Пушкин и его современники». В письме к П. А. Плетневу (26 марта 1831 г.) Пушкин пишет: «Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему прислать мне еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Schakespeare... Переписка. II. 231.

какой бы то ни был человек или событие жизни произвели на меня такое же сильное впечатление, какое произвели на меня те драгоценные пьесы... Пьесы эти кажутся мне произведениями какого-то небесного гения, приблизившегося к людям для того, чтобы их как можно ближе ознакомить с их собственной внутренней стороной. Это даже и не поэзия. Кажется, что стоишь пред широко раскрытыми необъятными книгами судьбы, в которых встает вихрь самой кипучей жизни, быстро перелистывающей эти книги судьбы»... «Все то, что когда-либо было передумано мною о человечестве и его судьбах, что было неразлучно со мною и развилось во мне незаметно для меня самого, все то нашел я в Шекспире уже вполне развитым и как бы уже сбывшимся»...

Зная многочисленные отзывы Пушкина о Шекспире, можно поверить «запискам» Смирновой, в которых приписываются поэту следующие слова: «Шекспир умел чувствовать за все человечество и создал целое человечество». Тут внутреннее совпадение с мнением Гете.

Итак, душевный кризис Пушкина проходил под знаком Шекспира. Начался этот кризис с отрицания рассудочной французской культуры XVIII века.

Тогда в тайне готовилось в душе Пушкина великое внутреннее событие, которое и нашло себе выражение в его «Пророке». В одиночестве, он, как его пророк, внял «неба содроганье» и «горный ангелов полет». Этот таинственный душевный опыт возник и раскрылся до конца, несмотря на то, что где-то рядом был тригорский уют с его любовными историями, которым предавался поэт в часы забвения и слабости, когда он бывал «меж детей ничтожных мира». Он без сожаления покидал этот тригорский мир для своей пустыни, где впервые он встретился с Тем, Кто вырвал у него «грешный язык», и «празднословный, и лукавый» — и вложил кровавой десницей « жало мудрая змеи». Вот почему пушкинский зов к Шекспиру и трагедии приобретает особый смысл и значительность. И мы теперь с особым вниманием должны прислушаться к этому зову: «твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира»...

В непосредственном литературном влиянии Шекспира на создание «Бориса Годунова» сомневаться не приходится: достаточно вспомнить — как уже было отмечено исследователями — шекспировскую сцену Генриха IV с принцем Уэльским, сравнив ее со сценою Бориса и Федора у Пушкина, или монолог Бориса «Достиг я высшей власти»... с монологом Генриха V¹⁾. Но дело тут было не только в литературной зависимости. Тем более, что всякие внешние сближения текстов могут привести нас к внешне-правдоподобным, но по-существу сомнительным выводам. Один почтенный историк литературы доказывал, ведь, не без осно-

¹⁾ Пушк.-Брокг. (Примечание П. Морозова.) III. 573. Ср. М. Покровский. «Шекспиризм Пушкина». Пушк.-Брокг. IV. II.

вания, что в «Борисе Годунове» обнаруживается прямое влияние Расина и его «*Athalie*»¹⁾). Нет, дело тут было не во внешнем влиянии и не в эстетической методологии. Пред Пушкиным возник вопрос о смысле жизни с такою остротой, напряженной и мучительной, что вольтеровские и расиновские ответы на него могли только вызывать иронию и праведный гнев поэта. Ему нужен был более мудрый, глубокий и бесстрашный руководитель — ему нужен был Шекспир.

V.

Пушкин «расположил свою трагедию по системе отца нашего — Шекспира». И этот план, казалось бы, обеспечил драматургу внимание театра. Но мы видели — попытки театра поставить пушкинскую трагедию оказались неудачными. Виною тому была не частая смена коротких сцен, на что всегда указывали критики при жизни и после смерти Пушкина, а какая-то странная небрежность к поэту: актеры приступают к сценической работе, не считаясь вовсе с духом автора. Пушкинский театр прежде всего театр с л о в а. И пока актеры не поймут значение с л о в а, значение внутреннего и внешнего, символического и ритмического, им не будет внятен театр Пушкина. Психологизм сам по себе всегда ограничен, и «характер» значителен лишь тогда, когда разгадан в нем «характер умопостигаемый». Если театр предпочитает остаться на стадии психологической мещанской драмы, лучше ему и не быть совсем. Ведь, и Шекспира чаще всего играют, не подозревая вовсе, что в нем, в его трагедии, сама судьба — по слову Гете, — перелистывает книгу, на страницах коей начертаны извечные символы. Сальвини умел, однако, вознести образ Отелло до той высоты, когда уже перестает нас соблазнять в эмпирическом характере героя страсть «человеческая, слишком человеческая», когда эта страсть приобретает какое-то онтологическое значение. Нужно поднять духовный уровень актеров. Для этого нужно особого рода школа, где наряду с техниками сцены, «инструкторами-установщиками» должны преподавать и проповедывать поэты-драматурги. В этой возможной, желанной будущей театральной школе должны воспитываться новые души новых актеров, а все прочее приложится; все прочее зависит уже от условий режиссерской части и от зрителя, с которым должна быть восстановлена прерванная ныне связь.

С 1825 года Пушкин жил и дышал стихией трагедии. Об этом должна быть написана особая книга, и в предлагаемой вниманию читателей краткой заметке неуместно, конечно, подымать эту тему во всем ее объеме. Должно только напомнить, что дух трагедии понудил Пушкина написать «Бориса Годунова» в 1825 году, а в 1826 году тот же трагический дух нашел себе выражение, совершенное и вещее, в его «Про-

¹⁾ Ф. Д. Батюшков. «Пушкин и Расин». Записки Ист.-Фил. Фак. Имп. С-Петербур. Унив. Часть LVII. Спб. 1900. («Памяти Пушкина»).

роке»: судьба продолжала преуказывать Пушкину его путь на подмостки истинного и подлинного театра: вдохновенная осень в Болдине в 1830 году была следствием пятилетнего внутреннего опыта, в существе своем необычайного.

В эти годы не было перерыва в творчестве поэта. Даты, которым помечены «болдинские» трагедии Пушкина, указывают лишь на срок, когда они были окончены. Задуманы они были ранее, вероятно, вскоре после того таинственного «посвящения», того духовного опыта, который ознаменовался созданием «Пророка».

П. В. Анненков высказал предположение, что «Скупой Рыцарь», «Моцарт и Сальери» и «Каменный Гость» были подготовлены Пушкиным вчерне ранее 1830 года, но, к сожалению, прямых тому доказательств не привел¹⁾. Но мы теперь знаем, что еще весной 1828 года в один альбом Пушкин вписал строчки, которые появились потом во второй сцене «Каменного Гостя»:

... Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь мелодия...²⁾.

Примечательно также, что уже в 1826 году Погодин записывает в своем дневнике со слов Веневитинова, что Пушкин говорил на вечере о «Моцарте и Сальери», как о написанном произведении³⁾. Даже «Русалка», последняя редакция которой относится к 1832 году, была, повидимому, задумана в 1826 году, на что намекает найденный в бумагах Пушкина черновой набросок⁴⁾. Наконец, «Сцены из рыцарских времен», написанные, как известно, в 1835 году, связаны, однако, непосредственно с трагедиями, которые Пушкин завершил и дописывал все тою же осенью 1830 года, в дни, когда поэт узнал до конца какую-то особую великую жизненную тайну: по крайней мере самая по внутреннему опыту значительная часть этих сцен — песня «Был на свете рыцарь бедный»... — написана поэтом в первоначальной редакции вероятнее всего в Болдине⁵⁾.

Биографическая и хронологическая связь семи драматических произведений Пушкина неслучайна. Театр Пушкина един и целен. Это — театр власти, богатства, творчества и любви. В нашу сегодняшнюю задачу не входит оценка по существу пушкинского театра, но заканчивая эту заметку, позволительно спросить у тех, кто не верит в сценичность Пушкина: а что, если будущее докажет, что театр Пушкина есть не

¹⁾ П. В. Анненков. Материалы. стр. 290.

²⁾ Н. О. Лернер. Заметка об альбоме г-жи Шимановской. Истор. Вести. 1905 г. июль, 318—319.

³⁾ М. А. Цявловский. Пушкин по документам Погодинского Архива. Пушк. и его совр. XIX—XX вып. Стр. 73.

⁴⁾ П. Морозов. «Русалка». Пушк.-Брокг. III. 353.

⁵⁾ Н. Лернер. «Труды и Дни». СПб. 1910. Стр. 225.

только театр слова, но и театр игры — игры в смысле романтического блеска, очарования зрелища и прелести, пластической и декоративной? Если бы ничего этого в театре Пушкина не было, пришлось бы признать полное несоответствие эстетических воззрений поэта на театр и его достижений. Но это не так. Пушкин настаивал на том, что театр должен быть народным и романтическим, и такой театр создал. Задания, поставленные себе поэтом, требуют таких форм, при которых слово перестает быть литературою. Оно делается символом. «Слово становится плотью».

И подумать только, какой изумительный материал, какие необычайные темы поэт доверчиво и щедро вручает театру!

Россия на рубеже XVI и XVII веков в буйном бреду о загадочном царевиче; царские палаты, низкие и душные, где кудесники и колдуны совещаются с государем о великих событиях; надменные и хитрые бояре, мечтающие о шалке Мономаха; Красная площадь, где против кремлевских стен воздвигнут странный храм Блаженному, и где в толпе юродивый бряцает своим железным колпаком, пророчествуя о новом Ироде: это ли не театр?

А разве не театр — эти подвалы скупца, где при свечах блескает золото в дрожащих руках безумного мечтателя? И отец, бросающий перчатку сыну, и сын, как яростный тигренок, готовый кинуться на оскорбителя-отца?

А разве не театр — нищий слепец, играющий на скрипке арию из «Дон-Жуана», перед Моцартом, «гулякой праздным» и пред помешанным ревнителем священной алгебры искусства? И разве не театральный «жест» — рука Сальери, дарящая дар Изоры тому, кто слишком щедро расточал свой гений?

Или неуместны краски декоратора и вымысел режиссера в том театре, куда ведет нас поэт вслед за творцами импровизационной трагикомедии XVI и XVII веков?

Испанский гранд и его насмешливый слуга на кладбище близ Мадрида; душная ночь, пахнущая лавром и лимоном; пир у куртизанки, где хмель и песни, страсть и кровь; и кудри черные прекрасной дамы на бледном мраморе гробницы; и труп соперника в алькове сладострастницы; и топот страшный каменного ревнивца и мстителя за поруганную честь: ужели это не театр? И кто может усомниться в том, что телега, влекущая чумные трупы, и негр возница, похожий на дьявола, — великолепная тема для романтических подмоетков? Священник среди блудниц и безумцев, пирующих на улице старого Лондона, когда все грозит гибелью и таит для смертного сердца неизъяснимые наслаждения — «бессмертья, может быть, залог»: что это? Литература? Только Литература? Или это подлинный театр, и творца его не должны ли мы судить по законам, им самим над собою признанным?

Георгий Чулков.

Январь, 1919.

Из переписки И. И. Панаева с В. П. Боткиным.

„Я познакомлю вас с В. Боткиным“, писал из Москвы Белинский Панаеву 10 августа 1838 г.

Знакомство это и состоялось в апреле 1839 года, когда Панаев приехал в Москву. Ровесники по годам, они скоро коротко сблизились и оставались друзьями до самой смерти Панаева (19 февраля 1862 г.). Живя в разных городах — Панаев в Петербурге, Боткин в Москве и за границей, они должны были вести оживленную переписку, из которой до сих пор, насколько нам известно, опубликовано лишь два письма В. П. Боткина к Панаеву (от 29 мая и 19 августа 1856 г.)¹).

В поступившем в распоряжение редакции „Голоса Минувшего“ архиве В. П. Боткина оказалось двенадцать писем Панаева и Боткину за 1856—1858 г. г.²) и два письма Боткина к Панаеву 1858 г. (от 29 января и 28 июля).

Посвященные почти исключительно явлениям в области русской литературы письма одного из редакторов лучшего журнала того времени к такому знатоку и ценителю литературы и искусства, каким был его адресат — первостепенной важности материал по истории русской литературы, интересный, смеем думать, не одним только специалистам.

М. Цявловский.

I.

10 Апрелья СПб. [1856 г.]

Вотъ тебѣ самое ясное доказательство, что для людей хорошихъ я готовъ служить всячески, если это хоть сколько-нибудь зависитъ отъ меня. Письмо ко мнѣ Селиванова я получилъ въ пятницу утромъ (6 Апр.), твое вечеромъ того же числа. Утромъ въ 11 часовъ (7-го) я былъ в Сенатѣ, не рассчитавъ, что по Субботамъ тамъ нѣтъ присутствія. Не заставъ Филосо-

¹) В книге: Первое полное собрание сочинений И. И. Панаева, т. VI. Литературные воспоминания, с приложением писем разных лиц. (Изд. Мартынова 1888, стр. 412—414. А. Я. Головачева — Панаева в своих воспоминаниях рассказывает, как напуганный арестом кружка Петрашевского Боткин, будучи у Панаевых, требовал, чтобы Иван Иванович отыскал все письма к нему Боткина и отдал бы ему для уничтожения. Рассказчица не говорит, исполнил ли просьбу друга Панаев.

²) Первое письмо от 10 апреля 1856 г., последнее — от 11 февраля 1858 г.

фова, я отправился къ нему и на всякій случай заготовилъ письмо объ Селивановѣ, если бы не засталъ его и дома. Дѣйствительно дома его не оказалось, и я оставилъ письмо, на которое получилъ отвѣтъ только сію секунду (4 часа 10 Апр.), который и посылаю тебѣ. Изъ этого отвѣта Филофова ты можешь усмотрѣть, что дѣло Селиванова въ шляпѣ. Попроси у него извиненія, что я не пишу къ нему: нѣкогда. Передай ему мой искренній поклонъ и отвѣтъ Филофова и поздравь его съ мѣстомъ.

Милый мой Василій Петровичъ, когда будетъ время, черкни мнѣ два слова о *Провинціальномъ хлыщѣ*. Эта штука не важная, но, по крайней мѣрѣ, легко ли читается и имѣетъ ли нравственный смыслъ? Объ этомъ я больше всего хлопочу. Мнѣ кажется, что еще такого рода штуки небезполезны. Твоимъ мнѣніемъ и вкусомъ я дорожу больше всѣхъ. Цалую тебя и повторяю, что я готовъ тебѣ служить всѣмъ и впредь. Ты знаешь, какъ я люблю тебя.

Панаевъ.

Селивановъ — Илья Васильевичъ (1810—1882). Беллетрист, с 1856 г. помещавший свои рассказы и очерки в «Современникѣ», «Русском Вестникѣ», «Библиотеке для Чтенія» и издавший их в 1857 г. отдельной книгой «Провинціальныя воспоминанія. Из записок чудака». Панаев (как видно из его писем) руководил литературными работами Селиванова и исправлялъ этого «безграмотного, бесталанного и аляповатого автора». На службу Панаев устраивал И. В. Селиванова в Московскую Судебную Палату через посредство Вл. Дм. Филофова (1820—1894), мужа известной А. П. Филофовой, в 1856 г. служившего в Сенате.

«Провинціальный хлыщ» — очеркъ Панаева, напечатанный в «Современникѣ» 1856 г., № 4.

II.

С. Петербургъ, 26 Апрѣля. [1856 г.].

Любезный другъ Василій Петровичъ, письмо твое истинно утѣшило меня... Тысячу разъ благодарю тебя за него. Я совсѣмъ засыхалъ, а оно было мнѣ такъ полезно, какъ поливка растѣнію. Я ожилъ. Безъ привѣта и поощренія писать не легко. Ты не повѣришь сквозь какія муки сомнѣнія, касательно моихъ писаній, я прошелъ послѣднее время. — Мнѣ все казалось, что я кончилъ свое дѣло и ужъ теперь ни къ чорту негоденъ. Тебѣ я вѣрю, твое мнѣніе дороже мнѣ всѣхъ мнѣній, потому что въ тебѣ кромѣ глубоко-эстетическаго вкуса есть строгость. И ты, по пріязни или по другимъ какимъ либо отношеніямъ, не станешь поощрять дрянъ. Вѣрь мнѣ, что я всѣми силами буду стараться поддерживать оживленіе Современника. Я работаю много, какъ никогда не работалъ. Я знаю, что мои писанія съ точки зрѣнія высшей, съ художественной точки разсматривать нельзя, да я, говорю тебѣ это искренно, и не имѣлъ никогда на это претензіи; я на нихъ смотрѣлъ всегда, какъ на беллетристическія произведенія, удовлетворяющія требованіямъ минуты, честныя по принципу и слѣдовательно полезныя, не портящія, а способствующія журналу такъ, какъ неглухой и небезталантливый актеръ способствуетъ ходу пьесы, въ которой играютъ высшіе таланты. Я себя считаю литературною *полезностію* (utilité) вотъ и

все. Мнѣ было бы только тяжело разстаться съ этимъ убѣжденіемъ. Вотъ почему письмо твое оживило меня и придало мнѣ новыя силы.

Слышалъ ли ты о письмѣ Корша къ Гончарову? Коршъ писалъ ему въ такомъ вкусѣ: „Я надѣюсь, почт. И. А., что вы не принадлежите къ той компаніи, которая составила въ Петербургѣ противъ *честнаго труженничества*... и прочее. Гончаровъ, говорятъ, отвѣчалъ ему славно и объяснилъ, что, по его мнѣнію, это компанія противъ эксплуатаціи литераторовъ антрепренерами — компанія честная и прочее.

Арапетовъ и Языковъ тебѣ кланяются и благодарятъ за память.

Скажи Селиванову, что я видѣлся третьяго дня съ Философовымъ, и онъ объяснилъ мнѣ, что дѣло его (Селиванова) кончено и всѣ бумаги ему вышлютъ. Определеніе его утверждено.

Какъ я радъ за Ребиндера! У меня былъ разговоръ за обѣдомъ у Языкова при *Ребиндеръ* съ гос. *Растовскимъ* о русской литературѣ... Я его отдѣлалъ нещадно, при всѣхъ, — такъ что онъ осовѣлъ. Не могъ удержаться, чтобы не наплевать въ рожу этому наглomu господину и невѣждѣ и приобрѣлъ себѣ новаго и непримиримаго врага. Если бы ты могъ видѣть, что было въ эту минуту съ Языковымъ!

Если увидишь Анненкова, скажи ему, что я торгуюсь съ Смирдинымъ касательно продажи моихъ сочиненій, и когда дѣло кончится, тотчасъ вышлю ему мой долгъ. Мнѣ передъ нимъ страшно совѣстно. Передай ему мой поклонъ и то, что я отлупилъ г. Растовскаго. Это ему будетъ пріятно.

Не забывай меня — и когда будетъ время, напиши нѣсколько строчекъ. — Тургеневъ скоро ѣдетъ в деревню. — У насъ появился новый талантъ: Стихотворецъ г. *Туръ*. Стишки его точно недурны, но еще молоды.

Преданный тебѣ

И. Панаевъ.

Корш — вероятно Вал. Фед. Корш (1828—1883), в 1856 г. бывший редактором «Московских Ведомостей».

Арапетов — Ив. Павл. (1811—1887), деятель редакционных комиссий по освобождению крестьян.

Языков — Мих. Алдр. (1811—1885), директор Импер. Стекланного завода.

Ребиндер — Ник. Ром. (1810—1865). Кяхтинскій градоначальник, попечитель сначала Киевскаго, а потом Одесскаго учебнаго округа.

Растовскій — Андрей Алдр. Ростовскій (ум. в 1871 г.), муж детской писательницы М. Ф. Ростовской (урожд. Львовой), в это время директор училищ С. Петербургской губ. и одновременно директор С. Петербургской V-ой гимназии.

... я торгуюсь с Смирдиным... — сочинений Панаева Смирдин не издавал.

Тур — стихотворения З. В. Тура печатались в «Отечественных Записках» в 1856—1857 годах.

III.

8 Сентября, СПб. 1856 г.

Милый другъ Василій Петровичъ, Сентябрьская книжка Современника вышла не такъ хороша, какъ бы хотѣлось мнѣ, ибо Островскій не прислалъ къ ней своей повѣсти, а на нее разсчитывали, впрочемъ, она кажется не дурна — статьи живинскія, — въ смѣси *Малмыжскій уѣздъ* приличенъ былъ

бы болѣе для Географическаго Вѣстника, — но что дѣлать. Эта статья помѣщена за отсутствіемъ Островскаго. Пожалуйста, В. П., прочитывай каждую книжку и пиши свое мнѣніе прямо и откровенно: ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не разсержусь за твои слова, если бы они были даже и рѣзки. Я въ самой высокой степени дорожу твоимъ мнѣніемъ, — ты это знаешь. Современникъ ктому же наше общее дѣло и надо выдвигать его общими силами. Тургеневъ просто душка. Я отъ него получилъ два письма и Фаустъ съ исправленіемъ, который уже набирается.

Получилъ также письмо отъ Некрасова изъ Вѣны. Онъ доволенъ покуда своей повѣзкой. Библиографія Современника очень похвывается и производитъ эффектъ — объ ней в Пбурѣ очень заговорили, — какъ ты находишь?

Пробѣжалъ я Сентябрьскіе журналы: въ Русскомъ Вѣстникѣ — *Губернскія сцены* С. похвальны, но не болѣе. Такія вещи печатать безъ сомнѣнія должно и полезно, но литературнаго достоинства они не имѣютъ никакого. — А Отечественныя Записки! Это просто ужасно. Просмотри Сентябрь изъ любопытства. Это кирпичъ — по тяжести и пузырь по содержанію. Фета сказка — срамъ, Данковского романъ чертъ знаетъ что. Этотъ Данковский соединяетъ въ себѣ Н. Ф. Павлова съ Лярскимъ. По содержанію онъ Лярскій, по вѣшной отдѣлкѣ Н. Ф. — Претензіи, фраза и пошлость. — Статьи о биржѣ Парижской читать нѣтъ возможности. Они принадлежатъ остроумному перу *Комаринки* и подписываются ЭКС-И. (т. е. Эксъ-инженеръ). Библиографія и прочее — мракъ, тяжесть и запустѣніе. Сегодня я былъ въ конторѣ, — такъ ужъ тамъ мнѣ говорятъ, что начинаютъ сильно жаловаться на мракъ О. З. ихъ подписчики. Нѣтъ! рѣшительно жизнь оставляетъ этотъ журналъ — и Русскій Вѣстникъ грозитъ гибелью О. З., Вѣстникъ несмотря на свою плохую беллетристику живъ и современенъ.

Островскій больной въ Москвѣ — если его увидишь, — скажи, чтобы онъ выслалъ непременно свою повѣсть къ X №. — Впрочемъ я уже писалъ ему.

Полагаю, что Григоровичъ у тебя. Уговори этого милѣйшаго господина ѣхать поскорѣй въ деревню и писать для Современника. Онъ необходимъ на XI книжку. Пожалуйста поговори съ нимъ объ этомъ посерьезнѣе. Въ журнальномъ дѣлѣ разсчитывать и обманываться ужаснѣе еще, нежели въ какомъ другомъ дѣлѣ. — Григоровичъ общалъ для *Августа*, потомъ для Сентября, мнѣ общалъ къ Октябрю — пусть пришлетъ хоть къ Ноябрьской, т. е. къ 15 Октябрю, чтобы я могъ невѣрно разсчитывать. Если онъ уѣхалъ, — не полѣнись, милый, и напиши къ нему объ этомъ предметѣ; если онъ въ Москвѣ, кланяйся ему. Говорилъ ли онъ тебѣ объ моей дѣв...? — Дѣйствительно прелесть! — Я тебя познакомлю съ двумя блондинками; надѣюсь, что ты будешь доволенъ. Приѣзжай скорѣй въ Петербургъ. Душа моя жаждетъ тебя увидѣть. Напиши заранѣе, когда будешь, чтобы я могъ все тебѣ приготовить... Я убѣжденъ, что мы проведемъ

время приятно — и устроимъ чайкъ съ барыней — *блондинкой* и вдовой, — Татьяной Изановной Краевой. Эту вдову я тебѣ приготовлю, когда у тебя почувствуется потребность.

Пиши къ преданному тебѣ
всей душой

И. Панаеву.

Что твоя статья? Если бы она поспѣла къ Ноябрью. Она необходима. Кто кромѣ тебя оцѣнитъ со стороны поэзіи Фета и Огарева? Въ библиографическомъ извѣстіи объ Огаревѣ — въ концѣ — уже дано общіе. Подразумѣвается твоя статья.

Дружинина еще нѣтъ.

Бекетовъ получилъ *крестъ на шею*. Онъ одинъ изъ ценсоровъ награжденъ Щербатовымъ. — *Avis aux autres!*

Въ статьяхъ о Гоголевскомъ періодѣ пропущено твое имя по случайнымъ обстоятельствамъ, которыя я тебѣ сообщу. Чернышевскій хотѣлъ писать тебѣ впрочемъ объ этомъ. Огареву приписывается значеніе, котораго онъ не имѣлъ, конечно, но объяснять это для тебя я полагаю излишне.

Малмыжскій уезд — статья С. Осокина «Народный бытъ въ северо-восточной Россіи».

Губернскіе сцены С* — Три рассказа Н. Щедрина-Салтыкова.

Сказка Фета — «Сонъ», поэма, впоследствии названная Фетомъ «Сонъ поручика Лосева».

Романъ Данковскаго — «Портретная галлерей». Евг. Данковский — псевдонимъ Евг. П. Новикова (1826—1903) дипломата, посла въ Константинополѣ, автора работы «Гусъ и Лютеръ» (М. 1859 г.)

Лирскій — беллетристъ Вас. Ал. Вонлярлярскій (1814—1852).

Н. Ф. Павлов — беллетристъ, поэтъ, критикъ (1805—1864).

Бекетовъ — Вл. Ник. (1800—18) цензоръ Спб. Цензурнаго Комитета.

Щербатовъ — кн. Григ. Алексеевичъ (1819—1881) въ это время попечитель Спб. Учебнаго Округа.

IV.

28 Сентября 1856.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Василій Петровичъ за письмо твое отъ 23 Сент. Я его получилъ вчера, и оно меня очень обрадовало. Огорчаетъ меня только то, что ты, какъ видно, не въ своей тарелкѣ отъ этого поганнаго Нижняго и отъ Московскаго шума, и что ты не принимался за свою статью. Ты говоришь: „Чортъ съ ней“ — это не такъ. Нѣтъ, статья твоя крайне важна для публики, ибо въ сію минуту никто не можетъ лучше тебя растолковать публики о томъ, что такое поэзія и указать на нее въ Фетѣ, Огаревѣ и др. поэтахъ... Объ Огаревѣ Чернышевскій сказалъ только съ одной стороны въ библиографіи, а въ концѣ этой статейки я *прибавилъ*, что мы вскорѣ надѣемся сказать и о поэтической дѣятельности Огарева. Это именно намекъ на твою статью, ибо другой не предвидѣлся, а я зналъ, что ты въ статьѣ о Фетѣ будешь говорить и объ Огаревѣ. Что

же касается до Григоровича, — то онъ все перевралъ и перепуталъ. Я именно говорилъ ему, что надѣюсь на твою статью для Ноябрьской книжки. Да пошлетъ же тебѣ Богъ для нея сосредоточенности и терпѣнія. Она очень нужна и скрасила бы Современникъ, я въ этомъ увѣренъ... Ради твоего участія къ Современнику и дружбы ко мнѣ — примись за нее. Я умоляю тебя. Чернышевскій не можетъ оцѣнивать поэтическую сторону; въ слѣдствіе этого его разборы о поэтахъ односторонни, а до какой степени важна и необходима такая оцѣнка, говорить тебѣ нечего — и въ этомъ случаѣ дать перевѣсъ Современнику передъ другими журналами можешь ты только одинъ. Помоги же намъ, я тебя снова умоляю.

Что касается до замѣчаній твоихъ объ Огаревѣ въ статьѣ „Гоголевскій періодъ“, они совершенно вѣрны; я это такъ же зналъ хорошо и не допустилъ бы вранья, но дѣло въ томъ, что тутъ есть кое что, о чемъ я просилъ переговорить съ тобой Григоровича, впрочемъ объ этомъ при свиданіи... Григоровичъ, видно, того, что нужно, не сказалъ, а пустяки напуталъ.

Когда же ты сюда? Я жду тебя съ нетерпѣніемъ. — Комната у тебя будетъ отличная, совсѣмъ отдѣльно — и для писанья удобно.

Отъ Островскаго я получилъ письмо отъ 12 сентября. Онъ обѣщалъ прислать рассказъ черезъ 10 дней... Надо будетъ еще писать къ нему; если бы не надулъ Григоровичъ, — тогда бы я не хлопоталъ о матерьялѣ. Онъ, впрочемъ, клялся, что къ XI № пришлетъ, но клятвы его писаны на водѣ. Вотъ что худо.

Жаль мнѣ душевно Григорьева. Видно православіе-то приносятъ ему мало пользы въ нравственномъ отношеніи.

Тургеневъ не забываетъ меня.

Колбасинъ былъ у меня. — Успокойся, Бекетовъ, сначала выкинувшій кое что въ твоихъ письмахъ, — уничтожилъ свои помарки. Касательно обертки готовъ тебѣ служить своимъ вкусомъ, но я надѣюсь прежде обертки видѣть тебя здѣсь.

Касательно Даля ты правъ; но все таки лучше печатать его, чѣмъ Данковскихъ, Берви, Рафаловичей (?) и прочихъ...

Объ Толстомъ ни слуху, ни духу.

Съ Дружининымъ я выдаюсь очень часто. Онъ прочелъ мнѣ отрывки изъ своего кунцовскаго этюда къ Шекспиру — умно и вѣрно. Этотъ этюдъ и Лиръ будетъ напечатанъ въ XII № Современника. Дружининъ переводитъ Каріолана и читалъ мнѣ изъ него также отрывки. — Очень хорошо. — Вотъ его настоящее дѣло... Третьяго дня я провелъ у него пріятнѣйшій вечеръ.

Некрасовъ мнѣ разъ писалъ изъ Вѣны.

Прощай, — до близкаго свиданія (я надѣюсь) но Бога ради не радуйся *не бываю* статьѣ о Фетѣ — и принимайся за свою.

Да еще продолжай мнѣ свои замѣчанія о *Современникѣ*, брани за промахъ и дѣлай совѣты. Это нужно. Вѣрь, что я на тебя сердиться не

могу. Мы, кажется, довольно знаемъ другъ друга, и между нами тоже не можетъ быть даже недоразумѣній. — Я по крайней мѣрѣ такъ думаю.

Твой Панаевъ.

Пріѣхалъ ли изъ М. Григоровичъ?

Я получилъ письмо отъ Селиванова объ его *Уѣздныхъ Очеркахъ*. Успокой его... Они у меня, цѣлы — и по возвращеніи Щербатова будутъ представлены ему и вѣроятно напечатаны. — Куда къ нему писать? Я не имѣю адреса.

Статья В. Боткина о Фете: «А. А. Фет» была напечатана в *Современнике* 1857 г. № 1.

Рассказ Островского — «От Островского я получил письмо от 12 сентября» — пишет Панаев; это письмо не опубликовано. К своим воспоминаниям («Литературные воспоминания с приложениями писем разных лиц» СПб. 1888 г.). Панаев приложил письмо Островского от 12 октября 1856 г., где Островский пишет: «получив ваше письмо, я принялся за работу и хотел отвечать самым делом, т. е. выслать вам поскорее рассказ; но силы не позволяют... Обойдитесь пока без меня, по выздоровлении я надеюсь вознаградить потерянное время», но рассказ Островского написан не был. Задумав в феврале 1856 г. пьесу «Приданое» и начав ее, Островский оставил драматическую обработку сюжета и начал писать повесть, назвав ее «Не сошлись характерами». Повесть должна была появиться в *Современнике*, о чем и писал Островский Панаеву в сентябре и октябре 1856 г., но и повесть окончена не была, и Островский, опять вернувшись к драматической форме, на тот же сюжет написал пьесу «Не сошлись характерами!», напечатанную в январской кн. *Современника* за 1857 г. (См. Н. Кашин. Эюды об Островском т. II, М. 1912 г. стр. 263—277).

«... в твоих письмах, ...» — «Письма об Испании» В. П. Боткина были изданы в 1857 году. Издание книги было поручено Дм. Як. Колбасину (см. «Инструкция Колбасину». Архив села Карабихи. Письма Некрасова и к Некрасову. М. 1916 г. стр. 276). Следившему за изданием «Записок Охотника», Комедий Тургенева и «Детства и Отрочества» Толстого.

Даль — Вл. Ив. (1801—1872) беллетрист, этнограф, лингвист.

Берви — Вас. Вас. (р. 1829) псевдоним «Флеровский». беллетрист, публицист-социолог.

У.

18 Октября Пб. 1856.

Милый другъ Василій Петровичъ, сейчасъ полученное мною письмо твое очень меня утѣшило. — Комната совершенно отдѣльная для тебя готова — и я жду съ нетерпѣніемъ твоего пріѣзда; но увѣдомь, когда выѣзжаешь. Ты любишь тепло, и я хочу, чтобы къ твоему пріѣзду въ твоей комнатѣ была твоя любимая температура. О Фаустахъ и о прочемъ мы поговоримъ при свиданіи, что стоитъ того. Тургеневъ тебѣ очень кланяется. Я уже получилъ отъ него 5 писемъ. Онъ работаетъ и обнаруживаетъ самое горячее участіе къ *Современнику*. Ахъ, если бы твоя статья хотя бы къ I книжкѣ поспѣла. — Я увѣренъ, что ты въ Петербургѣ кончишь ее.

Если увидишь Селиванова, скажи, что его *Уѣздные Очерки*, переименованные мною въ *Провинціальныя Воспоминанія*, чтобы не напомнить

Очерковъ Щедрина — явятся въ XI №. Они пропущены, но entre nous soit dit, я сильно исправилъ ихъ въ языкѣ. Селивановъ совсѣмъ писать не умѣетъ и такъ ихъ печатать было нельзя. Боюсь еще, чтобы не разсердился, хотя я по совѣсти думаю, что я поскрасилъ ихъ поправками.

Съ Дружининымъ я вижусь часто. Онъ ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ.

До свиданія — и надѣюсь близкаго.

Твой Панаевъ.

(Продолжение следует)

Из переписки Некрасова с Боткиным.

Часть лета 1855 года Некрасов проживал вместе с Боткиным на даче в Петровском парке, близ Москвы. Физически он чувствовал себя очень плохо. В письмах к Тургеневу от 30 июня он жаловался на «сквернейший кашель, сухой и звенящий» и на одышку при ходьбе. Минеральные воды, которые он пил по совету знаменитого доктора Иноземцева, не приносили никакой видимой пользы. По мнению Некрасова, болезнь его делала «заметные шаги вперед», и свое положение он называл «медленным умиранием». Но душевно он чувствовал себя сравнительно хорошо, находясь в каком-то «благодатном спокойствии», много читал, строил различные планы; между прочим, собирался даже поехать в осажденный Севастополь. В постоянном общении с таким литературно образованным человеком, каким был Вас. Петр. Боткин, должны были ярче определяться литературные вкусы и симпатии поэта. Обнаружилось не мало общих точек соприкосновения: они даже совместно написали фельетон для августовской книжки «Современника».

Когда Некрасов уехал в Петербург, общение между друзьями продолжалось при помощи довольно деятельной переписки. Одна сторона этой переписки: письма В. П. Боткина к Н. А. Некрасову — уже была опубликована на страницах «Голоса Минувшего» в статье В. Е. Евгеньева «Некрасов и люди 40 гг.» («Г. М.» 1916 г. IX, стр. 171 — 191 и X, 81 — 108). Письма же самого Некрасова, т.-е. наиболее ценная часть переписки, поскольку Некрасов является более значительной фигурой в русской литературе, чем Боткин, считались «недошедшими до нас». Кое-какие предположения и догадки о содержании этих писем Некрасова, о сообщаемых им там сведениях и мнениях, можно было строить на основании ответных писем Боткина; кое-что, напр., отзыв Некрасова о «Плотничьей Артели», можно было представить по отзыву его об этом же произведении в письме к Тургеневу. Но все это была область догадок и предположений. Достоверно было известно только одно место в письмах Некрасова, где речь идет о значении «правды» в искусстве. Мнение, выраженное тут Некрасовым, так понравилось Боткину, что в ответном письме поэту Боткин счел нужным процитировать это место. Само собой

разумеется, что многие намеки в письмах Боткина, без писем самого Некрасова, с трудом поддавались расшифрованию.

Теперь эти письма Некрасова к Боткину отыскиались и предлагаются вниманию читателей «Голоса Минувшего». По отношению к вышеупомянутой статье В. Евгеньева они вносят несколько фактических поправок. Письмо Боткина с отзывом Дружинина о гоголевском направлении, не имеющее даты, по утверждению В. Евгеньева, «писано в августе 1855 г.». Основания, почему исследователь относит это письмо к августу, приведены не были. Но ответное письмо Некрасова помечено «16 сентября» и получено было в Москве Боткиным «18 сентября»; перед этим Боткин писал «14 сентября», но этого письма Некрасов к 16 еще не успел получить. Более ранние (датированные) письма Боткина помечены 3 и 4 числом того же месяца. Таким образом устанавливается приблизительно дата письма с отзывом Дружинина: между 5 и 13 сентября. Но тогда и хронологическая нумерация писем должна быть изменена: означенное недатированное письмо должно быть по порядку не № 1, а № 3. Таким образом, № 1 явится письмо Боткина от 3 сентября, № 2 — от 4 сентября, № 3 — между 5—13 сент., № 4—14 сент. Дальше нумерация, как прежде.

Из помещаемых нами здесь писем Некрасова первые два, как увидит читатель, посвящены, главным образом, редакционным делам (в связи с «Современником»). Тут и сетования на цензоров (Бекетова и Фрейганга) и денежные расчеты с К. Т. Солдатенковым и сотрудницей журнала Ольгой Н. (псевдоним Софьи Энгельгардт) и толки о поразившем всех самоубийстве Владим. Милютина, бывшего также сотрудником «Современника».

Но исключительный интерес приобретает третье письмо, где Некрасов дает отзыв о «Плотничьей Артели» Писемского и, что особенно важно, высказывает свое несогласие со взглядами Дружинина на искусство.

По письмам Боткина можно было ожидать почти полного совпадения у двух друзей: Боткина и Некрасова — в оценке повести Писемского. Оказывается есть и некоторая существенная разница. Боткин почти ничего не нашел в повести хорошего, Некрасов же считает, что некоторые мужики очень верно схвачены, что у Писемского «иногда больше меткости в языке, больше подслушанных у самого народа фраз», чем у Тургенева.

Дружинин писал: «Все, что ни вижу я, убеждает меня в том, что недидактическое направление словесности, т.-е.: усилия к исправлению нравов и общества может быть полезно для житейских дел, но никак ни для искусства. Гомер не хотел править никого, а, читая его, больше научишься, чем от всех последователей Гоголя. Гоголь, по моему мнению, есть художник чистый, только его последователи из него делают какого-то страдальца за наши пороки и нашего преобразователя. Чуть Гоголь сам вдается в дидактику — он вредит себе. Из этого не следует, чтобы я проповедовал идиллию и был зол на юмор — кого Бог одарил

«сатирическим даром, тот смеется над обществом, кладя теней сколько хочешь, — но горе тому, кто захотел надеть ризу Гоголя и идти по его следам из принципа, а не по своему дарованию».

Говоря это, Дружинин шел наперекор духу времени, и высказанное им мнение возобладало только через 40 — 50 лет. Наоборот, Некрасов был одним из самых ярких выразителей своей эпохи. Понятно, почему он так рассердился на Дружинина: он сам считал себя последователем Гоголя, а Гоголя воспринимал не как «чистого художника», а как обличителя. Но в ответном письме Боткину, сообщавшему это мнение Дружинина, Некрасов, как легко убедиться, не возражает по существу. В сущности, он говорит совсем о другом. Дружинин утверждал, что писатель не должен насиловать своего дарования. Некрасов же высказывает убеждение, что существует связь между искусством и жизнью. Конечно, одно не противоречит другому.

Точка зрения Некрасова резче выражена была в его письме к Тургеневу по поводу 2-го тома «Мертвых Душ». Здесь Некрасов насилование своего таланта ставит прямо в заслугу Гоголю, который «писал не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал писать полезнейшим... И талант, положим, свой во многом изнасиловал, но каково самоотвержение?.. В результате это — благородная и в русском мире самая гуманная личность; надо желать, чтобы по стопам его шли молодые писатели в России».

В другом месте Некрасов писал, что существует только одно «живое и честное» направление в литературе, которому служит всякий честный человек в России, это «обличение и протест». Здесь сказалось влияние Белинского и его толкование значения автора «Ревизора». Но гражданским поэтом Некрасов стал не столько по принципу, сколько по призванию, так что упрек Дружинина, направленный против большинства последователей Гоголя, к нему имеет мало отношения. А теперь все более и более выясняется, что именно потому Некрасову и удалось в свое время сказать «новое слово» в русской поэзии, что он порвал с традициями Пушкина и Лермонтова и, будучи поэтом, пошел по стопам прозаика Гоголя. Но каждое «новое слово» когда-нибудь становится не только старым, но и обветшалым, становится тормазом для дальнейшего движения. На рубеже XX в. умонастроение литературной молодежи стало ближе к взглядам Дружинина, чем Некрасова.

И. Н. Розанов.

СПБ. 1855, 1 Сентябрь.

Милейший Боткин, вероятно тебя рассердила вымарка о Жихаре — в нашем фельетоне и еще более рассердит известие, что до сей поры статья твоя из Карлейля не вышла еще из цензуры. Но что же делать? Вследствие обстоятельств, о коих расскажу при свидании — Бекетов одурел — все таскает к Мусину-Пушкину, а тот сам в статье

ничего не понял и об'явил, что статью должно оставить до возвращения из отпуска Фрейганга (считающегося у них в ценсуре мудрецом, который все знает). Ты, впрочем, не отчаивайся: статья по всей вероятности пройдет, хотя нет сомнения, что Фрейганг ее общиплет несколько. На то он Фрейганг! Я тогда цензорские корректуры к тебе пришлю и ты решишь — печатать или нет.

Досадно, что я не знал об одурении Бекетова, а то подождал бы представлять статью. Но много здесь случилось без меня вещей досадных, которые я, к сожалению, поздно узнал!

Здесь довольно еще пусто: не съехались с дачь и деревень. Печальное известие из Севастополя ты уже знаешь...

Я лечусь и видимо с пользой. Вообрази: горло вовсе не болит и даже испускает какие-то дикие звуки! И так нет сомнения, что корень моей болезни угадан, но когда? Через 2 года! В эти два года горло мое смотрело до 20 докторов и в том числе Пирогов и Иноземцев! Нет сомнения, что еслиб это открытие было сделано хоть нынче весной, то я бы мог вылечиться, но теперь уже у меня страдают легкие. Впрочем, доктор мой уверен, что меня вылечит.

Сижу дома. Кстати о моем доме. Я нанял квартиру в Малой Конюшенной, в доме Имзена. В ней тепло, сухо и просторно, тишина, удобство и спокойствие также не чужды ей... еслибы ты был так мил, что остановился бы у меня... а? Это было бы для меня праздником, а что тебе будет удобно — рвчаюсь. Заметь, что моя квартира больше Тургеневской и потому ты ни мало меня не стеснишь.

Фельетон наш, говорят, понравился. Если приедешь, в октябре смастерим другой. Я хотел было написать на сентябрьскую книжку да одному как-то скучно и не повадно. Несмотря на цензорское смягчение, Жихарев все-таки пришел в ярость и прислал Панаеву письмо — об'явив, что не желает уж дать нам обещанной статьи. Чорт с ней! Вот что значит говорить правду! Жихарев грозит еще напечатать ответ, хорошо бы! Можно бы там эту старую шельму поднять на смех! Писши мне, сделай милость — и я буду писать. Весь твой.

Некрасов.

Р. S. Василий ошибкою похитил твой колокольчик бронзовый — которым я и пользуюсь покуда. Извини, при случае пришлю. Да не пропало ли чего при моем отъезде? Эти молодцы Сережка и Ванюша оба малые довольно подозрительные.

Н.

Я твои письма от 3-го и 4-го получил только сегодня (8-го)¹⁾.

Любезный друг и милейший сожигатель, спасибо тебе за твои письма — они напомнили мне наши летние беседы, и я прочитал их с живым интересом. Я рад-радехонек, что тебе непротивно мое предложение — посе-

¹⁾ Эта строчка является припиской сверху письма (Ред.).

лится у меня и чем скорее ты приедешь, тем лучше, разумеется; отвечаю за тишину и удобство. Сажу безвыходно дома и уже теперь же начинаю мечтать с наслаждением о том, что у меня будет хоть на время такой милейший товарищ. Статья твоя из цензуры еще не вышла, я еще раз ее прочел: не предвижу, чтоб из нее много вымарал Фрейганг, в ней есть несколько религиознейших мест в нашем смысле. Во всяком случае, ты увидишь ценсорскую корректуру. Лечение мое идет хотя с медленным, но очевидным успехом; одного боюсь: не поздно ли уже? Т.-е. опасное соседство болезни с легкими не имело ли уже губительного влияния. Духом однако я бодр и телом крепок на столько же, как был летом.

Что сказать о Милютине? Подробностей, которые могли бы пояснить его поступок — очень мало. За три недели до этого, он писал Ламанскому (своему помощнику по Геогр. Общ.), что заграничная жизнь, не излечив его, сделала ему огромный вред, развив в нем вреднейшую лень, так что он без ужаса не может подумать о возвращении к труду. А за день до получения официального извещения о его смерти — братья получили от него письмо (сухое и короткое), что он решился умереть и просит Ник. Ал. заплатить его долги. Вот и все. Болезнь его была неизлечима — он это знал; ему предстояла операция, на которую он не мог и не хотел решиться... Тургенев прав, замечая по этому случаю, что «одно не предвиденное вероятно и совершается на деле».

Подождав до 7-го сентября (так как Козьм. Тер. обещал вручить тебе деньги 5-го), я послал к Базунову, так сказать, официальный документ, который он должен пред'явить К. Т. для получения от него 1500 р. и пересылки нам. Если же Солд. эти деньги уже прежде отдал тебе (ты пишешь от 3-го сентября), то передай их Базунову, здесь есть деньги Ивана Васильевича, вырученные за Гоголя, и ему стоит только прислать мне записку для получения их. Вообще, если это дело еще не устроилось, то прошу тебя, помоги Базунову в чем окажется нужно, ибо старичина несколько бестолков и мешковатен, а деньги уже скоро нужны для расплаты.

Вместе с этим письмом я написал письмо к Ольге Н** (так и быть, для избежания сплетен—решено заплатить ей по 50 р.), и письмо к Грановскому, дабы успокоить его по этому делу. Спасибо, что написал об этом прямо, и впредь прошу тебя так поступать — тогда меньше будет на бедном «Современнике» сплетен.

Три письма меня утомили, и я покуда кончаю, а о многом еще хочется говорить с тобой. До завтра. Весь твой.

Н. Некрасов.

9 сентября

пошлю 10-го.

Если ²⁾ скоро думаешь сюда, накануне напиши два слова. Василий встретит тебя на железной дороге. У меня теперь два человека. Пиши

²⁾ Весь этот абзац—приписка сбоку (Ред.).

для скорости получения писем прямо в мою квартиру, в Малой Конюшенной, дом *Имзена* (Имзена).

На обороте ³⁾.

11 часов вечера. Сейчас из типографии принесли твою статью с надписью, что Комитет решил, чтобы мы ее отправили в *Духовную* цензуру. Итак, она останется у меня до твоего приезда. Духовный цензор мне знаком и получает от меня даром «Современник». Стало быть еще есть надежда. Будь здоров и не огорчайся этим. Досадно, да что делать.

Будь друг: повидай Мина — мне перевод его из Байрона нужен бы на эту книжку.

1855. 16 сентября.

СПБ.

Любезный друг, прочел я, что пишет тебе Дружинин о Гоголе и его последователях, и нахожу, что Дружинин просто врет и врет безнадежно, так что и говорить с ним о подобных вещах бесполезно. Хорошо привел он, между прочим, пример: Гомера! Да не лучше ли гораздо оглянуться около себя, где у нас (да и в Европе теперь) такие таланты, чтобы можно было наслаждаться их художественностью, забывая о времени, обществе и т. д. Дарования всегда разделялись и будут разделяться на два рода: одни колоссы, рисующие человека так, что рисунок делается понятен и удивителен каждому без отношения к месту и времени (таковы Шекспир, пожалуй, отчасти наш Пушкин и т. п.), другие: которые не могут иначе понять и изображать человека, как в данной обстановке и т. д., и как рыба может жить только в воде, так эти другие, т.-е. их таланты могут проявлять жизнь, давать плод только под условием известных качеств воздуха, которым дышат они. Дружинин поглядел бы прежде всего на себя. Что он произвел изрядного (в сфере *искусства*? — Полинку Сакс, но она именно хороша потому, что в ней есть то, чего нет в дальнейших его повестях. И кабы Дружинин продолжал идти по этой дороге, так верно был ближе даже и к *искусству*, о котором он так хлопочет. Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда все выйдет ладно: станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и наоборот: станешь служить обществу — послужишь и искусству. Эту теорию оправдали многие великие мира сего и оправдывают лучшие теперешние писатели Англии и России. Впрочем, будет об этом. Если буду писать фельетон, то разовью кое-что из этого.

Ты уже, я думаю, прочел *Артель* Писемского. В этой вещи есть несколько физиономий русских мужиков, очень верно схваченных — вот его хорошая сторона; но жаль, что это потоплено в ненужной и утомительной болтовне, составляющей, так сказать *приступ* — и *заключение*.

³⁾ Конец этого письма, начиная словом „на обороте“, написан карандашом (Ред.).

Мне показалась эта вещь *скучна* в целом — вот обстоятельство печальное! Ведь я аматер все ж — если же простого читателя? Еще: вкусу в этой вещи мало и претензии очень много. Вообще, друг наш И. С. *) оказал плохую услугу Писемскому: он так хвалил *Артель*, что заставил ждать чего-то необыкновенного, а вещь-то так себе: любой рассказ из «Зап. Охот.» поспорит с нею. У Писемского иногда больше меткости в языке, больше подслушанных у самого народа фраз, но у Тургенева всегда больше ума, не говоря уже о преимуществах второстепенных: вкусе, такте и т. п. Рассказ о свадебных обрядах, вставленный в *Артель*, удивил меня особенно потому, что Писемский тоже разделяет лужининскую теорию об искусстве для искусства (прочитав наш фельетон, он говорит, сказал, что сам так думал, когда был мальчишкой); и вообще, этот рассказ тут неуместен и увеличивает главное горе повести — скуку. Нет, эта штука не повеяла на меня здоровой и крепкой жизнью, и я отозвался бы о ней резче, кабы не боялся, что ты заподозришь журнальные отношения и т. п. (А Тургенева он просто надул мастерским чтением!) Перечти *Питерщика* того-же Писемского и ты поймешь, чего недостает *Артели*. Впрочем, прав ли я? Хочу знать твое мнение об *Артели*.

Когда ты придешь? Да, не бросил ли ты опять в долгий ящик мысль об издании *Пис. об Исп.*? **) Нет, этого я не позволю. Привози книгу готовую к печати — надо бы — пустить к ноябрю. Я займусь этим делом с любовью, потому что уверен: окажу услугу публике. Прощай. Пиши хоть по немножку.

Весь твой Н. Некрасов.

Скажи спасибо Солд. — я деньги получил.

(Продолжение следует).

*) И. С. Тургенев. (Ред.).

**) Пис. об Исп. — «Письма из Испании» В. Боткина. О них см. еще в письме Некрасова от 3 сент. 1856 г., опубликованном нами в «Гол. Мин.» 1923 г. № 1, стр. 222—223. «Два письма Некрасова к Боткину». (Ред.).

Автограф Тютчева.

Н. И. Тютчев, внук поэта, любезно ознакомил нас с неизданным автографом своего деда. Текст написан на первой странице тома Вольтера „La Henriade“. Stereotype d'Herhnan. Paris. 1805). На верху «страницы надпись также рукою поэта: „Из книг Федора Тютчева. 1818-го 8-го мая“. Текст автографа такой:

Пускай отъ зависти сердца злоловъ ноютъ;
Вольтеръ! Они тебѣ вреда не нанесутъ!..
Питомца своего Пiereды покроютъ
И Дивнаго во храмъ безсмертья проведутъ.

Надпись на книге и самое стихотворение написаны одинаковым почерком и теми же чернилами, с тою же степенью выцветания. Таким образом с достаточной вероятностью приходится отнести четверостишие к 1818 году, когда Тютчеву было пятнадцать лет. Это третье отроческое стихотворение Тютчева, ставшее нам известным. Первые два были нами опубликованы в сборнике „Феникс“, 1922, кн. I, стр. 5—6 и 137—141 *). Лестные для Вольтера строки отрока Тютчева весьма любопытны для характеристики юного вольнодумца, который, впрочем, вскоре стал зачитываться иными поэтами и мыслителями — Виландом, Лессингом, Шиллером, Паскалем, — разочаровавшись, как разочаровался впоследствии и Пушкин, во французской цивилизации XVIII века. Однако, Вольтер, несомненно, оказал серьезное влияние на французскую прозу Тютчева. В его статьях и особенно в письмах нередко чувствуется Вольтеровский стиль. Между прочим в своем дневнике от 6-го декабря 1821 г. М. П. Погодин упоминает о Вольтере в связи с Тютчевым: Погодин посетил в Николин день Тютчева, но не застал его дома. Тютчев был у обедни. Тогда Погодин отправился в церковь и там нашел своего товарища. Священник произносил проповедь, в которой сказал, что „Вольтер, Даламбер и Дидро равны дьявольскому числу, упоминаемому в Апокалипсисе“... „Смеялись над этим с Тютчевым“. Барс., 1, 140 и 141.

Георгий Чулков.

*) Пользуемся случаем, чтобы исправить гнусные опечатки в публикации „Феникса“ — а именно: в стих. «На новый 1816 год» в ст. 46-м пятое слово надо читать «твоей», а не «своей», а в стих. «Двум друзьям» в 9-м ст. второе слово надо читать «утешает», а не «утешает».

После университета *).

Москва. Ярославль. Бетя Каминская.

Пробыв за границей три с половиной года, я совсем забыла, что такое русская зима, и отправилась в дорогу в ноябре¹⁾ в суконной кофточке чуть-чуть ниже талии, и, когда переехала границу, то ночью очень страдала от холода. Должно быть, у меня был довольно жалкий вид, потому что какие-то два пассажира вошли в мое бедственное положение и укутали меня своим пледом.

Вот я и в Петрограде, куда без всякого предупреждения матери приехала повидаться с ней, поздороваться и вместе с тем проститься. Я дернула звонок в нервном возбуждении от предстоящей встречи, но оказалось, что дома нет никого: все были в театре, и до поздней ночи пришлось сидеть в ожидании. Наконец, мать и сестры приехали, и я почувствовала облегчение: моя мать, всегда отличавшаяся большой чуткостью, не сказала ни слова по поводу моего решения оставить университет. Повидимому, она считала, что я сама являюсь распорядительницей своих судеб. Вскоре она отправилась в Швейцарию для поправления здоровья, а я уехала в Москву, где и водворилась, как в центре деятельности «Московской организации».

Тут я совсем затерялась в новой обстановке, в кругу людей, которые все до одного были чужды и незнакомы мне. На время я потеряла свою личность: не имея ни малейшей опытности в революционном деле и не зная, где для меня в нем — поскольку речь идет о городе — надлежащее место, я пассивно подчинялась тому, чего от меня требовали, и исполняла то, что на меня возлагали. Среду, в которую я попала, нельзя было назвать организованной, это были люди, наспех с разных сторон собранные, частью вызванные издалека и связанные задачей продолжать то, что не они начали и в чем раньше они участия не принимали. И теперь без предварительного общего сговора между собой, без обсуждения плана действия эти заместители арестованных членов кружка вели каж-

*) См. «Голос Минувшего», № 2 за 1923 г.

¹⁾ 1875 г.

дый свою отрасль в особицу, без единства и без единения между собой. соприкасаясь друг с другом скорее физически, чем духовно. Правда, строгая сплоченность организаций не была, вообще, свойственна революционной среде того времени, но здесь ее уж совсем не было в силу того, что люди не сжились друг с другом, не сами сплотились для общего дела, как это было с Чайковцами, Фричами, кавказцами, а по чужой воле встретились в одном месте, *призванные* для цели *указанной*, а не свободно избранной.

Центральным лицом, к которому стягивались все нити революционной работы, и которое своим обаянием сдерживало наше рыхлое сообщество, была родственница Субботиных — Вера Андреевна Шатилова. По своей личной близости не только к Субботиным, но и к другим членам кружка, по наибольшему знанию всего, что касалось дел погибшей организации, по связям с революционной периферией в Москве и, наконец, как распорядительница большими материальными средствами Субботиных, она являлась естественной наследницей исчезнувшей Московской организации и, как человек, по душевным качествам своим, не оставляла желать ничего лучшего. Умная и энергичная, она была трогательно предана своим друзьям и выказала большую распорядительность в попытках не дать заглотнуть и затеряться тем связям среди рабочих и учащейся молодежи, которые оставались в Москве. Некрасивая, она обладала удивительной привлекательностью, той смесью женственной мягкости и твердой властности, которая подчиняет, не задевая. Ее задушевность и мужество внушали любовь и уважение всем, кто был в ее близи, и, можно сказать, все ходили по ее воле, и только эта воля связывала нас всех.

Но она не прошла никакой революционной школы, не была, если не ошибаюсь, даже членом организации, продолжить деятельность которой взялась. Между тем не продолжать, а наново строить организацию надо было, а для этого у нее не было опытности.

Тотчас после ареста она взяла в свои руки все руководство делами и принялась собирать людей, чтоб с их помощью связывать порвавшиеся нити. Она вошла в тесные деловые отношения с Василием Ивановичем и с Ионовым, людьми высоких моральных качеств и солидных по возрасту и опытности. Они вели пропаганду на фабриках и заводах, и Шатилова указывала мне на них, как на прямых преемников «Фричей» и Кавказцев, к которым примкнули Александр Лукашевич и Грачевский, близкие к Чайковцам, уже отсутствовавшим в Москве.

Другим настоящим делом Шатилова считала организацию сношений с тюрьмами, в которых находились арестованные. Теперь можно удивляться, какую важность приписывали в то время этим сношениям, и как много энергии и средств затрачивалось на это. Хотя арестованные, наверное, протестовали бы, но считалось необходимым тайной перепиской «поддерживать их дух», а другой задачей было «устройство показаний», т. е. соглашений арестованных между собой относительно разных

обстоятельств, чтобы в показаниях не противоречить друг другу, снять с кого можно, улики и т. п. Результаты такого «устройства» бывали иногда обратные: переписка попадала в руки начальства и вместо облегчения приносила иногда вред.

Для этой конспиративной корреспонденции Шатилова привлекла сначала двух барышень: Георгиевскую и Введенскую. Но первая же попытка Шатиловой в обоих направлениях была прервана несчастием: Ивановский и Ионов были скоро арестованы; барышни тоже не замедлили попасть в тюрьму и в свою очередь стали нуждаться в переписке «с волей»¹⁾.

Неутомимая Шатилова сделала тогда второй набор: вызвала по указанию из тюрьмы двух кавказцев и поручила им рабочее дело и сношения с учащейся молодежью; с другой стороны через Марка Натансона обратилась за границу к Аптекман и ко мне. И как только, побывав у матери, я приехала в Москву, Шатилова дала мне определенную роль.

Прежде всего, как лицо ничем не скомпрометированное, я должна была нанять на свое имя квартиру, которая служила бы центральным пунктом для всякого рода собраний, совещаний, свиданий и т. п. и вместе с тем была бы местом пребывания всего конспиративного делопроизводства. Так как моя сестра Лидия в то время была уже арестована и содержалась при Яузской части, то я должна была отказаться от хождения к ней на свиданья, чтоб не навлечь подозрения на нанятую на мое имя квартиру. В ней, кроме меня, по желанию Шатиловой, должны были жить два упомянутых кавказца без прописки. Они были люди совершенно легальные, но предполагалось, что проживание без прописки лучше сохранит их фамилию «чистыми»¹⁾.

Квартиру мы нашли на Сивцевом Вражке, во дворе, во флигеле, как раз против окон домовладелицы. Это были три комнаты и кухня, которые мы обмещировали кое-как. Одна комната — темная с двумя кроватями — была отведена кавказцам; в другой поселилась я, в ней была кровать, маленькая софа и большой стол для канцелярии. Меблировка третьей — нейтральной — состояла из обеденного стола и 3—4 стульев. С Хитрова рынка Шатилова привела стряпуху, цокающую тверянку, простое и доброе лицо которой ей понравилось. Она в самом деле оказалась симпатичной крестьянкой, но варить могла только щи и кашу.

Шатилова очень легко подходила к простым людям, среди деловых забот и революционных злоб дня она всегда находила время поговорить по душе с этой женщиной, все мысли которой были в деревне, и этими беседами она совершенно завоевала ее.

В полной уверенности, что хорошо и солидно устроились, жильцы

¹⁾ Ионов по особому процессу был осужден на каторгу. Ивановский бежал из одной из Московских полицейских частей. Георгиевская и Введенская судились по процессу 50-ти.

²⁾ Из них один пошел потом в административную ссылку, а другой, если не ошибаюсь, никуда не пошел.

квартиры занялись делом: кавказцы с утра уходили из дому и возвращались только к обеду. Они посещали трактиры, где встречались с рабочими или видались со студентами университета, Петровско-Разумовской Академии и поддерживали знакомство с учениками Технического Училища, но все это в самых незначительных размерах и без организации каких-либо групп или кружков в этих учебных заведениях. К практической же работе, насколько знаю, они не привлекли никого.

Моей обязанностью было заменить Георгиевскую и Введенскую, и я по целым дням разбирала зашифрованные записки, полученные из тюрьмы, и зашифровала ответы, содержание которых диктовала Шатилова. Некоторые заключенные придумывали сложные комбинации для объяснения, как и зачем и почему у них при аресте оказался тот или иной документ, адрес или письмо; как завязалось то или другое знакомство. Большая хитросплетенная переписка велась по поводу Карташева и найденных у него 10.000 руб. Надеялись выгородить его и спасти деньги. Ни то, ни другое не удалось: Карташев был отправлен на каторгу, деньги пошли на покрытие судебных издержек.

Переписка с арестованными, найденная у Введенской и Георгиевской, вызвала множество столбцов шифра, чтоб придумать способ, как придать этому факту невинный характер. Много чернил и бумаги ушло на сговоры по поводу двух фиктивных браков, устроенных Фричами с финансовыми целями¹⁾. Хоржевская должна была выйти замуж за князя Цицианова, но в нужный момент жениха в Москве не оказалось, и она обвенчалась с его приятелем, взявшим для бракосочетания документ Цицианова. Другой фиктивный брак — Ек. Тумановой и Гамкрелидзе. Непредусмотрительным образом при этих бракосочетаниях свидетелями подписались члены организации под своими фамилиями. После арестов полиция все дело раскрыла и использовала улики на суде. Но теперь путем тайных соглашений между действующими лицами казалось возможным это дело затушевать.

По поводу источников, откуда черпались денежные средства организации, по поводу найденной при обыске литературы, по поводу того, кому что взять на себя, кого и как выгородить — обо всем надо было списываться и притом шифром, правда несложным, Гамбетовским, но все же шифром и с каждым по особому условному ключу. Вот и сидишь утром и вечером и после обеда, разбираешь длинную, узкую полоску, испещренную цифрами или шифруешь ответ на какое-нибудь хитросплетение. Потом, быстро облачившись в ту парижскую кофточку, в которой я мерзла в вагоне, надеваешь шапочку и бежишь в сильный мороз на улицу: ведь это я должна была вести сношения с жандармами, унтер-офицерами и подчасками, которые были посредниками между «волей» и «неволей». Иной раз вечером стоишь, стоишь где-нибудь в глухом переулке, в условном месте, ожидаешь этого посредника, и холод-

¹⁾ Браки были заключены, но цели — не достигнуты.

но, и неуютно... Вот идет незнакомый человек, продающий свои услуги. Почему бы не схватить меня за руку и не отвести в участок! Быть может, там дадут больше, чем можно получить от меня?.. Никогда при такой мимолетной встрече не приходится взглядеться в личность передатчика, связать его с собой хоть тенью какого-нибудь духовного интереса. Происходит голая сделка, купля-продажа: он протягивает комочек бумаги, а я кладу ему в руку рубль. Всеволод Лопатин, содержавшийся в то время в тюремном замке (Бутырках), обделывал нам дела за гривенник и пятиалтынный, но мы, непрактичные, тратили ежемесячно изрядную сумму на эти подкупы и получали от него большое порицание. В другой раз, где-нибудь на перекрестке вечером я жду какого-то плюгавого телеграфиста. Худосочный, с испитой некрасивой физиономией, он ведет меня в трактир, где пол усыпан опилками и шмыгают юркие половые с полотенцем через плечо. «Пару чай!» заказывает телеграфист, и я сижу с ним за столиком, а кругом гуторят, обливаясь потом раскрасневшиеся московские «чуйки».

Телеграфист бормочет, что трудно, требуется много времени, чтоб завести знакомство для сношений с Тверской, Пречистенской или другой «частью». Есть у него знакомый музыкант, который дружит с жандармами, и через него он надеется в конце концов получить нужные связи для передачи писем. Мне кажется, что все это — одни проволочки, с целью выманить побольше денег: не берешь в толк, что ведь он рискует и нельзя же с первых слов знакомства с конспиративной целью раскрывать ее. Но если каждый раз телеграфист спрашивает три или пять рублей, как не заподозреть, что его слова — пустая отговорка, чтоб выманить побольше денег у легкомысленных господ? И все время сидишь в трактире, как на иголках. Ведь это же впервые. Никогда в жизни я не заглядывала в эти противные заведения... Мне неприятна вся обстановка: комнаты, уставленные столами, и чужие люди, разливающие чай; неприятны половые, неприятен запах трактира, неприятен телеграфист, его лицо, его фигура...

Мне не с кем поделиться этими впечатлениями: меня посылают, и я иду. Шатилова мне нравится, я ее люблю. Я вижу, что она вся отдается тому, что считает нужным. И не могу говорить с ней о моих смутных ощущениях, да и сама еще невольно сознаю, что стою не на своем месте, не подхожу к роли, которую мне дали. Не подхожу, но молчу.

Те, которые поселены на моей квартире, для меня остаются совсем посторонними людьми, между нами нет сотоварищеского сближения. Да это было бы чудом: ведь нас соединила чужая воля, не считаясь ни с индивидуальностью, ни с характером и вкусами каждого из нас. Были врозь — остались врозь.

Множество разного люда ходило к нам; случалось, в день бывало до 30 посещений. Тут был непомерно длинный и, как скелет, худой Армфельд; был молчаливый чудака, над которым добродушно и одно-

образно все подсмеивались и которого за весьма длинную бороду звали Бородай. Ежедневным посетителем был мой заграничный приятель Н. Саблин, бывший чайковец, выпущенный тогда на поруки; заходили молодые люди из числа учащихся и т. д... А на софе в моей комнате по целым дням лежал с книгой в руке рабочий, Василий Грязнов, из тех фабричных, которых распропагандировали «Москвичи». Вся эта молодежь приходила частью по делу, но больше для обмена впечатлениями: посидеть, поболтать. Квартира, несмотря на конспиративную канцелярию, была в полном смысле «Толкучкой», как у нас звали квартиры с дверями, открытыми для всех.

В то время в Москве и вблизи нее жили некоторые лавристы, с которыми я скоро познакомилась и сблизилась. Это были Александр Сергеевич Бутурлин, Таксис, нелегальный, разыскиваемый полицией и известный в публике под именем Антона, земский врач Гинзбург и бывший судебный следователь Кулябно-Корецкий, которого, как и Гинзбурга, я знала еще по Цюриху. Все они были людьми выработанными, образованными и стояли особняком поодаль от тех, кто группировался около Шатиловой и посещал нашу квартиру.

Семейный дом Бутурлина, жившего на широкую ногу, на Пречистенке, был естественным местом встреч с этими лицами, так как Антон постоянно бывал там, а Гинзбург останавливался, приезжая из уезда. Часто бывая в семье Бутурлиных, я особенно подружилась с Таксисом, революционером-профессионалом, очень деятельным и живым, и общительным. Он был опытным пропагандистом, и некоторые взгляды его на революционную деятельность имели влияние на меня. Случалось, долгие вечера мы проводили вдвоем, прохаживаясь по нейтральной комнате моей квартиры. Ему я говорила откровенно об обстоятельствах, смущавших меня в той обстановке, в которой я очутилась по приезде из-за границы. Разве к'этому я готовилась, изучая медицину? Где же революционная деятельность *среди народа*? Где работа в деревне, к которой в мыслях я стремилась все эти годы? Где социализм, пропаганда и революция? Ничего подобного я не вижу, и весь народ заключается для меня в рабочем Василии, который весь день лежит на диване... Ему поручено заводить связи на фабриках и заводах, и он говорит, что ищет работы. Вставая от поры до времени со своего ложа, он закрывает книгу, уходит часа на два, и, возвращаясь, чтоб поесть, заявляет, что работы не нашел, ни один завод не принимает... Впрочем, Шатилова познакомил меня еще с ткачем Яковом, распропагандированным «Москвичами» и с которым теперь все мы ведаемся. Это был мужичек себе на уме: уверял нас, что для сношений с рабочими нужна своя квартира, и он может устроить ее, для чего необходимо выписать из деревни его семью. Деньги были сейчас же ассигнованы, как на квартиру и ее оборудование, так и на переселение семьи и содержание ее вместе с Яковом, который тоже уже давно оставил фабрику. На него мы смотрели, как на главную опору в деле заведения новых знакомств в рабочей среде. Действительно,

однажды он привлек к этому и меня с Шатиловой, объявив, что познакомит с двумя отличными парнями, если мы отправимся с ним куда-то далеко в трактир. Мы обрадовались и в назначенный час Шатилова в роскошной лисьей ротонде, а я в парижской кофточке повязали головы платочком и отправились на это свиданье.

Опять трактир, только грязнее того, где я видалась с телеграфистом. и несуразное соединение наших двух фигур с тремя крестьянами. Мы решительно не знали, о чем говорить с нашими молодыми знакомцами. Как подступиться к ним? С чего начать? Стоит ли говорить, что из свидания ровно ничего не вышло, кроме общей неловкости, и оно уже больше не повторялось.

Я говорила Таксису, как скучно сидеть за шифрованной корреспонденцией, которая, как мне кажется, только запутывает положение заключенных, и как было бы тяжело попасть в тюрьму, даже не побывав в деревне, не посмотрев, что такое тот народ, о котором столько говорилось в Швейцарии и служить которому я искренно хотела. А между тем я чувствую, если не оставить Москву, дело придет именно к этому. Но я связана по рукам и ногам и не могу сделать этого, так как я оказалась маленьким колесиком в механизме; кругом все колеса вертятся и захватывают меня в общее движение. Я не могу выпрыгнуть из создавшегося положения — я маленькое звено в цепи, и своим уходом боюсь порвать ее, нарушив весь ход машины... Таксис испытал мое настроение, сочувствовал ему и побуждал оставить то, что я теперь делаю, чтобы прямым путем идти к давнишней цели. С братской участливостью он помогал мне раз'яснить себе все стороны моего тогдашнего положения и прекратить колебания. Вместе с тем, зная условия русской жизни и трезво относясь к революционной деятельности, он всеми силами старался рассеять романтизм, который был навеян на меня чтением и личными встречами. Он говорил, что я не должна ждать громких подвигов и блестящих дел в деревне; что жизнь в ней гораздо проще и невзрачнее, чем рисует воображение; что задача революционера — задача трудная, работа в народе — работа медленная, и к цели придется идти путем непрерывных усилий, испытывая множество неудач и разочарований, потому что в народе мало сознания и почти нет бунтовского духа... Поэтому, я должна внутренне подготовить себя к упорному тяжелому труду и в *непрерывности своих усилий* находить удовлетворение: каждое мое слово, каждое действие будут казаться малозначущими, быть может, даже ничтожными, но в сумме общей работы результат будет несомненный.

Эти идеи Таксис не устал внушать мне, и его взгляды много способствовали выработке моего общего отношения к жизни и деятельности.

Трудно было решиться на объяснение с Шатиловой: мне казалось, что, покидая ту работу, которую она поручила мне, я изменяю ей и налагаю на нее новые хлопоты и заботы. Но все же я решилась и

сказала, что хочу уехать в какой-нибудь губернский город, чтобы сдать экзамен по медицине, и затем устроиться в деревне.

Случайное обстоятельство облегчило мой отъезд: мы были явно накануне краха. Моя квартира, на которой двое проживали без прописки и куда ходило множество людей, сделалась, наконец, предметом внимания и болтливости жителей тихого Сивцева Вражка. Однажды приходит Саблин и рассказывает, что его брат, бывший, как оказалось, женихом умершей дочери хозяйки дома и потому иногда посещавший ее, передает, что хозяйка обеспокоена, и советовалась с ним, как ей быть? Она замечает, что во флигеле делается что-то подозрительно — ей и дворник об этом говорил. Того и гляди нагрянет полиция. Что же ей делать: доносить в полицию или предупредить нас?..

Так случайно Саблин принес нам предупреждение, и квартиру пришлось ликвидировать, но только уж по моему желанию, но не в силу необходимости. Цокающую кухарку отпустили не без сожаления с ее стороны; кавказцы выбрались, и существование «Толкучки» на Сивцевом Вражке прекратилось.

Я переехала в какие-то номера (они назывались Ляпинкой), чтоб сделать необходимые шаги к сдаче экзамена.

Трудно поверить, что я, заграничная медичка 4-го курса, должна была скрывать это и прибегнуть ко лжи, чтоб быть допущенной к экзамену на фельдшерицу. Куда я ни обращалась со своими университетскими свидетельствами о посещении лекций — всюду встречала холодный и сухой прием. Всюду мне отказывали; нигде не хотели допустить к экзамену на основании этих заграничных документов. Учиться за границей считалось делом неблагонамеренным: самый факт пребывания за границей набрасывал на человека подозрение. В Петербурге особенно сурово приняла меня графиня Гейден, стоявшая во главе школы фельдшерниц при Георгиевской Общине сестер милосердия.

Сведущие люди надумали меня взять у какого-нибудь врача удостоверение, что я проходила *под его руководством* курс фельдшерских наук в течение 2 — 3 лет и представить этот документ в Губернскую Врачебную Управу, где-нибудь в провинции, просить о допущении меня к экзамену на фельдшерицу.

Делать было нечего: приходилось скрывать, что я была за границей студенткой и добывать у врача фиктивное свидетельство — без этого все двери были бы закрыты, и моя медицинская карьера кончена.

А. С. Бутурлин достал мне от московского врача Глаголева нужное свидетельство, а бывшая цюрихская студентка — Ширмер направила меня в Ярославль с письмом к ее родственнику, доктору Пирожкову. Он заведывал в Ярославле Родильным Домом, был знаком со всем городом и должен был устроить все дальнейшее.

Пирожков и его жена оказались добрейшими людьми и встретили меня с величайшим радушием. Доктор тотчас указал, где я могу найти комнату со столом; нашел гимназиста, с которым я могла повторить

латинскую грамматику: поехал в губернскую земскую больницу и получил для меня разрешение посещать вместе с врачами все палаты. Я тотчас приступила к посещению этой больницы, обходила с врачами отделение внутренних болезней и присутствовала при операциях, которые делал главный врач. Последний доставил мне много неприятных минут, потому, что был неискусен и после знаменитого бернского профессора Кохера на *его* операции было больно смотреть. Каждый раз он горячился и своей суетливостью приводил в нервное состояние весь медицинский и служебный персонал. То не хватало одного инструмента, то недоставало другого: все бросались в разные стороны, происходил беспорядок, а больной лежал в тревожном ожидании. Глазные операции делались грубо, и когда этот хирург при крадетомии неумело тащил пинцетом радужную оболочку, по моему лицу невольно пробегала судорога, и я вспоминала бернского окулиста, проф. Дора, который, хотя был груб в обращении с больными, но оперировал изящно. После университетских клиник Ярославская больница в медицинском отношении ровно ничего не давала мне, но для экзамена было необходимо свидетельство, что я некоторое время состояла при ней.

Месяца через полтора или два этот экзамен состоялся в комиссии врачей, назначенных Врачебной Управой, и я без труда сдала его: экзаменаторы громко выражали удивление, что я отвечала «как студент». «И неудивительно», думала я про себя.

Так получила я аттестат, свидетельствовавший, что я блестящим образом выдержала экзамен.

Добрейший доктор Пирожков, зная, что в Берне, в университете я уже прошла курс акушерства, выдал мне удостоверение, что я прослушала этот курс в Ярославле, в акушерской школе, которою он заведовал. С этим документом я могла сдать экзамен в Петербурге у проф. Горвица и получила соответствующий диплом из Военно-Медицинской Академии.

Перед отъездом доктор Пирожков печально сел за фортепиано и с большим подъемом весь вечер играл сентиментальные романсы и ноктюрны, выражая свою грусть по отъезжающей...

Во время моего пребывания в Ярославле случился эпизод, довольно характерный для того времени. Однажды, вернувшись из больницы, я неожиданно нашла в своей комнате на кушетке Бетю Каминскую, которой я не встречала со времени нашей разлуки в Берне.

— Бетя! Ты ли это? Откуда? — спрашивала я в изумлении, зная, что после того, как вследствие психоза ее выпустили из тюрьмы под залог к отцу, она жила у него на юге России.

— Я приехала к тебе, — спокойно отвечала она, чтоб от тебя пойти в народ...

— Как в народ? Что ты выдумываешь? — спрашивала я.

Казалось, Каминская нисколько не изменилась за те полтора — два года, в которые я не видала ее: все та же маленькая хрупкая фигурка,

нежный румянец на щеках и коротко остриженные каштановые кудри... И большие, серые глаза, с первого взгляда, казались теми же. Можно было подумать, что душевно она здорова теперь. Но это была только видимость и, как только мы разговорились, я тотчас узнала картину тихой меланхолии, которую я видела в психиатрической клинике в Берне.

Не прошло и получаса, как, сидя за самоваром, Бетя стала излагать целую теорию, которая, повидимому, была ее *idée fixe*. Она говорила, что *цель* жизни социалиста — гибель и только путем этой гибели *возможна* и всего лучше совершается пропаганда социалистического учения. Что такое все эти разговоры с рабочими на революционные социалистические темы? Какое значение могут иметь все наши беседы, толкования и объяснения? Это совершенно ничто. Какой смысл может иметь привлечение одной — двух единиц к партии? Ровно никакого. Другое дело — гибель... Стоит на фабрике или заводе произойти какому-нибудь аресту — сенсация идет по всему заведению; тысячи рабочих узнают о факте, и сейчас же спрашивают: за что арестовали? Что за человек арестованный? За какие речи, за какие книги он взят? Начинаются разговоры, расспросы; рождается интерес в умах сотен и тысяч рабочих...

Сколько я ни спорила, доказывая нелепость этих пессимистических рассуждений, Бетя стояла на своем и ничего не хотела слушать. Тщетно я указывала, что арест, «изъятие из обращения» есть только печальное последствие отсутствия свободы пропаганды в России и никоим образом не цель, не может быть целью активного социалиста. Бетя оставалась непоколебима, и всякий спор был бесплоден.

— Помоги мне завтра же купить крестьянскую одежду и сапоги, потому что после завтра я направляюсь в путь по деревням.

— Подумай, Бетя, ведь это — безумие. Ты такая слабенькая, одинокая, куда ты пойдешь. Ведь, ты не знаешь ни местности, ни расстояний между селами. Ты можешь заблудиться, попасть в какой-нибудь лес или запоздаешь в пути и останешься в нем, ночью, одна, вдали от всякого жилья... Что тогда будет с тобой? Ведь — ты женщина. Если бы ты еще была мужчиной, у тебя была бы физическая сила — ты могла бы обороняться. Представь себе, что какие-нибудь прохожие пристанут к тебе; как ты избежишь возможных оскорблений? Нет! Я ни за что не пущу тебя. Выбери что-нибудь более подходящее. Мало ли положений, в которых ты можешь осуществлять свои идеи.

Нет. Она пойдет, непременно пойдет: оденется крестьянкой и пойдет...

Куда?.. Куда глаза глядят.

С беспокойством я стала наблюдать за гостьей. Вечером наговорившись, мы сидели за столом с лампой: пред обоими лежали книги. В то время, как я понемногу погрузилась в чтение, я внезапно заметила, что рядом совсем не слышать шелеста перелистываемых страниц. Я подняла голову: перед Бетей лежала раскрытая книга, но над ней Бетя сидела неподвижно, в глубокой задумчивости, с глазами, устремленными куда-то

вдаль. Было видно, что она забыла обо всем окружающем и в ее задумчивости было что-то такое тихое и скорбное, что я боялась пошевелиться и нарушить ее раздумье. Невольно мои глаза вновь опустились на лежавшие передо мной страницы.

На утро Бетя потребовала, чтоб я пошла с ней на базар. Мы купили ситцевую юбку, кофту и пестрый платок на голову. С сапогами вышло затруднение: нельзя было найти мужские сапоги на ее маленькую ножку. Мы обошли лавки и стали спрашивать сапожки для мальчика. Тут нашлась подходящая пара, и со всей этой добычей мы вернулись домой.

Весь остальной день Бетя наводила на меня тоску: она не могла ни читать, ни вообще чем-нибудь заняться. Целыми часами разостлав на полу плед, она лежала или, перекинувшись через подоконник открытого окна, смотрела вдаль на небеса.

Так прошел день, а на утро Бетя заторопилась.

— Неловко уходить от тебя переодетой в иное платье. Я выйду в том, в каком приехала, и переоденусь, когда буду за городом, в поле, а свое платье свяжу в узелок, — говорила Бетя.

Бедное дитя простилося со мной и исчезло.

Все обстоятельства этой неожиданной встречи так взволновали и расстроили меня, что я не могла заниматься. Я пошла на вокзал и взяла билет в Москву к Шатиловой, которая дала Бети мой Ярославский адрес. Среди московских знакомых я надеялась рассеять то удручающее впечатление, которое произвела Каминская.

Через два дня я вернулась, и каково же было мое изумление: в моей комнате на подоконнике сидела Бетя. Сразу я не могла сообразить, что такое случилось. А Бетя рассказала, что в первый же день она сбилась с дороги, зашла неведомо куда и провела весеннюю сырую ночь на земле в поле... Потом она встретила реку, не знает — какую... и пошла вдоль ее берегов.

— Я не знала, иду ли вниз или вверх по течению, — наивно призналась она. — А как, в самом деле, Верочка, узнать, в каком направлении река течет?

— Какая ты смешная! — сказала я. — Взяла бы щепку, да и бросила в воду: куда щепка поплыла, в той стороне и было бы устье реки.

Когда Бетя подошла к реке, то вместо того, чтобы идти против течения и удаляться от Ярославля, она пошла в обратном направлении, и это привело ее обратно в город.

Ее детская затея на этом кончилась. Должно быть, жуть, охватившая ее ночью, проведенной в поле, показала ей невозможность подобных путешествий. Через 2 — 3 дня, которые она провела у меня в той же грустной задумчивости и неподвижности, когда все внимание человека обращено внутрь себя, а окружающее, как будто, не существует, Каминская простилася со мной, и с тех пор, до ее самоубийства, я уже не видала ее...

Покончив с экзаменами и заручившись аттестатами, которые давали мне возможность служить в земстве, я отправилась в Казань для развода с мужем.

В это время я ездила в Тетюшский уезд на свою родину в имение родителей, где одиноко стоял наш старый барский дом. Вся семья наша была в то время вразброде, и усадьба стояла в полном запустении. Я была в последний раз в этих местах и не подозревала, что вернусь, лишь выйдя из Шлиссельбурга. Я посетила дядю Куприянова: он был ласков ко-прежнему и ничем не выразил своего мнения о моем возвращении без получения докторского звания. Видалась я и с тетей Головня и ее мужем, которых я всегда любила, и жизнь которых несколько лет назад производила на меня такое впечатление. Тут на первых порах случилась маленькая сцена, над которой нельзя не рассмеяться.

Пришла к тете баба продавать курицу и просила за нее 20 копеек. Тетя Лиза торговалась и давала 15... Благополучно кончив торг, она вошла в соседнюю комнату и застала меня в слезах.

— Что с тобой? Почему ты плачешь? — с удивлением спрашивает она.

А я, бросившись к ней на шею и пряча лицо, обильно орошенное слезами, с трудом выговариваю:

— Милая тетя! Я не могу слышать этого: разве можно торговаться с женщиной из-за 5 копеек?!.. — и я начала толковать тете о социализме, об эксплуатации и бедственном положении народа... Должно быть я была красноречива, потому что тронутая тетя сказала с чувством: «А знаешь, Верочка, ты хорошо бы сделала, если бы об'ехала всех помещиков да всем и говорила о том, о чем теперь мне рассказываешь...»

Вера Фигнер.

Памяти Г. А. Лопатина.

Литература о Г. А. Лопатине очень невелика. Недавно вышедшая книга «Г. А. Лопатин. (1845—1918). Ист.-рев. библиогр. Петр. 1922 г.» содержит в себе ряд материалов о нем и его собственные произведения. Печатаемые нами воспоминания о Г. А. рисуют его с той стороны, которая наименее освещена в литературе: они изображают его, как человека. — Ред.

Я познакомилась с Германом Александровичем весной 1884 года. Знакомство наше состоялось благодаря Г. И. Успенскому. Он направил Лопатина к писательнице Ек. Ст. Некрасовой, нашей общей знакомой, от которой я получила приглашение приехать к ней провести вечер.

Час назначен был ранний.

Жили мы в то время на разных концах города, я — на Молчановке, она на 3-ей Мещанской, но расстояния, несмотря на отсутствие трамвая, не смущали тогда. Извозчики были дешевые, и ранним майским вечером часов около семи я уже под'езжала к серому домику с зеленым двором и небольшим, густо разросшимся садом.

Мне сказали, что барышни и гости в саду.

Уже со двора были слышны оживленные голоса. Я застала всех разместившимися на скамейках вокруг стола под кустами акации и сирени. Общество оказалось знакомое. Представить мне пришлось только одного Григория Александровича Толмачева.

На встречу мне из-под акации поднялся белокурый человек в очках, среднего роста, широкоплечий и крепко сложенный. В записке Екатерина Степановна ни словом не упоминала о нем, и, пожав его руку, я готова была забыть о нем и заняться другими, но это оказалось невозможным.

Появление мое перебило разговор; он тотчас же возобновился, и с этой первой и до последней минуты вечера им владел Толмачев. Хозяйка и остальные гости давали только реплики.

Описания путешествий, рассказы об интересных встречах, о свиданиях с самыми разнообразными и интересными людьми следовали одни за другими. И кого только ни знал среди писателей и политических деятелей этот, никому из нас неизвестный, человек! Целый фейерверк знаменитых имен: Гарibaldi, Мадзини, Маркс, Энгельс, Бакунин, Лавров, Тургенев...

Рассказы были необыкновенные, художественные. Он точно по книге

читал, но это было лучше книги, как бывает лучше консервов и сухих плодов сочный и свежий, ароматный плод. Рассказы сопровождались художественными отступлениями, остроумными замечаниями, то добродушной, то насмешливой, тонкой улыбкой.

Не было никакого сомнения: перед нами был настоящий талант рассказчика, какого ни раньше, ни впоследствии мне лично не приходилось уже встретить в жизни.

Но кто же он? Кто был он сам — таинственный импровизатор? Как могло быть, чтобы такого интересного человека не знали и даже не слышали его имени в известном образованном Московском кругу?

Вечер прошел незаметно. Несмотря на хорошую погоду, рано перебрались в комнаты. На этом настояла осторожная старшая сестра хозяйки. Всем была понятна причина осторожности, и никто не возражал.

К концу вечера приехал за мной профессор А. Н. Махлаков. Было уже поздно, он просидел недолго, но тоже не мог не оценить рассказчика и дорогой в карете стал меня расспрашивать о нем.

Я высказала предположение, на которое меня навели разговоры à part о том, что это мог быть кто-нибудь из нелегальных, скрывающихся под чужим именем. Нельзя было представить себе, чтобы о таком человеке раньше ничего не слышали в Москве.

Спутник мой встревожился и выразил неудовольствие.

— Если это так, то следовало предупредить вас об этом. Кто же знает, может быть, за ним следят. Еще попадете в какую-нибудь историю.

В то время со смертью матери распалась наша семья. Я жила уже одна самостоятельно в меблированных комнатах. Алексей Николаевич знал меня с детства. Он часто бывал у меня и на другой же день встретился у меня с Толмачевым.

Прощаясь накануне, я пригласила его к себе, но я никак не ожидала, что он так скоро воспользуется приглашением.

С тех пор мы стали видеться часто, почти каждый день.

Толмачев говорил мне, что Глеб Иванович направил его ко мне, потому что знал, что ему у меня будет хорошо и он будет отдыхать... Отдыхать от чего? Я не знала и не решалась расспрашивать.

Я скоро увидалась с Е. С. Некрасовой и узнала от нее, что предположения мои были верны: имя Толмачев было вымышленное, но и подлинное — Герман Лопатин было также неизвестно мне вследствие моей отдаленности от революционных кругов. Мне сказали, что это был тот самый Лопатин, который ездил в Сибирь освобождать Чернышевского, а это имя было уже близко и дорого мне, как имя автора „Что делать“? Роман этот в свое время произвел на меня самое сильное, потрясающее впечатление.

С тех пор меня интересовала судьба Чернышевского, я возмущалась за него и помню, горько плакала, когда живя за границей, прочла в каком-то подпольном издании о том, что Чернышевский был подвергнут телесному наказанию. По счастью это оказалось неправдой.

Рассказ о том, как он ездил в Сибирь и делал попытку устроить

побег Чернышевского был единственный, который по моей просьбе рассказывал мне Толмачев из своей революционной деятельности. План был смелый, все шло удачно и сорвалось в последнюю минуту из-за какой-то неправильной подписи на одной из бумаг. Со времени неудачной попытки над Чернышевским усилили надзор, а Григорий Александрович поплатился заключением в тюрьме, из которой бежал в тайгу, а оттуда за границу.¹⁾

Несколько лет он жил попеременно в Париже, Лондоне, в Швейцарии. К этому времени и относятся главным образом его встречи с выдающимися деятелями всех стран. Он переводил „Капитал“ Маркса и не переставал мечтать о России. Ему не доставало по его словам русского воздуха и русского языка, русских впечатлений, русских женщин. В 1884 году комитет партии Народной Воли дал ему важное поручение и он поехал с чужим паспортом.

В чем заключалось это поручение, он мне не сказал и я не спрашивала.²⁾ Он продолжал бывать у меня часто, мы просиживали до двенадцати часов, до часу ночи и говорили обо всем кроме революции и политики. Я всегда была далека от них, но все же это казалось мне странным. Я видела, как он приходил озабоченный, с измученным, усталым лицом и решила наконец спросить:

— Григорий Александрович, почему вы никогда не говорите со мною о делах, о революции?

Он улыбнулся своей привлекательной, доброй улыбкой.

— Потому что я думаю, что этого не нужно делать. Революция к вам не идет. Нет, пожалуйста, пусть все останется так, как есть. Каждый человек должен же иметь отдых. Иначе у него не хватит сил для дела. Вы обещали прочитать мне ваши письма. Прочтите.

Это были напечатанные в Вестнике Европы „Крымские письма“. Они имели успех, нравились многим из знакомых, среди них Сеченову, и совсем не понравились Тургеневу. Он написал мне по поводу них целое письмо, самое замечательное из всех, полученных мною от него. Григорию Александровичу, а также и мне самой хотелось знать, на чьей стороне будет он.

Я стала читать, а он сел в угол дивана, прислонился к подушкам и закрыл глаза.

Вещица была небольшая. Одну минуту я думала, что он задремал, но когда я кончила, он открыл глаза, как всегда, яркие и пронизательные, без малейшего следа дремоты, стал хвалить и сказал, что присоединяется к Сеченову.

— Тургенев прав в одном: слишком часто повторяется французская фраза: *laissez agir les éléments*³⁾ Фраза, положим, хорошая, но все же вы слишком увлеклись ею. А вот героиня вам — удалась, и главное — не

¹⁾ См. об этом в названной выше книге гл. 5-ю: „Пребывание Г. А. Лопатина в Сибири и его неудачная попытка освободить Н. Г. Чернышевского“, а также очерк П. Л. Лаврова. Г. А. Лопатин. Изд. «Колос». Петр. 1919 г. (Ред.)

²⁾ См. «Автобиографию» Г. А. Лопатина, в выше цитиров. книге, стр. 15. (Ред.)

³⁾ Предоставьте действовать стихиям.

похожа на вас, как бывает почти всегда в женских произведениях. Женщины обыкновенно вспоминают собственный, иногда единственный пережитый в жизни роман и затем варьируют его на все лады в своих писанных романах и рассказах.

Мне была приятна похвала Григория Александровича, но я стала возражать и паходила, что в женских произведениях всего неудачнее бывают обыкновенно мужские фигуры. Авторам мужчинам удаются изображения женских характеров гораздо чаще, нежели наоборот — писательницам мужские характеры. Они бывают недовольно глубоко захвачены и часто неестественны, „печатные пряники в цилиндрах“, как говорила А. Н. Энгельгардт, известная талантливая переводчица.

Толмачев смеялся над этим сравнением, а я была счастлива возможностью говорить с ним о романах и героях и типах, о литературе вообще. Случилось так, что среди окружавших меня людей в то время не было никого, для кого литература имела бы то значение и занимала такое место в жизни, которое она имела для меня. Вспоминались мои разговоры с Тургеневым, с другими, также уже ушедшими из жизни, слышался „умолкнущий“ звук божественной Эллинской речи“ и мы говорили, говорили без конца.

Григорий Александрович владел несколькими языками, следил за литературой иностранной и по моим указаниям читал то, что успел пропустить за время отсутствия из России и что можно было достать в короткие сроки его всегда неожиданных появлений. Я очень ценила его критические отзывы. Он умел сразу схватывать основную мысль произведения и разбирал его с точки зрения разносторонне образованного человека (он окончил естественный факультет Петербургского университета), много видевшего, много читавшего и совсем не желавшего считаться с тенденциями и направлениями, господствовавшими в литературе. В то время преобладало, как известно, направление народническое. В критических статьях, в литературных обзорах и фельетонах газет и журналов деспотически царили определенные требования. Были они выполнены, и произведение признавалось хорошим, а при несоблюдении этих условий трудно было даже проникнуть в большинство печатных органов. Толмачев лично знал и высоко ценил Тургенева и сам любил красоту языка, изящество стиля, поэзию и красоту в описаниях. Я уверяла его самым серьезным образом, что он не понял своего призвания и в роли критика мог бы оказать большие услуги русской литературе. Но все это было на словах. Писать у него не было времени. Он являлся на несколько дней и затем исчезал на неделю и никогда не мог назначить времени своего возвращения.

Когда ему случалось встречаться у меня с кем-нибудь из моих знакомых, он бывал обыкновенно недоволен и говорил, что предпочитает диалог. После нескольких неудачных попыток стала предпочитать это и я сама.

Мне хотелось сблизить его кое с кем из моих друзей, главным образом с А. Н. Маклаковым, заставить их обоих рассмотреть и оценить друг

друга. С этой целью была предпринята загородная прогулка. Мы поехали втроем ранним вечером в Петровскую Академию, можно было гулять спокойно и не торопиться, но, как известно, *три* плохое число. Ничего из этой прогулки не вышло, и я поняла, что бесполезно настаивать.

В скором времени мне пришлось провести с Григорием Александровичем еще один вечер в той же Академии, но на этот раз уже в большом обществе. Было это в доме профессора политической экономии И. И. Иванюкова. Мы оба получили приглашение, и Толмачев вызвался сопровождать меня.

Я была разумеется очень довольна возможностью ехать не одной, но Алексей Николаевич решительно восстал против этой поездки.

— Ехать так далеко в открытом экипаже! Неизвестно, кого придется там встретить...

Он не был знаком с Иванюковыми и предлагал отвезти меня сам, а вечером прислать за мной лошадей, но я отказалась наотрез.

— Вы так опасаетесь, как будто я ехала на конспиративное заседание в нелегальную квартиру. Вы забываете, что это мирный профессор. Квартира у него казенная и общество будет, наверное, самое лояльное.

— Да, но ваш спутник... Он так много говорит. Какое-нибудь неосторожное слово, его могут узнать и окажется, что вы приехали с ним вдвоем. Теперь, когда такие строгости пошли...

— Да ведь не арестуют же меня?

— А почему бы нет? Это вполне возможно.

— Ну, тогда вы приедете меня освобождать. Вы же знаете, у меня свое собственное сredo, я не революционерка.

— Хорошо, но пока это разберут, вас могут посадить, могут увести куда-нибудь.

У каждого человека есть свои пристрастия: одни любят музыку, другие — театр, спорт... Я в течение всей своей жизни любила одно: интересные разговоры. Мысль об опасности решительно не пугала меня. Просто я не думала о ней.

„Ну, арестуют и выпустят. Будет интересно в литературном отношении“.

Мы вышли вместе с Григорием Александровичем и дорогой наняли извозчика. Вечер был теплый, чудесный. На моем спутнике была темная накидка, напоминавшая плащ и мягкая, темная шляпа с большими полями.

Извозник попался плохой. Дорогой у него разладилось что-то в сбруе. Он слез с козел, стал поправлять и попросил Григория Александровича поддержать непокойную лошадь.

И сейчас, через столько лет, мне вспоминается на фоне зеленой стены молодого, саженного соснового леса по сторонам академического шоссе фигура в темном плаще, с бледным лицом из-под широких полей темной шляпы, с выражением непоколебимого самообладания на этом лице.

Он очень умело помогал извозчику. Я смотрела и представляла его себе с этим лицом где-нибудь в Сибири, в тайге...

В небольшой, уютно обставленной профессорской гостиной мы застали уже целое общество. Как и раньше, Толмачев тотчас привлек к себе общее внимание. Он был положительно в ударе в этот вечер. Рассказы, характеристики разных знаменитостей, остроумные парадоксы шли одни за другими, и опять я видела рядом с восхищением недоумение и удивление на лицах. Где мог быть раньше этот интересный человек? Как можно было до этой поры ничего не слышать о нем?

Но почти с самого начала вечера на общем фоне улыбающихся и довольных лиц я заметила одно лицо молодое и озабоченное, страдающее. Это было лицо молодой хозяйки дома — жены профессора Иванюкова.

Вначале она вместе с другими весело смеялась остроумным шуткам, потом стала задумываться, потом вызвала мужа и, наконец вызвала меня.

Что я могла сказать! Прежде всего я не видела оснований для ее тревоги: он не говорил ничего особенно резкого. Я виделась с ним каждый день, он мне очень нравился, общество его доставляло мне большое удовольствие, но я его не знала раньше, не знаю и теперь, не могу сказать, что он делает в Москве.

— Наверное он революционер, как вы думаете? Может быть устраивает заговор? Как вы не боитесь этого?

— Как видите, не боюсь. Мне кажется, он очень осторожный человек.

— Вам хорошо, вы одна, а Ивану Ивановичу не следовало рисковать и приглашать его... ради детей. Давно ли были всякие объяснения и неприятности.

Она просила меня под каким-нибудь предлогом скорее увести опасного гостя.

Я любила ее, и мне было жаль прелестную маленькую женщину, всегда такую гостеприимную и такую деликатную.

Исполнить ее желание оказалось не так легко. Все общество во главе с хозяином уговаривало, нас не торопиться. От политических деятелей разговор перешел к деятелям театральным. Завязался оживленный спор об артистах и артистических школах и направлениях, о декламации на сцене и декламации в комнате.

Одна из дам возражала Григорию Александровичу.

В подтверждение своей мысли о том, что сценическая декламация возможна и может быть удачна и в комнате, он привел рассказ, который я записала тогда же и уже воспользовалась им один раз для моего собственного рассказа „Путешественник“, помещенного в сборнике в память С. А. Юрьева, изданного в Москве в 1891 году. Я позволю себе привести его еще раз.

...„Случилось это сравнительно недавно, на одном из музыкальных сборищ там... за границей, в русской колонии. По какому случаю — справлялись ли чьи-нибудь именины, или новый год встречали, или проводжали кого-нибудь — не помню теперь в точности; но все устроилось как-то с особенной торжественностью, шумно,людно и, даже можно сказать, весело. Собрались будущие звезды и светила артистического оперного мира,

ученики и ученицы Виардо. Я водился с этим пестреньким народом. Играли, пели дуэты, трио и solo на всех языках. Аплодировали по обыкновению, кричали, требовали повторения и повторяли...

— Да, вот кто умеет веселиться! — меланхолически заметил кто-то из кружка.

— Не всегда, но бывали вечера, о которых вспоминается с удовольствием, — отозвался рассказчик и продолжал: — роль хозяев или точнее сказать — распорядителей играли по обыкновению два-три члена кружка — старожилы колонии и давнишние habitués на этого рода вечеринках. Исполняли роль с умением и толково. Каждый из присутствовавших имел случай высказать разнообразные качества своих дарований.

Среди групп, большею частью знакомых между собой, помню, бродил долгое время, повидимому, неизвестный большинству, небольшого роста невзрачный человек. С виду, типом лица он напоминал итальянца и действительно оказался им. Кто-то больше из вежливости, должно быть предложил ему продекламировать что-нибудь. Публика не слишком усердно поддерживала предложение. Большинство были русские, французы. — По итальянски? — Ну что! Не поймешь ничего.

Однако предложение было принято.

Итальянец улыбнулся в ответ. Как сейчас, вижу странную, вызывающую, как бы торжествующую улыбку. Как будто он ждал этого приглашения, ждал и был счастлив, что дождался. Он потупился на секунду и вдруг поднял голову. Затем, не сходя с места, прислонился к рояли и начал.

Я не помню теперь, чьи были стихи: Леопарди или Джустини. А может быть — и это верней — какогонибудь совсем неизвестного, маленького поэта, но с первых же слов, раздавшихся среди нестихнувшей толпы в глубине большой комнаты, все смолкло. Головы и глаза обратились в сторону говорившего.

Вещица была не велика, на мотив, часто повторяющийся в итальянских стихотворениях.

Друзья, не видавшие в продолжение нескольких лет, встречаются между собою. Обстоятельства раз'единили их. Жизненные пути разошлись в противоположные стороны. Один из них оказывается предателем и доносчиком.

„Lasciami, scellerato!“ — говорит пострадавший и невыразимое, холодное презрение слышится в тоне этих, в первый раз произносимых, слов.

На каждый куплет начинается негодующим обращением:

„Lasciami scellerato...“

Тон изменяется. Как удары кинжала падают ужасающие слова.

„Огойди от меня, презренный! Вид твой внушает мне ужас. Sei un delatore! Ты—доносчик!“

Все словно умерло вдруг в большой комнате. Слышно было чье-то взволнованное дыхание, да голос, великолепный голос декламатора звучал с каждой нотой грознее, казалось, победительнее, неотразимее... Он не боялся аффектации, — заметил рассказчик в сторону молодой женщины. —

Напротив! Никакой под'ем голоса, казалось, не в силах был достигнуть высоты охватившего его одушевления.

„Sei un delatore“

С каждым куплетом возрастает crescendo. Это sei он произносит с змеиным шипеньем. От холодного, уничтожающего презрения он переходит к негодованию, к гневу, к бешенству и, когда в последний раз прозвучала последняя, в бешеной ярости задыхающаяся нота: Sei un delatore! — в зале несколько секунд длилось тоже мертвое, гробовое молчание.

Буря рукоплесканий нарушила тишину. Женщины окружили маленького человека. Он отказался повторить или продекламировать что-нибудь еще. Но тут совершилось нечто для всех неожиданное.

Я не отводил глаз от его лица.

Гул похвал раздавался кругом, но, казалось, он не слышал их. Огромные и черные, как два угля горевшие во впадинах глаза, неподвижно устремлены были в одну точку в глубине комнаты. Там заметно было смятение.

Высокий человек, прижав шляпу локтем, пробирался посреди мгновенно образовавшейся толпы. Он шел сгорбившись, низко наклонив голову, и вдруг, как бы повинувшись неведомой силе, выпрямился на одно мгновение во весь рост и обернулся лицом.

Взоры их встретились поверх толпы.

Итальянец захохотал, рванулся вперед... Было поздно. Его удержали. Другой успел скрыться в дверях. На секунду наступила тишина. Потом поднялась суматоха. Потом...

— Ну, и что же? Что же было потом? — Проговорил, срываясь, громко на всю комнату, взволнованный женский голос.

— Потом... потом... ничего особенного. Стали чай пить.

Он выпустил из рук стул, который машинально захватил во время рассказа и провел рукой по волосам.

— А после вечера, после чаю?

— После стали прощаться, расходиться по домам.

Я воспользовалась минутой и напомнила Григорию Александровичу, что у нас плохой извозчик. Он сейчас же встал, мы не сдались на упрямство и уехали одними из первых.

Дорогой он рассказывал мне про итальянца, который умер через год при довольно исключительных обстоятельствах. Я слушала и думала о том, как много он видел и пережил. Как можно было бы это все описать, если не в рассказах и романах, то хотя бы в мемуарах.

Но он, смеясь, ответил мне, что не любил писать, да и образ жизни, который он вел, не давал ему возможности сосредоточиться. Опять пошли исчезновения на несколько дней и такие же неожиданные появления.

Среди близких мне людей кроме Маклакова был еще человек, который внимательно приглядывался к Григорию Александровичу и недоверчиво относился к нему. Это была моя названная „тетя Вера“ — В. З. Воронина — писательница, когда-то сотрудничавшая в Современнике и Искре, одна из

самых изящных и умных женщин, которых я встречала на своем веку. Она была на много лет старше меня, мы не состояли в родстве, но я звала ее тетей Верой, и с первых дней знакомства между нами установилась дружба, продолжавшаяся затем всю жизнь до самой кончины ее в моей семье.

В то время мы видались часто. Иногда засидевшись, она оставалась у меня ночевать и скоро встретилась с Григорием Александровичем. Он и она были предупреждены моими восторженными отзывами и внимательно приглядывались друг к другу, а я радовалась, чувствуя, что и с той и с другой стороны впечатление было благоприятное.

Григорий Александрович не мог не оценить ума, изящества и тонкого юмора этой уже немолодой, но полной жизни и интереса ко всему, высокообразованной женщины.

Тетя Вера вообще была скупа на похвалы.

— Очень интересный новый знакомый. Очень... Только чем же он занимается? Не служит, разумеется? Зачем он в Москве?

Сказать правду было невозможно. Это значило бы лишить Веру Захаровну, а следовательно и себя всякого спокойствия. Я сослалась на Гл. Ив. Успенского, придумала проект издания нового журнала, который они будто бы думали издавать сообща. Нужно было завязывать новые отношения, искать издателя, разумеется, богатого купца, какие водятся только в Москве.

Все это было довольно правдоподобно, когда-то она сама была близка к редакциям и знала, как много хлопот могло быть в новом деле. Я с жаром поддерживала свою выдумку, но скоро почувствовала, что тетя Вера не вполне верит тому, что я говорю. Все чаще мне приходилось встречать ее внимательный и тревожный взгляд в присутствии Григория Александровича.

Помню как-то раз они оба были у меня. Толмачев собрался уходить и не уходил, потому что вдруг пошел сильный дождь. У него не было зонта. Он запаздывал к назначенному сроку и беспокоился. Я предложила ему мой зонтик. Он взял его, вышел, видимо раскрывал его, потому что зонтик был мокрый, и через несколько минут вернулся и возвратил его мне.

В ту минуту он торопился и ничего не сказал, а потом объяснил мне, что взял зонтик в рассеянности, думая о другом, но что вообще он никогда не позволял себе брать чужих вещей из боязни, чтобы в случае обыска не навести на след.

Тетя Вера была еще более нежели я далека от революции, но она тотчас почувствовала что-то неладное и с беспокойством спрашивала несколько раз:

— Нет, зачем же было возвращаться по дождю и возвращать мокрый зонтик! Не понимаю.

И все же так велико было обаяние этого человека, его ума и всей его личности, что даже эта осторожная, недоверчивая по натуре, опытная

старая женщина поддавалась его влиянию и согласилась... на совместное путешествие на пароходе по Волге.

Толмачев давно говорил мне об этой поездке. Ему нужно было съездить в Саратов. Я уже несколько раз раньше ездила по Волге и очень любила эти путешествия на пароходе весной или ранним летом, когда река еще не обмелела. Тетя Вера была родом из Самары, где у нее был свой дом, давно уже проданный сестрами ради брата, проигравшего целое состояние на скачках. Ей хотелось повидать родные места, но она все же долго колебалась и не давала согласия.

Ехать вдвоем с Толмачевым было мне неудобно и, когда ему удалось уговорить тетю Веру, я поздравила его с победой.

— Так и знайте, это настоящая ваша большая победа и только ваша. Я не уговаривала. Я загадала: если согласится, стало быть, можно ехать. Ну, что-же, поедem!

Григорий Александрович был очень доволен. Мы обе занялись дорожными туалетами. Был назначен день выезда, но в книге судеб, очевидно, не стояло этой интересной поездки.

III.

Я сидела вечером одна за работой в своей меблированной комнате, когда послышался знакомый стук, дверь отворилась и вошел Григорий Александрович.

Он был бледен и дышал так, как будто скоро шел или поднялся по высокой лестнице, хотя лестница у нас была небольшая.

Он подошел к столу и сказал:

— Я сейчас избежал погони и даже не уверен вполне, избежал ли. Могут ворваться сюда. Можно пробыть у вас до темноты? Вы не боитесь?

— Хотите чаю?

— Нет, с чаем хлопоты. И не хотелось бы, чтобы меня видели сегодня у вас. А вот если бы вина...

Хозяйства у меня не было, обед приносили от знакомых, но по счастью нашлось вино, красный портвейн, как теперь помню. Я принесла бутылку, сыр и хлеб.

Григорий Александрович с видимым наслаждением выпил несколько маленьких рюмок; к хлебу он сперва не притронулся и только потом стал есть хлеб и сыр. Он сел в большое, мягкое кресло и не вставал с него.

Разговор обрывался несколько раз.

Мне хотелось сказать: разве нельзя было такому умному, даровитому, образованному человеку добиваться своих целей на другом поприще и другими путями? Было что-то унижительное в этой необходимости бежать, скрываться. Больно было думать об опасности, которая угрожала ему, может быть, здесь, скоро, близко, за дверями этой комнаты.

Помню, мы оба понизили голос, хотя и знали, что никто не мог

слышать нас. Комната была в угловом выступе старинного дома и стены были глухие и толстые.

Он сказал мне, что обстоятельства изменились, и ему придется ехать не на Волгу, а в Петербург.

— Скоро?

— Завтра. Сегодня не успею.

— Непременно нужно?

— Непременно.

Вечер был безлунный, но дни стояли еще длинные и светлые, и темноты пришлось подождать.

Я не зажигала лампы. В бледных сумерках лицо его казалось бледнее и старше. По счастью никто не приходил в этот вечер. В коридоре чуть слышно били часы.

Стемнело.

Он встал, прошелся по комнате и остановился передо мной.

Мы не знали, что прощаемся на долго, на двадцать лет...

Прошло несколько месяцев. Осенью того же года в газетах было напечатано, что известный революционер Герман Александрович Лопатин арестован в Петербурге на Невском. При нем найдены компрометирующие документы. Предстоял большой политический процесс. *)

Несмотря на все опасения и устрашающие предсказания, никто не трогал меня. За это время совершенно случайно я узнала, что состою под негласным надзором, но знакомство мое с Толмачевым не имело для меня никаких неприятных последствий.

Прошел год, и второй год и третий. О заключенном почти не было слухов. Он сидел в Петропавловской крепости. Доходили изредка известия о том, что он жив, и ничего больше.

Я была замужем. В моем кабинете сидел, помню, как раз однофамилец Германа Александровича председатель Московского окружного суда Михаил Николаевич Лопатин, когда с газетой в руках вошел мой муж и принес известие, что Герман Александрович приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбурге.

Как ни была я подготовлена к этому всем предшествовавшим, известие о Шлиссельбурге поразило меня и, не совладав с собой, я заплакала. Невыносимо было представлять себе этого сильного, подвижного, свободолюбивого человека запертым в четырех стенах каземата теперь уже навсегда.

— Полноте, кто может предугадать будущее! Разумеется, сейчас тяжело, но *навсегда* — никто не может с уверенностью этого сказать. В моей практике были поразительные случаи...

*) По „процессу 21-го“. См. книгу „Г. А. Лопатин“. Петр. 1922 г., автобиография Г. А., стр. 15. (Ред.).

И М. Н. стал рассказывать мне действительно интересные случаи освобождения после, казалось бы, совершенно безнадежных приговоров.

Это был замечательный человек, большого ума и кристальной душевной чистоты, один из тех первых безукоризненных деятелей судебной реформы, которые провели ее в жизнь и создали ей ее репутацию *).

Добрые слова помогли мне тогда справиться с волнением, и я вспоминала их двадцать лет спустя, когда уже не было в живых ни самого Михаила Николаевича, ни моего мужа, а Шлиссельбургский узник был жив, был на свободе и я хлопотала о возможности свидания с ним.

Я кончала курс лечения в Наугейме, где, как всегда, было много русских, между ними, редакторы „Русского Богатства“ П. Ф. Анненский и В. Г. Короленко. Не помню, который из них сообщил мне сведения о нем и дал адрес Германа Александровича. Он был освобожден еще до революции вместе с другими Шлиссельбуржцами **) и жил в Вильне у брата. Я могла на возвратном пути сделать небольшой крюк и повидаться с ним.

Мы списались заранее. Я получила письмо, написанное характерным, бисерным почерком, каким пишут с целью уместить как можно больше на самом малом пространстве. Он писал, что будет в эти дни в Вильне и будет ждать меня. Времени у меня оставалось в обрез, но на сутки я могла запоздать.

Каким я увижу его? Что сделала с ним тюрьма? Какою он найдет меня? Вопрос этот также занимал меня. Кто больше изменился: он ли в своем заточении, или я — в той сложной, полной забот и тревог, беспокойной жизни, которую пришлось мне вести за эти двадцать лет?

Я послала телеграмму, чтобы он мог встретить меня. Говорили, что Наугейм был мне на пользу, но две ночи в вагоне давали себя чувствовать и, когда поезд подходил к Вильне и я стала прикалывать шляпу, в зеркале отразилось усталое лицо с характерными признаками сердечной болезни.

„Нет, *такою* он не может меня узнать!“

Я узнала и увидала его издали. Знакомая черная шляпа (как он сумел достать ее!) и особый склад всей фигуры, как бы говорившей всегда: *j'y suis, j'y reste*, как бы готовой каждую минуту на отпор.

Я быстро повернула к нему. Он узнал и пошел мне навстречу.

Ни в первую минуту, ни дорогой в экипаже мы почти не говорили, и только в гостинице, когда внесли вещи и мы остались одни, Герман Александрович взял обе мои руки и сказал:

— Ну, покажитесь, какая вы теперь. Снимите шляпу.

Я сняла, и он разом опустил руки.

— Седай! Боже мой, давно ли?

— Давно. Мне кажется, вы уже видели меня седой.

— Да нет же, нет! Прелестнейшие были каштановые волосы, — сказал он таким забавно-обиженным тоном, как будто что-нибудь отняли у него.

*) См. о нем очерк Н. В. Давыдова во 2 № „Голоса Минувшего“ за 1917 г.

**) 28 окт. 1905 г. (Ред.).

Перемена, разумеется, была также и в нем: седина и морщины, начинавшаяся лысина, но могучая фигура была как будто та же, и держался он также прямо.

На другой день он был у меня с утра. Изъяны у обоих оказались еще резче, но мы уже не говорили о них. Было так странно, что после всего пережитого мы оба были еще живы и вот могли свободно бродить по Вильне, ходить без стеснения под руку и разговаривать... о прошлом. Будущего уже не было...

Он показывал мне Вильну и вспоминал, как бывало в прежнее время постоянно входил кто-нибудь в комнату и мешал говорить. Теперь входить было некому. Мешало сознание краткости времени. Ехать мне было необходимо, и он обещал собраться в Москву, как только справится с делами и получит разрешение на жительство в столицах.

Мы дожили и до этого. У меня была уже не одна меблированная комната, а целая квартира. Когда он в первый раз вошел в нее и оглянулся, помню, он сказал:

— Ну, здесь каждая вещь имеет свою историю.

Это было замечание наблюдательного человека. Я жила, окруженная остатками и реликвиями старой жизни, неодушевленными и немymi, дорогими по воспоминаниям свидетелями прошлого и рядом с ними сами мы казались живыми обломками старого времени, как бы чудом уцелевшими среди новизны.

Еще до второй революции он получил разрешение жить в столицах и устроился в Петрограде в доме писателей, откуда несколько раз приезжал в Москву. Останавливался он у общей знакомой В. Д. Лебедевой недалеко от меня, и мы часто видались за время его приездов.

И как раньше, я не спрашивала его о революции, так теперь, боясь сделать больно, я не решалась расспрашивать о Шлиссельбурге и довольствовалась тем, что он сам без вопросов рассказывал о своем заключении. Самым тяжелым для него было сознание того, что при аресте он мог повредить другим. На него набросились и схватили его сзади за локти. Несмотря на всю свою силу, он не мог высвободиться и уничтожить записку с именами и адресами, благодаря которым было арестовано несколько лиц. Этот сильный человек, по его собственным словам, плакал от отчаяния, когда это случилось, и видимо волновался, когда рассказывал мне через столько лет.

Жизнь в тюрьме была менее вредна для здоровья, нежели он ожидал. Заключенных каждый день выводили на воздух, пища была грубая и однообразная, но достаточная.

Шлиссельбург, по его рассказам, назывался раньше Орешек и был построен вольными Новгородцами, как крепость для защиты от врагов. Он сказал мне и продиктовал стихотворение, написанное им в заключении. Привожу его здесь.

ОРЕШЕК.

Гражданской вольности сыны,
Служа ей твердо, без измены
В защиту прав родной страны
Гроздрили встарь здесь эти стены.

Но Новгородский тот орех
Взрощенный тут на зло врагам
И больно крепкий как на грех,
Раскусывать досталось нам.

Оплот свободы в час недали
Погреб друзей народной воли.
В твердыне вольности рабы...
О ты, ирония судьбы! ¹⁾

За последние годы заключенным разрешено было читать старые журналы, и он рассказывал, как ему приятно было увидеть мое имя и прочесть в Вестнике Европы мою статью о поездке на Волгу в голодный 1892-ой год. Сам он остался верен своей нелюбви к писанию. Он не вел дневника и не оставил никаких записок о времени своего заключения.

В. Г. Короленко рассказывал мне как-то, что уже после своего освобождения Герман Александрович был на одном из четвергов в „Русском Богатстве“. Весь вечер он занимал общее внимание рассказами один другого интереснее. Среди разговора у него вырвалась жалоба на плохое состояние его дел и безденежье.

Короленко улыбнулся и заметил ему, что все зависит от него самого.

— Напишите повесть своей жизни, ну хотя бы для начала только то, что вы вот сейчас рассказывали нам здесь. Мы напечатаем в Русском Богатстве, потом сами издадите и сразу разбогатеете. Ручаюсь. Выезд собственный заведете.

Он смеялся, но не поддавался на увещания. Невзначай, мимоходом он ронял настоящие перлы художественного творчества и отказывался занести их на бумагу.

Помню поразительный рассказ его о том, как в жаркий день в степи он купал в колодце своего маленького сына. К сожалению в то время я не записала этот рассказ и боюсь испортить его теперь неумелой передачей.

Как и раньше, он обращался ко мне с просьбой, указать ему, что нужно было прочесть из пропущенного им в художественной литературе за время сидения в крепости. Помню, как я была довольна, найдя в нем полное согласие с собой в оценке одного из последних романов Шпильгагена *Фаустул*. Роман этот был написан, когда автору было уже 70 лет. Я считаю его лучшим и самым законченным из всех произведений немецкого романиста, к тому же лишенным обычной, свойственной ему растянутости. Один небольшой том французского формата и при этом необычайная красота и поэзия в описаниях, вечно новый сюжет — карьера честолюбца, обрывающаяся в последнюю минуту, когда приходится в жертву ей принести простое и глубокое чувство достойной Гетевской Гретхен бедной рыбацкой девушки Стинны.

¹⁾ Напечатано в книге „Г. А. Лопатин“, стр. 186—7 (ред.).

У меня был немецкий подлинник. Герман Александрович прочел его и очень восхищался романом. Мы долго говорили о нем и по примеру прошлого мало говорили о современном положении. С внешней стороны со времени революции жизнь его не изменилась. Он остался по прежнему в доме писателей, и голодания и острой нужды ему не пришлось испытать.

В последние годы у него сделались катаракты на обоих глазах. Несмотря на это, с уже ослабевшим зрением ему удалось съездить на Кавказ, где у него были родственники. На обратном пути, возвращаясь в Петроград, он остановился в Москве, и мы увидались еще раз.

Настроение у него было угнетенное; состояние глаз видимо беспокоило его. Больно было видеть эти такие яркие, живые, пронизательные глаза как бы потухшими, лишенными света и блеска.

Ему запрещено было утруждать глаза чтением, но на улице он передвигался еще свободно. Мы вместе подошли к остановке трамвая. Мне нужно было переходить на другую сторону, а ему—ехать куда-то далеко. Трамвай подходил и мы остановились.

Площадка была полна, но он быстрым и сильным движением схватился обеими руками за ручку и столбик вагона и через минуту исчез из глаз.

Это был последний раз, что я видела его.

Из Петрограда стали приходить известия, что зрение ухудшается. Ему пришлось поместиться в больницу, где ему дали отдельную комнату. За ним был хороший уход и оставалась надежда, что после операции зрение вернется к нему.

Но я даже не знаю, была ли сделана операция. Известия перестали приходить, связи порвались, письма не доходили.

Мне самой пришлось быть в Петрограде. Я поехала по срочному делу прямо из залы революционного суда в Кремле и должна была вернуться, не просрочив ни одного дня. У меня не было ни времени, ни сил навестить его в больнице на Петроградской стороне.

Может быть, так было лучше. Когда пришло известие о смерти ¹⁾, в моей памяти не осталось представления слепого, беспомощного старика, бывшего когда-то человеком, олицетворявшим в себе мужество, самообладание и смелость, качества ценные во все времена, отсутствие которых так трагически чувствуется в наши дни.

Л. Нелидова.

¹⁾ 26 декабря 1918 г. (Ред.).

Аристократке.

Я слышал вам льстецы сказали,
Что будто в вас влюблен и я.
Помилуйте! Какое я
Имею право — вам солгали.

Ведь я не из Парижа франт,
Замкнувший шарф свой бриллиантом,
Не камергер, не адъютант,
И не имею Анны с бантом.

Я по богатству не в цене,
Не враль известный в модном свете,
Я не гарцую на коне,
Когда вы едете в карете.

Прислуга бедная моя
Не носит пышную ливрею,
Нет — женщин вам подобных я
Любить охоты не имею!

Я. Полонский.

Данное стихотворение, переписанное рукою жены Я. П. Полонского, Жозефины Антоновны, найдено было в бумагах поэта. Оно имеет прямое отношение к одному эпизоду, рассказанному Я. П. Полонским в его воспоминаниях (см. *Голос Минувшего*, 1919; № 1—4).

Раз, „обманутый вниманием одной светской дамы“, Полонский употребил все средства, чтобы заслужить ее... дружеское расположение“. „Вероятно — рассказывает Полонский — ей показалось, что я не шутя волочусь за ней и, когда, однажды я зашел к ней после обеда, она велела мне сказать, что принять меня не может потому, что у ней гости... Как гувернер я мог бывать у ней по утрам, когда у ней нет аристократического общества... Но гувернер — и аристократы! Мой приход показался ей дерзостью... Удар для моего самолюбия был слишком чувствителен. Сердиться и бесноваться было бы глупо. Но моя нога с тех пор не была у ней“. Вместо того, чтобы „сердиться и бесноваться“, поэт, как мы видим, предпочел излить свое возмущенное чувство в стихах. По некоторым намекам можно думать, что произошел этот эпизод незадолго до первой поездки поэта за границу. Этим определяется приблизительно дата: 1856 или первая часть 1857 года.

Ив. Розанов.

Помещичий быт в Украине 40 г.г.

(Из писем В. И. Даля.)

Выдержки из помещаемых ниже писем В. И. Даля относятся к тому времени, когда он служил в удельном ведомстве под началом товарища министра уделов гр. Л. А. Перовского. Служба эта продолжалась с 1841 до 1849 года.

В 1844 г. здоровье Даля несколько расстроилось, и он поехал на лето отдыхать в „Убежище“, малороссийское имение своего близкого знакомого, писателя Е. П. Гребенки. Во время этой поездки Даль значительно пополнил запасы слов и выражений для „Толкового Словаря Живого Великорусского Языка“, над которым тогда работал уже 25-й год и который окончил еще только через 17 лет. Упомянутые письма адресованы ко второй жене В. И. Даля, Екатерине Львовне, урожденной Соколовой, оставшейся в то лето в Петербурге. Много места в этих письмах уделено тому, что больше всего интересовало Даля: замечаниям о пародном говоре, разным „окаяньям“, „дзёкаяньям“ и т. п. Не будучи предназначены для печати, письма эти не обработаны литературно. Тем не менее, в них есть немало мест, не лишенных интереса, как напр., описания быта и различных типов тогдашних малороссийских помещиков. Выпущено из них все то, что имеет лишь семейный интерес.

В заключение помещено письмо владельца „Убежища“, Е. П. Гребенки, к Екатерине Львовне Даль.

I.

21 июня 1844 г.

Сегодня, милая Катя, в 7 часов утра, прибыли мы благополучно в „Убежище“, место нашего первого назначения. Хотя на половине пути и застали нас сплошные дожди, и в Витебской, Могилевской и Черниговской губ. были дороги ужасные, но мы ехали весело, проехали 1300 верст в 6½ суток и нашли здесь желанное убежище. Ты хотела, чтобы я писал тебе что-нибудь о дороге нашей; вот:

В Псковской губ. народ ледащий, полурусский, много примеси чухонского; бедность и свинство господствуют. В Витебской встречаешь сейчас

на границе первых жидов, корчму, где покормили нас хорошим супом и телятиной, дали также пива и кофе. Тут встретили мы также обоз русского барича, который, находя, что родовое имение его не скоро проживается, отправлял из столицы в деревню между прочим целое собрание обезьян и попугаев. Это тешило толпу, которая сбегалась отовсюду глазеть на диковинку. В Витебской и Могилевской губерниях парод Литва, *дзскают*; это вялый, слабосильный, тупоумный народ, который на все отвечает последним словом твоего вопроса, и потому у них нельзя ничему (?) допытаться. Наречие неприятное, среднее между Великорусским, Малорусским и польским. На границе Черниговской наречие это ближе к Украинскому, но даже вся Черниговская губ. говорит очень дурно на природном языке своем и сбивается на белорусский. В Полтавской видим уже настоящую Украину. Я охотно стал опять болтать на этом ясном языке, где речь выходит замысловата, простодушна и очень забавна. Как ни бьешься сказать то же по русски — выходит неясность, натяжка и даже пошло и грубо.

Да, быт и жизнь народов так тесно связаны с языком их, что одного нельзя отделить от другого. Перевод по словарю годен только для школьника и не удовлетворяет ни мысль, ни чувство. Гребенка чрезвычайно хорошо, свободно и приятно говорит по украински, и я охотно вовлекаю его в шутки и разговоры с крестьянами.

.....

II.

22 июня 1844 г.

Переспав одну ночь и пробыв здесь одни сутки в доме, могу только сказать тебе, что тут просто откармливают на убой. Право я дома никогда в 3—4 дня не с'едал и не выпивал того, что вчера в один день. Весь день, ровно ни о чем не думают, как о том, „чего бы такого, например, поесть?“ Стол простой, украинский, но самый отличный, и ты знаешь, что это по моему вкусу. Считаю сама: в 7 часов парное молоко, в 8 простокваша, в 9 кофе — к которому ставят особый горшечек сливок с пенками — в 10 чай, в 11 плоды и сливки, в 12 завтрак, в час закуска, в 2 обед, в 3 кофе, в 4 варенье и лакомства, в 5 парное молоко, в 6 стакан сливок, в 7 чай (с крекделями, сухарями, булочками и пр. и с молоком); в 8 простокваша, в 9 ужин... только и остается вздохнуть свободно и уснуть от 10 до 7 утра!

.....

III.

...Только что воротились с проводов Свечки, бывшего зятя Гребенки... Так смотреть на этого человека: именье в 4000 душ со времен Гетманщины, раздробилось и расстроилось у деда и особенно в руках отца, а теперь осталось 250 душ и долги. Хозяйки нет, хозяйство расстроено и запущено, дворян огромная, остатки псарей и музыкантов, которые и теперь еще

играют марш, когда мы идем на озеро стрелять чаек, или в сад на воробьев; дом в упадке, дворни более 50 человек. Расстроив имение, отец и сыну не дал никакого образования, а будучи богатым и потомком известных в истории Малороссии Свечек, отдал сына в пехотный полк. Отец умер, а сын вышел в отставку и приехал хозяйничать; к счастью, природа была ему лучшим отцом, нежели родной отец, но всетаки того, что утнушено, вознаградить нечем. Мы поехали провожать его в субботу, переночевали, выпроводили и воротились. Там застали мы еще кой кого: отставного майора, добряка и чудака, с которым ничего нельзя сказать, как что он лепит из воску птичек; Свирского, довольно умного и приятного человека; двух братьев, приехавших из армии за наследством, замечательных лгунов и хвастунов — также по наследству, потому что покойный отец был, говорят, таков же, только он покашливал, когда врал, а эти даже не покашливают. Гребенка так хохотал, что выскакивал из комнаты, а я молчал и слушал не улыбаясь: как с мужика скосили голову долой косой, а он был верхом и ускакал, между тем как голова осталась на месте; как другого прокололи во всю длину пикой насквозь, а он притворился, что не замечает этого и продолжал петь песню, которую начал и пр. Еще был помещик Богданович, благородный, прекрасный человек, несмотря на то что горбат, всеми уважаем, всеобщий опекун и попечитель. Мы провели там, у Свечки, два дня довольно весело, хотя, конечно, такое веселье — шум, смех, рассказы, стрельба, музыка, бильярд и еда — может тешить только для перемены, на короткое время. Тут, как нарочно, в честь присутствия доктора, пасечник упал с дерева и разбился, а девочка лет 12-ти вывихнула себе локоть, который я и вправил благополучно.

Здесь *) довольно часто бывают гости, всегда по несколько дней; теперь гостит уездной дедушка, т. е. человек, которого весь уезд зовет дедушкой, лет 70-ти, и вчера еще плясал мазурку под флейту Гребенки и говорит, что ему наскучило жить одному и пора бы жениться. Дочь его лет 40, теперь только вышла замуж за какого то прапорщика, а сестра Гребенки без зазрения совести подымает его в глаза на-смех, а та нежничает и повертывает головку, как чижик. С ними приехала также Дончиха (с Дону), прехорошенькая казачка, вышедшая замуж за здешнего помещика. У нее удивительная коса в руку толщины и ниже колен.

IV.

...Хатка моя об одной комнатке с оконцами и камельком; вся раскрашена, а пол под мастикой и покрыт ковром; окна маленькие, во все стороны и притом заставлены серпянкой. Каждый день приносят по два кувшина свежих цветов.

...Прислуживает мне человек Иван, а на посылках бегают ребятишки и девчонки, которые стерегут сад. Под садом этим десятин десять. Дворо-

*) т. е. в «Убежище».

вых у Гребенки немного и все почти заняты делом. На порядочной охоте мы еще не были, рано еще, а разве в половине июля; а так постреливаем кое-что. Вчера жида приехали с товарами, — такая непомерная дрянь, что право даром брать было нечего. Я купил ножичек для мальчишки, который у меня на посылках, да кстати роздал и серьги твои, которые были причиной больших радостей. Такого щегольства не было в доме, а все только гнуться проволочные сережки с какойнибудь бусой. Кроме прачки, ключницы и кухарки, в доме нет баб; остальное досталось девченкам, коим матери и тетки очень завидовали. На селе не был я еще; оно по ту сторону сада, люди всегда в работе, паны боятся собак. Пойду как-нибудь в воскресенье. Есть здесь — без этого к сожалению не обойтись — дурак и дура, малоумные. Он погоняет волов на мельнице, а ей между прочим поручена в заведывание хатка, которую обыкновенно не называют по имени. Хатку эту дура прибирает каждый день, метет, моет, посыпает душистой травой, развешивает венки и ставит в печурки, в стене, целые пучки цветов. Раз или два в месяц она также мажет и белит свою хатку и очень довольна таким хозяйством; и должно признаться, что она очень опрятная хозяйка.

Помещиков здесь пропасть, не так, как в Оренбурге. В 10-ти—15-ти верстах есть богатые, душ по тысяче и по две, как Закревские, Вольховские, а в ближайшей окрестности, на каждых двух-трех верстах, помельче. Поэтому тут соседей множество, а также гостей и посещений и жизнь нельзя назвать одинокою.

Теперь жида портные приехали, шьют дамам платья, по 1 руб. серебром за работу, и корсеты на одесский манер, как они уверяют. Кстати: в Шклове мы хотели взять хорошего пива и спросили, есть ли белое? У жида было только черное, но он хотел вывернуться и изобрел третий, небывалый доселе сорт пива: *Красное* есть, сказал он, и мы расхохотались. Гребенка спросил также табаку Жукова, но непременно Жукова; жид сказал, что есть, побежал и принес завернутый в бумагу картуз, очень похожий на Ж., но когда весь развернули, то оказалось, что табак Семенова. Гребенка бросил табак и напустился на жида, этот же сказал таинственно: „Позвольте, ваше благородие, это все равно; Семенов — это самой любимой прикащик Жукова, он дает ему свой табак“. Каково?

V.

Из письма от 13-го июля 1844 г.

...Не помню, говорил ли я тебе, что был у отца Гудимы, который живет на знаменитой речке Слепороде, где помещиков более, чем мужиков? Старик чудак, но не без достоинства: он был 40 лет землемером и вышел так же беден, как вступил. Все отдают ему справедливость в примерно честности. Но он не может слова сказать без затейливой брани, режет всякому спроста правду в глаза и рассказывает это сам очень смешно. О семействе он не заботится, дочери выросли, как растет полынь в поле, и кажется, знают твердо одно только — то же что дочери Дьяконова, — что

они дворянки, хоть и ну пору и нечего есть. Старик под 80, но он все еще трудится и работает, межует и проч., и зарабатывает копейку. Завтра, 13-го, едем с Гребенкой к будущей его жене, но это все еще по секрету, никто не знает, ниже мать, он хочет обрадовать ее, когда все кончится.

VI.

Из письма „последнего из Украины“.

..Сегодня воротились со свадьбы...*), там познакомился со многими помещиками и между прочим был у Фроловой-Багреевой, — это единственная дочь Сперанского, этого единственного в своем роде государственного мужа. Она очень умная и приятная женщина, приняла меня чрезвычайно хорошо и даже дала мне с собою, чтобы списать в Петербурге три замечательные рукописи его. У нее в деревне устроено много хорошего; между прочим больница, где люди пользуются за 9 руб. сер. в месяц у очень умного и знающего врача. Это истинное благодеяние здешнего края, за которое все ее превозносят. Еще в деревне устроен детский приют — не такой бестолковый, как устраивают у нас в городах люди, кои желают получить крестик, а изба, куда все крестьяне, уходя на работу, могут отдавать ребятишек и вечером за ними приходят.

Это устроено по тому поводу, что свинья ноги от'ела брошенному без призора ребенку.

ПИСЬМО Е. П. ГРЕБЕНКИ.

Ах! почтеннейшая и милейшая Катерина — виноват! — Екатерина Львовна! я женюсь на прелестной девушке, поздравьте меня, еслиб Вы знали, как мне весело! моя будущая жена даже в русском письме не делает ни одной ошибки, порадуйтесь моему счастью! Кроме этого *она* добра и (но это по моему последнее) хорошенькая. — Вот Владимир Иванович просто молодец, хлопочет, услуживает, лечит, смешит, и рассуждает и убеждает — дай Бог ему здоровья. Одно худо, мы не поедем вместе, горько моей головушке, но делать нечего; впрочем не беспокойтесь, я ему даю свой тарантас, — хоть не красив, но защищающий от дождя, — и честного человека для прислуги.

До свидания, меня торопят.

Весь Ваш Е. Гребенка.

*) Е. Гребенки.

Эпизод с артисткой на казенной сцене.

ГОСПОДИНУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОСКОВСКОЙ КОНТОРЫ
ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ.

Артистки драматической труппы
Екатерины Дмитриевны Берс.

П Р О Ш Е Н И Е

Вследствие наложенного на меня вычета в размере 32 руб. за подрезанную юбку, имею честь просить назначить по сему делу расследование, причем позволяю себе изложить следующие обстоятельства дела. На генеральной репетиции пьесы „Банкрот“ помощницей г-жи Анихановой сделан был надрез в кушаке юбки, чтобы этим ее удлинить, но так как к первому спектаклю юбка не была удлинена, а только зашита, то мною был сделан надрез вновь по тому же шву. Поэтому покорнейше прошу признать возможным сложить с меня вышеупомянутый вычет.

Артистка драматической труппы

Москва, Ноября 11 дня 1903 г.

Е. Берс.

Пометка 1-я: Предлагаю Монтировочной части расследовать самым тщательным образом происшедшее с г-жей Берс и мне донести.

Н. Фон-Бооль.

Пометка 2-я: Вызвать Борохову и портниху, одевавшую Г. Берс на 12-е ноября 1905 г. к 2 час.

Повестки № № 1053 и 1054.

Этот документ из не столь давнего прошлого чрезвычайно показателен для характеристики бюрократической волокиты и формалистики казенных учреждений, где и детали костюма артистки превращались в сложную проблему. Вряд ли артистка вполне благополучно развязалась с этим делом „о надрезе ее юбки“, так как слова „мною был сделан надрез“ жирно подчеркнуты красным карандашом начальника, вероятно для доказательства акта самоуправства артистки. Документ этот из архива Большого театра в Москве.

Черты Московской жизни 60-х г.г. по письмам сибиряка.

Печатаемые ниже письма сохранились в архиве семьи Белоголовых (близкой к декабристам в их бытность в Сибири, а также к многим общественным деятелям 60-70-х г.г.; Н. А. Белоголовый, врач, оставил интересные „Воспоминания“, Спб. 1898 г., изд. 2-е). Автор их — Петр Александрович Горбунов, человек близкий к этой семье: под письмами встречается подпись „дедушка Горбунов“. В то время, к которому относятся письма, П. А. Горбунов управлял делами И. С. Трубецкого, сына декабриста С. П. Трубецкого. Из писем мы берем то, что интересно в бытовом отношении. Примечания принадлежат Редакции.

22 декабря 1866 г.

... От Каткова Москва просто с ума сошла. В ноябре он был имянин-ник, и его приехало поздравлять едва не полгорода: и дворянство, и именитое купечество и профессорство и всякое русское халуйство. На днях в мировом суде разбиралось дело знаменитого московского деятеля по будущей Бухарской и Ташкентской торговле, Хлудова, разразившего в каком то загородном трактире немцев, Трузе с женою и братиею. Вот всполошилась Москва; купечество разумеется приняло сторону своего и хотело тащить к суду „Голос“ Краевского, в котором отделали его грубые ндравы. Жаль, что суд кончился ничем, сплеховал мировой судья Бенкендорф, да свидетелей подкупили: знать не знаю, не видал, не слышал. А надо бы проучить эту толстую, огромную свинью, чтоб не буйнил по трактирам, да еще в 50 слишком лет. Мазурину, травившую собаками полицию, отстоял московской святитель Филарет. Ее присудили к трехмесячному тюремному содержанию, но царь по ходатайству этого русского Боссюета приказал ограничиться домашним арестом. Всмотревшись поближе к Москве, я вижу, что это огромный трактир и вместе Капище. Только она умеет совместить дикой, буйный разгул и самое безобразное суеверие. Трактиры, часовни и церкви па каждом шагу. Нажравшись, напившись в трактире, она идет молиться в церковь. И Богу и Мамоне служит одинаково усердно. Дворянство Московское собирается на земских с'ездах, где по верному выражению старика Свербеева, очень добросовестно и серьезно толчет воду.

Я очень рад что познакомился с этим семейством¹⁾. Люди хорошо образованные, умные, почти без сословных предрассудков, можно отнести у них душу. С старшим я особенно сошелся, мы оба западники. Алек. Викторов.²⁾ он очень любит и мы с ним часто вспоминаем его...

20 марта 1867 г.

Жизнь моя идет по старому: Оболенские³⁾, Свербеевы, покупщики, с которыми до сих пор не могу ничего уладить, скачка по Москве из угла в угол по улицам, которые завалило снегом и на которых, несмотря на всю чистку полиции и дворников, ухабы в аршин, так что после каждого выезда куда-нибудь спину ломит. Третьяго дня в первый раз, как в Москве, был с Оболенскими в театре. Давали Самозванца Островского, о котором мне прожужжали все уши и который оказался московскою балаганною пошлостью. Актеры не дурны, но только вовсе не для драмы; им играть Расплюевых, Кречинских и проч. Там они на месте, а тут им не по себе, как и самому Островскому. Москвичи, как Иркутяне, Калужане и все, как они там зовутся по имени городов Российских, находят хорошим только свое, по пословице: всякий кулик свое болото хвалит, и им ужасно досадно, если заезжий не приходит в восторг оттого, что они стараются показать ему лицом. Меня до сих пор преследуют за мое равнодушие и апатию, как они говорят. Уговаривают, приглашают даже с собой ехать смотреть то то, то другое, я все отказываюсь как потому, что все это стоит денег, которых у меня нет, так потому, что в 60 лет после разных видов, которые я видал, не их Москве дивить меня. В мое время, когда я в ней рос, общественная жизнь, конечно имела меньше простору, чем теперь, но все таки были хоть какие-нибудь литературные или умственные интересы, которые шевелили тяжелыя Московские головы, теперь кроме Каткова и Аксакова с своею „Москвою“, которая тот же блаженный „День“, размененный на мелочь, ничего нет. В Университете, где в мое время учили и учились может быть хуже, но где за то шевелились какие-нибудь мысли, теперь растопырили свои крылья клерикальные нетопыри под предводительством передовой, старой летучей мыши Баршева, ректора. Мало было свету в университетских аудиториях, они и тот стараются закрыть своими гадкими крыльями. Все лучшее, что не хочет сидеть в потемках, бежит вон. Соловьев, Бабст, Чичерин, Дмитриев и другие подают в отставку, пока они остаются только, чтоб дочитать курс. Кем их заменят ведает Аллах! Да, Москва во истину России дочь любима...

¹⁾ Меньшая дочь декабриста С. П. Трубецкого, — Зин. Сер. была замужем за старшим сыном Д. Н. Свербеева, довольно видного представителя московской общественной и умственной жизни 1820—50-х г.г. Его „Записки“ в 2-х томах изданы в 1898 г. (М., изд. дочери). Сын Свербеева был чиновником при вост. сиб. г.-губ. Н. Н. Муравьеве.

²⁾ Поджио, декабрист.

³⁾ Семья декабриста Е. П. Оболенского.

13 апреля 1867 г.

...На святую Москва ждет наследника с наследницей. В'езд будет торжественный и мне уж обещали место на Тверской, по которой они поедут. За окно платят по 50 и по 75 руб., места на улицах на подмостках стоят от 2 до 5 руб. Мне Оболенские дарят место подле их дома на Тверской, потому что платить за это ротозейство я не намерен. Да, если что вероятно, на место надо будет забираться чем свет, так я и совсем не пойду. Вечером по всем улицам и площадям будет газовая иллюминация. Балов, обедов на каждый день по несколько — Московские барыни уж заранее сходят с ума, ездят, суетятся по магазинам, по модным швеям, шляпницам, заказывать себе наряды. Оболенская, при всей своей скупости, заказала себе платьев и какую то мантилью с шлейфом в полверсты, рублей на 1000 — да изумрудный убор рублей в 700 — и все это для трех, четырех балов на которых она будет — а все жалуются что денег нет — нет верно на прихоти их всегда достанет...

7 мая 1867 г.

...Московские праздники по случаю приезда государя с молодыми ¹⁾, описание которых Вы прочтете в Московских газетах, кончились. Не смотря на скверную погоду, которая почему-то не захотела разделить восторга и радости москвичей, а все десять дней пребывания, исключая одного, проплакала, они были очень хороши. В этот же исключительный день, 1-го мая, он же и последний, в которой московское купечество угощало царя в Сокольниках, сама погода, как бы посовестилась замочить 40 т. рубл. которых стоил праздник, и выслала на небо, если не теплое, то хоть ясное солнце. Да купцы бросили 40 т. руб. на угощение обожаемого монарха, говоря газетным слогом, и поразили этим московское дворянство в самое сердце. Его бал в Собрании был хорош, но далеко не то, что праздник в Сокольниках. Это общий голос. Главным виновником и распорядителем был Турецкий табак; т. е. Бостанджи-оглы, или просто Бостанжоглы. Жена его сына, хорошенькая итальянка из Одессы, была в числе главных хозяек; и московские княгини и графини с удивлением говорят об ловкости и грациозности этой *купчихи*. Я изо всех этих радостей видел только одну иллюминацию, — и то Оболенская почти насильно потащила меня с собой в карету и потащила по городу. Два часа ползали мы, ехать было нельзя, по освещенным стогнам Москвы, и мне до того надоело это шествие шаг за шагом в рядах, что я готов был выскочить из кареты, тем больше, что ветер и дождь портили все освещение. Теперь все вошло в старую колею...

9 августа 1867 г.

...Угощала Москва Славян²⁾, и угостила на славу, закармила, запоила,

¹⁾ Цесаревич Александр Александрович с цес. Мариею Феодоровною.

²⁾ По случаю этнографической выставки в мае был устроен съезд представителей славянского мира в целях демонстрации модной идеи объединения славян под эгидой России.

и пуще всего заговорила. На одном из таких говорений, в Университете, был и я — не знаю как вынесли эту пытку бедные Славяне, из которых большинство и по русски не знает, а я не знал, как вырваться; и читали и говорили прескверно — а еще профессора.

16 ноября 1867 г.

...Поджио все в Женеве, оба сильно постарели, и А. В. в последнем письме как будто уж не надеется и воротиться в Россию. Оно пожалуй и так, ему ведь за семьдесят. На днях приехал из Сибири предпоследний из декабристов, Селенгинский Бестужев, у него умерла жена и он переселился в Россию совсем. Остался только Горбачевский.

7 марта 1868 г.

...Моя жизнь идет тихо, не смотря на страшную суету кругом. Мои молодые люди и их старые родители пробовали было увлекать меня в этот глупый водоворот, в котором крутятся сами, но я не поддался, и меня оставили в покое. Не под лета мне и не по вкусу эта пустая жизнь, которую ведет так называемой большой свет. Визиты утром, театр и гости вечером, карты, болтовня без смысла и содержания — вот и все, и над этим всем, как облако черное, висит скука. К моим прошлогодним знакомым, у которых я бываю, прибавилась Зинаида Сергеевна¹⁾. У нее я нашел толстую Сашу, в прошлом году я не видал ее, она оставалась в деревне. Смешно сказать, эта глухая толстуха сделалась такой нигилисткой, что Зинаида Сергеевна просто в отчаянии. Она ничему не верит, не ходит в церковь, не говееет никогда и на все убеждения своей богобоязненной барыни отвечает: все это вздор, З. С., пора и Вам перестать верить в это.

На днях у меня был Лапин. Он послан из Иркутска курьером к Корсакову²⁾, который и по болезни и по делам сидит в Петербурге. О Сибири Лапин не сказал ничего утешительного. Край видимо падает и как его поддержать, бог весть, и уже конечно не Корсакова нужно на это....

В Москве застой во всем, никакого движения ни политического, ни умственного, ни торгового, ни общественного. В средних губерниях страшный неурожай, все обнищали и помещики и крестьяне, и все это тяжело отзывается на Москве, центре их. Безжизненность эта только и пробуждается каким-нибудь скандальным процессом у мировых судей или в Окружном Суде.

Полтора года слишком я в России, а все не могу прижиться, все сердце не лежит особенно ни к чему и ни к кому.

27 апреля 1868 г.

...Москва ждет теперь не дожждется своего нового архипастыря³⁾; покойник Филарет до того избаловал московских барынь своим ласковым приемом и вниманием к их болтовне, что они бродят теперь точно осиро-

¹⁾ Свербеева (см. выше)

²⁾ Ген.-губ. восточн. Сибири.

³⁾ Иннокентия Амурского.

темные овцы и охают, что некому теперь успокоивать их совесть и разрешать их сомнения. Беда, если старик Иннокентий повадит их таскаться к себе за тем же, измучают они его. К. А. Свербеева¹⁾, теща Зинаиды Сергеевны, которая принадлежит к самому набожному сонму московских богомолков, просила меня на днях послать к кому-нибудь из моих иркутских знакомых письмо ее к Иннокентию, чтобы передать его, когда он поедет через Иркутск. Я было думал сначала поручить эту передачу М. В. Загоскину, но вспомнивши его монахо и пополюбие, посоветывал ей отправить это письмо к Корсакову, который по обязанности увидит нового митрополита и передаст письмо. Корсаков воротился из Петербурга почти ни с чем. Все вопросы его относительно Сибири остались неразрешенными, сунули ему в руки сто тысяч на пособия нуждающимся и голодающим, да и просили убраться во свояси, нам де, не до тебя, мы с своими Восточными и Славянскими вопросами не знаем, что делать. Да, из за этого бесконечного Восточного вопроса, мы опять едва не накликali на себя новой Восточной войны. Игнатъев, бывший в Пекине, теперешний посланник наш в Турции²⁾, был вызван в Петербург и своими убеждениями едва не увлек правительство в войну. К счастью старый Горчаков³⁾ еще сохранил на столько рассудка, что не поддался этим воинственным увлечениям, и мир пока не будет нарушен. А нечего сказать война была бы теперь очень кстати; финансы наши блистательно хороши, торговля процветает, земледелие преуспевает — одним словом, не будь дефицита миллионов в пятьдесят, не будь голода почти в половине России, не будь еженедельных несостоятельности (недавно московский купец и фабрикант хлопчатобумажный, Каулэн, лопнул на два с половиной миллиона) между купцами и дворянами — мы были бы самое цветущее государство в мире, и имели бы право завоевать хоть полсвета, чтобы сделать его причастным нашему благоденствию. Лучшее, что у нас есть теперь, это наши новые суды, но и тут полиция и административные власти стараются мешать им сколько могут. Независимость судов у них точно бельмо на глазу; поддайся главное правительство их намекам и застрашиваньям, и они завтра же пачнут портить это прекрасное учреждение. И теперь уже они пользуются всяким неизбежным промахом новых судов, чтобы пугать общество и правительство теми беспорядками и излишествами свободы, которые будто бы грозят им.

6 июня 1868 г.

В России начинается железно-дорожный *delirium frenens*⁴⁾. Все, что имеет деньги или влияние, бросается просить концессий⁵⁾. Барыши от построек огромные; взятки за хлопоты страшные. М. С. Волконский получил концессию на Борисоглебскую дорогу, и тамошнее земство предлагало ему

¹⁾ Урожд. Шербатова?

²⁾ Н. П., граф, впоследствии министр внутр. дел, сменивший Лорис-Меликова.

³⁾ Канцлер.

⁴⁾ Бушующее сумасбродство.

⁵⁾ См. об этом „Мои воспоминания“ бар. А. И. Дельвича, т. III; М. 1913 г.

за эту услугу 800.000. Он отказался; егермейстеру де совестно рассчитывать на барыши от постройки. Казна дала ему пять миллионов пособия в ссуду. Ваня ¹⁾ тоже думает хлопотать о концессии Тифлиско-Бакинской дороги, которая должна соединить Черное море с Каспийским. Он даст на это дело свои связи, у него двоюродный брат управляет канцелярией Наместника, а бывший откупщик Селезнев—деньги и залог. На днях они обращаются с просьбою к Великому Князю о его согласии и содействии. Если дело пойдет, выгоды будут большие.

27 октября 1868 г.

...Есть надежды на хороший урожай. Только помещикам из этого не много легче. Положение их, по крайней мере, в нашей местности, отчаянное. В нашем соседстве лежат два имения, из которых одно, графа Шувалова, давало до крестьянской реформы до ста тысяч дохода, а другое старой моей знакомой Бахметьевой, до трех сот тысяч. В настоящее время Бахметьева едва сводит концы с концами, а Шувалов принужден был выслать деньги из Петербурга на содержание конторы и управляющего. Управляющий этот, какой то многогрешный немец, когда становой приезжает за сбором податей, бросается на пол и катается будто в судорогах, потому что платить нечем. Становой посмотрит, посмотрит, поохает, да с тем и уедет. Так он проводил его весь прошлый год, до тех пор пока Шувалов не выслал денег из Петербурга. Иван Сергеев ²⁾ мой не в лучшем положении. До реформы имение его давало тысяч восемь чистого дохода, а теперь едва дает тысячу. Крестьяне тоже не в раю. Подати и поборы увеличились, а земля тощает год от году. Пройдет лет десять или двадцать, и в России начнется новое передвижение народов, как было до Бориса Годунова. Оно исподоволь идет уже и теперь там, где крестьяне выкупились.

¹⁾ Трубецкой.

²⁾ Трубецкой.

Из воспоминаний цензора *).

*Начальники главного управления по делам печати с 1893 по 1905 гг.
и В. С. Акидаевский.*

В начале 1893 года я перешел из канцелярии варшавского генерал-губернатора на должность младшего цензора комитета.

В это время начальником главного управления по делам печати был Е. М. Феокистов. Либеральный автор нескольких исторических работ в молодости, участник совещания по пересмотру законов о печати в начале 60-х годов, на котором он высказывался за свободу печати и недопустимость административного давления на нее, впоследствии Феокистов резко изменился. В начале царствования Александра III он был выдвинут Катковым и Островским (братом драматурга, одним из влиятельных сановников в царствование Александра III) на должность начальника главного управления по делам печати и повел упорную борьбу против либеральной и радикальной печати: при нем были закрыты «Отечественные Записки», «Дело» и несколько других влиятельных изданий и издан ряд распоряжений, направленных к подавлению печати. В начале своей деятельности он лично, вероятно, немало работал в этом направлении, но когда я перешел на службу в цензурное ведомство, Феокистов приезжал на короткое время в главное управление и мало занимался делами, предоставив вести дело правителю канцелярии главного управления, известному в летописях русской цензуры В. С. Акидаевскому.

Некоторое время спустя после своего назначения цензором я, приехав в Петербург, зашел в главное управление и явился к Феокистову. Я увидел перед собой грузного и отяжелевшего старика. Если вообще в это время Феокистов мало интересовался делом, то дела варшавского комитета, который считался в главном управлении отрезанным ломтем, находящимся всецело в распоряжении варшавского генерал-губернатора, интересовали его еще менее. Я виделся с Феокистовым раза три-четыре, и всякий раз между нами происходил разговор такого рода:

— Приехав в Петербург, счел долгом представиться вашему пр-ству.

— Садитесь. А какая у вас в Варшаве погода?

*) См. «Голос Минувш.» 1918 г. №№ I-III, IV-VI, VII-IX

— Дожди.

— Ну, вот. И из Ниццы пишут, что там дожди, а у нас в Петербурге такая прекрасная весна. Видно Петербург становится — Ниццой. а Ницца — Петербургом.

Или:

— А как здоровье вашего генерал-губернатора?

— Продолжает хворать.

— Жаль.

И затем:

— Вы по своим делам приехали?

— По своим.

— Ну, желаю успеха. До свидания.

Малоразговорчивого Феокистова летом 1896 г. сменил М. П. Соловьев, говоривший очень много, волновавшийся, стучавший кулаком по столу. Но то, что он говорил мне, тоже не касалось варшавского цензурного дела: он вспомнил свою службу в Варшаве в 60-х годах, распространялся о тогдашнем варшавском генерал-губернаторе князе Имеретинском и его жене, с которыми был знаком и т. п. Он попал в начальники главного управления по делам печати по рекомендации К. П. Победоносцева. Он имел некоторую известность, как историк искусства, был крайне неуравновешен и не чужд увлечения Бахусом. Во многих отношениях он стеснил печать еще более Феокистова, возвел в систему навязывание издателям редакторов и сотрудников, отличался придирчивостью и при своем характере был очень тяжел для своих подчиненных. Адикаевский, почтительный с ним в глаза, за глаза относился к нему с ненавистью и презрением, называя его «тот», а не «начальник» или по имени и отчеству.

Но при всей своей строгости он разрешил к постановке на сцене бывшую много лет под запретом известную трилогию гр. А. К. Толстого. Многие бюрократы были возмущены этим и говорили ему: «Как вы могли разрешить «Царя Федора Иоанновича»: ведь тут царь изображен идиотом, и вдобавок публика приводит параллель между Федором и Николаем II».

— «Не идиотом, — отвечал Соловьев, — а святым». Несмотря на все свое усердие, он недолго управлял главным управлением по делам печати. После рождения одной из дочерей *Александрой Феодоровной* в Петербургской газете «Новости» была напечатана телеграмма из Москвы: «сегодня по случаю благополучного разрешения от бремени государыни императрицы *Марии Федоровны* дочерью во всех московских церквях отслужены благодарственные молебны». Из-за этой опечатки возник шум при дворе. Говорили: «вот до чего Соловьев распустил печать». Нашлись мудрецы, предсказывавшие, что с течением времени могут появиться самозванцы, которые, ссылаясь на эту телеграмму «Новостей», будут доказывать, что они — дочери Марии Федоровны, и, пожалуй, предъявят права на престол. Соловьев был уволен и вскоре после этого, приехав

к министру внутренних дел, умер в приемной министра от припадка грудной жабы.

Его заменил кн. П. В. Шаховской. В первые месяцы царствования Александра III, когда министром внутренних дел был гр. Н. П. Игнатьев, и предполагался созыв земского собора, кн. Шаховской состоял чиновником особых поручений при гр. Игнатьеве и занимался разборкой проекта созыва земского собора. Я слышал от близких к покойному гр. Н. П. Игнатьеву лиц, что Александр III окончательно отказался от мысли созвать собор под влиянием своего друга ген. Черевина. С падением проекта о земском соборе гр. Игнатьев ушел с должности министра, его ближайшие сотрудники были раскассированы. Кн. Шаховской был назначен цензором в Москву. Здесь, насколько я знаю, он пользовался репутацией «либерального» цензора; в комитете называли его «красным». Во все время царствования Александра III князь, несмотря на свои связи, не получил движения по службе. Родственники князя передавали мне, что Николай II питал к князю личную антипатию, но при Николае II он все же продвинулся вперед и занял место сначала председателя петроградского цензурного комитета, а затем начальника главного управления по делам печати.

На этой должности он разработал несколько проектов, имевших целью облегчить положение печати, но момент для такого рода проектов был совершенно неподходящий, так как тогдашний министр внутренних дел, Сипягин меньше всего был склонен облегчить положение печати. Появление в петербургской газете «Россия» известного фельетона Амфитеатрова «Обломовы» (Романовы) вызвало увольнение кн. Шаховского, закрытие газеты и ссылку Амфитеатрова.

Покойный П. И. Бартенев читал мне несколько рукописных стихотворений кн. Шаховского на злобы дня 80-х годов. Эти, нелишенные остроумия, стихотворения задевали великих князей и министров. Из числа начальников покойного цензурного ведомства было два автора нецензурных произведений: Шаховской — политических стихотворений, а Логинов (в 70-х годах) — порнографических.

В 1905 г. кн. Шаховской примкнул к числу противников sprawy конституции Витте и был одним из главных сотрудников направленных против Витте правых листков «Виттова Пляска» и «Плювиум». Во время взрыва летом 1906 г. дачи Столыпина случайно находившийся там, кн. Шаховской был ранен и несколько дней спустя умер от заражения крови.

Преемником кн. Шаховского по должности начальника главного управления по делам печати явился бывший профессор Московского университета по энциклопедии права, Н. А. Зверев. Курс, который он читал из года в год в университете, представлял собой довольно точный перевод одного из немецких учебников энциклопедии права. Один из московских профессоров в разговоре со мной о Звереве сказал, что в бытность Зверева профессором и проректором он поражал отсутствием интереса

к науке и теоретическим вопросам. Он интересовался только хозяйственной жизнью университета. Другой профессор ядовито заметил: «Получив назначение министра народного просвещения, Боголепов взял себе в товарищи Зверева, как самого бездарного профессора, опасаясь, что более способный человек оттенит его собственную бездарность». Со своими подчиненными по цензуре Н. А. Зверев говорил тоном экзаменатора, предлагая пезамысловатые вопросы и, получая ответы на эти вопросы, наклонял голову: так и казалось, что скажет «довольно, удовлетворительно». Он был назначен Плеве для «усмирения печати», но тот разочаровался в нем. По отношению к своим подчиненным он был вполне корректен. При редкой для бывшего профессора ограниченности кругозора Зверев отличался большой практичностью и житейской ловкостью. Он получил звание сенатора, а затем, попав в государственный совет, примкнул там к правой фракции и всегда подчеркивал свою ультраправизну.

В. С. Адикаевский, игравший видную роль в течение более 25 лет в главном управлении по делам печати, начал службу мелким чиновником, своей настойчивостью и трудоспособностью постепенно выдвигался вперед и, наконец, в начале 80-х годов при Феокистове занял место правителя дел и затем стал хозяином главного управления. Он обладал выдающейся памятью; помнил всевозможные статьи закона, различные циркуляры и распоряжения, разнообразные факты из истории русской печати и цензурной практики. По отношению к большинству чиновников он был груб и резок, сплошь и рядом кричал в канцелярии, созывая всех чертей. Чиновников своей канцелярии и цензоров он терроризировал, держал, как говорится, в ежовых рукавицах. Не был он приятным собеседником и для редакторов и издателей. Но в отношении начальства он был низкопоклонен и умел быть изысканно любезным с теми, кого считал людьми со связями. Мне пришлось как-то быть свидетелем его разговора с приехавшим в главное управление М. М. Стасюлевичем, покойным редактором «Вестника Европы». У Стасюлевича были связи при дворе и в высшей бюрократии, и Адикаевский, разговаривая с ним, недурно играл роль просвещенного и любезнейшего бюрократа. Много говорили о том, что Адикаевский часто проводит ночи в «благородке» за игрой в макао, и часто некоторые литературные предприниматели или их доверенные лица вместе с ним увлекались игрой и проигрывали ему, за что эти предприниматели пользовались его поддержкой. Видя в нем ловкого дельца с репутацией счастливого игрока в карты, М. П. Соловьев и кн. Шаховской пытались устранить его из главного управления, но он пересилил их и при своей хитрости и ловкости, несмотря на все недоверие к нему взбалмошного Соловьева и довольно поверхностного кн. Шаховского, умел заставлять их делать то, что ему было нужно. Он был уволен в 1905 году при «новых веяниях», когда начальником главного управления по делам печати был назначен А. В. Бельгард.

А. Сидоров.

Провинциальные чиновники 30-х годов XIX века в оценке предводителя дворянства и губернатора.

Что представляло собой провинциальное чиновничество эпохи Николая I,—достаточно ярко обрисовано и в бессмертных творениях Гоголя и в многочисленных мемуарах, относящихся к этому времени. Однако в громадном большинстве случаев (мы имеем в виду мемуаристов той эпохи) это отзывы людей, чуждых чиновничьему миру, смотрящих на него со стороны или подчас не мало от него потерпевших. Но у нас мало таких отзывов, которые исходили бы из этой самой чиновничьей среды, а между тем и интересно и важно знать, как оценивалась провинциальная бюрократия николаевской эпохи самими ее представителями. Не менее интересно и мнение представителей «первенствующего» сословия той эпохи—дворянства. Как они оценивали ту чиновничью среду, в которой им приходилось жить и действовать и органическую часть которой они сами составляли? В этом отношении представляет интерес переписка, которая происходила в 1838 году между Костромским губернатором Приклонским и Буйским предводителем дворянства Головиным*). Должность предводителя дворянства, хотя и замещалась по выборам, в сущности ничем не отличалась от должностей по назначению, и потому в уездном предводителе дворянства мы можем видеть просто представителя провинциального чиновничества, хотя с другой стороны он выразитель мнений и чувств «благородного дворянства», что и отразилось в помещаемых нами документах.

8 марта 1838 г. губернатор Приклонский, ссылаясь на § 16 общего наказа губернаторам, секретно обратился к уездным предводителям дворянства Костромской губернии с таким письмом.

«Милостивый Госудрь Н. Н.»

С самого начала вступления моего в должность Костромского Гражданского Губернатора я прилагал особенное попечение, чтобы все сословия

*) Архив Исторического Музея в Москве, собрание Шукина. О Приклонском см. статью „Жандарм—бытописатель“ в № 1 „Голоса Минувшего“ за 1923 г.

в Губернии, Высочайше вверенной моему управлению, были ограждены законами, а чиновники, мне подведомственные, руководствовались честными правилами бескорыстия и справедливости. По обширности Костромской губернии не будучи в возможности лично иметь за ними ближайшего наблюдения, я неоднократно просил г. г. Предводителей оказывать в этом случае содействие, как особ, облеченных доверием и уважением благородного дворянства.

По сим, свойственным вам чувствам благородства и безпристрастия, я в полной уверенности, что вы, Милостивый Государь, не откажетесь ныне сообщить мне, сколь можно приблизительное, ваше мнение о поведении и образе служения чиновников N уезда, дабы до наступления в нынешнем году новых дворянских выборов, я мог иметь предварительное сведение о качествах каждого из них.

С сим вместе, к крайнему сожалению моему, обязанным считаю себя предупредить вас, что по доходящим до меня частным слухам некоторые чиновники не оправдывают сделанную им доверенность дворянством, и не всегда руководствуются строгими правилами справедливости столь необходимой при отправлении их должностей. Еще прискорбнее мне слышать, будто некоторые из членов земских судов, для удобнейшего прикрытия преступных своих действий, употребляют иногда во зло имя начальства. Столь пагубное впечатление на умы тех, которые имеют по делам своим сношение с такими чиновниками, вредит и службе, унижая во мнении общем звание начальства, и самой чести лиц, избираемых на службу первым сословием в государстве, нашим почтенным дворянством...

Уверяю вас при том, что доверенность вашу не употреблю во зло; но проверка от вас мне необходима, чтобы иметь возможность для общего блага и пользы службы, преследовать законным уже порядком виновных в злонамеренных действиях, для поступления с обнаруженным в преступлениях по всей строгости законов..."

На эту просьбу Приклонский получил от Буйского уездн. предвод. дворянства ответ, видимо, выгораживающий уездных чиновников, избираемых дворянством, и более решительный в отношении чиновников губернских, прямо назначаемых правительством; но и в том и в другом случае, при всей своей сдержанности и лаконичности, ответ получился достаточно красноречивый.

"Верноподданническая ревность к службе Его Императорского Величества и лестная для меня доверенность вашего превосходительства заставляют меня со всею искренностью и беспристрастием объяснить вам следующие замечания на счет поведения и службы Буйских чиновников, сколько по сношениям и отзывам почетнейших дворян мне известно.

На счет г. уездного судьи и секретаря уездного суда я слышал от многих неблагоприятный отзыв, но когда случалось им о том говорить, они находили всегда достаточные причины к оправданию своих поступков, посему и не можно отзывов сих считать совсем справедливыми, если же в чем можно их справедливо упрекнуть, то это в худом присмотре за нрав-

ответственностью приказных служителей, но и в том по напоминаниям моим несколько исправляются. Г. г. заседатели, хотя не имеют большой опытности и познания в делах, но исправляют должность с праводушием и усердием, особливо г. Казаринсв, который все более и более приобретает навыка и познания в гражданской службе.

Г. исправник, как все почти относятся и я сам из сношения с ним по должности, человек знающий свое дело, деятельный и праводушный, и если слышал от некоторых неприятные для него отзывы, то это единственно за его горячность и нетерпение, от чего советами моими стараюсь его удерживать. Что же касается до старшего заседателя земского суда Ивашинцева, то он иногда от излишнего употребления крепких напитков доходит до неприличного буйства; о которых его поступках доходили до меня: 1-е, о прибитии им купца Кончина, с коим он помирился, и о выбитии стекол в квартире тещи его капитан-лейтенантши Перемшиной проживающей в городе, о чем было производимо квартальным надзирателем следствие, но по немнению явных улик дело с е оставлено уездным (судом) без внимания *); впрочем о злоупотреблениях по должности об нем не слыхал, исключая медленности в делах во время его раз'ездов в округе при прежнем положении земского суда; ныне же, оставшись старшим заседателем, ведет себя хорошо и, кажется, занимается должностью.

О станowych приставах по новости их еще ничего сказать не могу.

Г-н городничий по чрезвычайной кротости характера допускает иногда в городе беспорядки, для прекращения которых нужна непременно строгая деятельность**).

Что касается до того, чтобы чиновники земского суда или другие для прикрытия своих законно-преступных (действий) употребляли имя начальства, даже и малейших намеков ни от кого не слыхал.

Об'ясняя все сие В-му превосходительству со всею откровенностью, как начальнику, неусыпно пекущемуся о водворении порядка и правосудия в Высочайше вверенной вам губернии, не могу преминуть, что мелкие губернские чиновники, приезжая в уездные города по разным поручениям, для придания себе большей важности, часто хвалятся отличным расположением и покровительством начальства, может быть, вовсе небывалым; и они-то, если делают какие злоупотребления, действительно, относят их на счет начальников, по их словам им особенно покровительствующих, и тем производят вредное впечатление как на умы уездных чиновников, слепо им верящих, так и протчих, имеющих с ними сношение“...

Марта 13 дня 1838 года.

С искренным почтением... и проч.

Григорий Головин.

Слова предводителя дворянства Головина о губернских чиновниках, видимо, задели за живое губернатора. и он 22 марта просит Головина

*) Против этого места на полях рукой Приклонского сделана приписка: «иметь его в виду при дворянских выборах».

**) На полях приписка: „При первом случае сделать ему внушение“.

„наименовать тех из губернских чиновников, кои, приезжая отсюда, по поручениям, присваивали себе тот неприличный образ действий, на который вы (т. е. Головин) делаете замечание в сем письме от 13 марта“.

Скрывать поступки губернских чиновников, назначаемых губернской администрацией, или представлять их деяния в смягченном виде, как то было сделано по отношению к уездным чиновникам, выбираемым дворянством, Головин не имел основания, и вот уж 27 марта в письме к губернатору он перечисляет „более памятные примеры“:

„1-е. Г-н Агафонов¹⁾ в бытность свою по разным поручениям в 1836 и 37 годах так застрашал городничего и членов уездного суда и обходился с ними с столь малым уважением, что больно было видеть их унижение, особливо когда они, просидев ночи в удовлетворение его за вистом, являлись в присутствии с большими головами и с заспанными глазами²⁾).

2-е. Г-н Золотов, приехав на прошедших днях в г. Буй, наделал дерзостей смиренному нашему городничему, перепугал его детей, почти вышиб двери и всех чиновников так уверил в беспредельной доверенности к нему вашего Превосходительства и в значительных местах, на которых вы обещали его определить, что заставил их искать его благорасположения; не могу утвердить, чтобы корыстолюбивые виды вмешивались в подобные поступки, но и отрицать это вовсе не можно³⁾).

Даже иногда ничтожные приказные дозволяют себе дерзости, как в 1836 году один, кажется, Казаков или Дьяков, который теперь выключен из Губернского Правления, проезжая к родным своим по уезду, брал насильно лошадей, бил сотских и совсем загонял, хвалясь своей значительностью, заседателя Ивашинцова, который к счастью его тогда был трезв⁴⁾).

Надеюсь, что откровенность моя не послужит к вреду чиновников, о которых я упоминал, ибо, верно, и другие и в других местах делают то же: где люди, там и злоупотребления“.

Отзывы Головина о чиновниках его уезда, — особенно выборных, очень сдержанны и спокойны, но тем они убедительнее и сильнее. При чтении их невольно встают перед глазами образы чиновников города N, изображенные в „Мертвых душах“, фигуры Ивана Александровича Хлестакова, Антона Антоновича Сквозника — Дмухановского и всех, иже с ними. Еще раз чувствуешь, что Гоголь писал, действительно, с натуры.

К. Сивков.

¹⁾ Это был чиновник особых поручений при губернаторе.

²⁾ Приписка на полях: „При первом удобном случае представить Г. Министру В. Д. об увольнении чиновн. Агафопова вовсе от службы, как оказавшегося не надежным к оной“, и потом еще, видимо, более поздняя приписка: „что и исполнено 11 ноября 1833 года, но мое представление не уважено Г. Министром. Оно повторил преемник мой Г. тайный советник Жуков, и Агафонов был уволен“.

³⁾ Приписка на полях: „Об Золотове справиться, кажется, производится следствие; когда кончится, то мне доложить, что окажется“.

⁴⁾ Приписка на полях: „На счет служащих в Губерн.-Правлении сказать, чтобы отнюдь их не рассылать по уездам, а по делам, ежели нужно, посылать по эстафете или сторожей со строгим подтверждением, чтобы они вели себя хорошо“.

Минувшее и пережитое.

VI.

Отголоски революционных событий *).

(Продолжение).

В Гавани о революционном движении я ничего не слышал и не помню разговоров о политике даже между братьями. Но с переездом семьи на Пески, когда мне было уже 13 — 14 лет, в моей памяти довольно отчетливо сохранились воспоминания об отдельных революционных актах и студенческих волнениях. Правда, некоторые из них, напр., бегство кн. Кропоткина, запечатлелись в моей памяти так, как об этом событии говорила толпа, но другие зафиксировались довольно правильно. Не столкнуться с этими событиями было невозможно. Многие из них захватывали весь Петербург, о них говорили в обывательских кругах. В нашей же семье они обсуждались благодаря уже тому, что мы близко соприкасались с студенческой средой. Старший брат Павел, которому в 1876 г. было 23 года, уже окончил курс в Учительском Институте и был знаком с некоторыми революционерами; его товарищи, учителя, настроены были более или менее революционно. Брат Илья был студентом Технологического Института, который в конце 70-х годов считался среди высших учебных заведений самым революционным. Сестра Вера училась на Надеждинских курсах, а Антонина слушала лекции на Еленинских акушерских курсах. У нас бывали студенты и курсистки; попадала к нам и нелегальная литература, которую и я читал.

Из революционных событий 1876/77 г.г. у меня сохранились воспоминания о попытке бегства Ковалика и Войнаральского, бегстве Кропоткина, демонстрации перед Казанским собором, покушении на Третьякова, процессе Веры Засулич и др.

Но на этих событиях останавливаться я не буду; о них не раз уже говорилось в литературе, не исключая и «Голоса Минувшего» Замечу лишь, что по поводу бегства П. А. Кропоткина мне не приходилось читать

*) См. «Голос Минувш.» № 1 за 1923 г.

версии, что из Николаевского госпиталя увезли велик. князя Константина Павловича, который будто бы был заключен Николаем I в Петропавловскую крепость. Эта версия была распространена среди лавочников, дворников и т. д.

В 1877 — 78 г. мне пришлось познакомиться с В. И. Насиловым. Конечно, в те времена не только я, но и мои братья не представляли, что В. И. Насилов является прототипом будущих социал-демократов. Он кончил или учился в каком-то германском политехникуме, и когда мы с ним познакомились, он слушал лекции в Институте Путей Сообщения. В. И. Насилов был братом сослуживца моего старшего брата и жил в том же Рождественском училище, где жили и мы. В. И. часто заходил к нам играть в шахматы. Он редко принимал участие в спорах на политические темы, а если высказывался, то неохотно. Он иронически относился к народничеству, отрицал в истории героев и героическое, о мужике он говорил полупренебрежительно, а все планы строил на рабочих. Особенно запечатлелся у меня в памяти его разговор по поводу убийства Мезенцева. Это известие первым принес я. Я был у Гостинного двора и увидел, что публика стремится на Михайловскую улицу. Я побежал туда же, а затем на Итальянскую, точнее к Михайловскому скверу. Здесь были толпы народа и мятущаяся полиция. Из разговоров я узнал, что заколот кинжалом шеф жандармов Мезенцев, и убийцы скрылись на рысаке. Я пришел домой и рассказал о событии. Насилов, игравший с братом в шахматы, стал меня расспрашивать и заметил, что подобные факты ни к чему не приведут. Брат Илья возражал Насилову, доказывая, что факты, подобные убийству Мезенцева, неизбежны в условиях русской жизни. Насилов стоял на своем, указывая, что событие, если оно не созрело, нельзя приблизить, и нельзя его отдалить, если оно назрело. Геройские выступления отдельных личностей ни к чему, а нужны реальные силы, способные произвести переворот. Насилов указывал, что в истории действуют такие же нерушимые законы, как и в области точных наук.

Позднее Насилов не раз высказывался в том же духе и утверждал, что русский мужик не способен к революции, в лучшем случае, он произведет бунт — и только. Пока не разовьется русская промышленность, пока не будет кадра рабочих, пролетариата, до тех пор возможны бунты, а не революция. Он отрицал русскую буржуазию и всех промышленников и купцов брал под скобку «кулака». Он был поклонник Карла Маркса и постоянно цитировал его. Некоторые революционные факты он называл анекдотическими, как, напр., покушение Мирского на Дренгельна.

К слову сказать, это покушение в нашем кругу приняло несколько юмористический характер. Пришел Н. С. Дренгельн и рассказывает:

— Сейчас я от дяди (шеф жандармов Дренгельн был родным дядей Н. С.). Он, как увидел меня, затопал ногами, замахал руками и кричит: «революционер, и ты с ними. Пошел вон... Нет, я сгною тебя в тюрьме».

Думал выразить дяде радость, что остался цел, а он меня выгнал. Ну, махнул я рукой и ушел.

Через несколько дней отношения между дядей и племянником восстановились, но дядя не любил ходить в семью Н. С., отец которого, брат Дрентельна, уже умер: не любил потому, что он там мог встретить студентов, которые, по мнению шефа, «все революционеры и нигилисты».

Немало тревоги причиняли нашей матери студенческие волнения, которые к концу 70-х г.г. стали все чаще и чаще повторяться. В 78 или 79 г. на общую сходку всех высших учебных заведений в Анатомическом театре Медико-Хирургической Академии явился обер-полицеймейстер Зуров, встреченный криками: «снимите каску». Зуров снял каску. Он держал речь, предложив студентам разойтись, и удалился. Но студенты не разошлись, довели сходку до конца, а когда стали расходиться, на них напали казаки и полиция и многих избили. Арестованных студентов посадили в казармы Московского полка, куда петербуржцы несли им съестное, фрукты, цветы. К этому же времени относится демонстративное шествие студентов к последнику, будущему Александру III. Студенты вышли из Медико-Хирургической Академии и дошли по Фонтанке до Аничкова моста, где их встретил градоначальник, принял петицию и обещал передать ее по назначению.

Мой брат и его товарищи относились к петиции отрицательно и вышучивали петиционеров, которые считали наследника либералом. По петиции не было никакого результата.

Революционные факты, разговоры по поводу их и споры, нелегальная литература наталкивали меня на «проклятые» вопросы. Я много читал, думал, и в моем сознании происходил переворот. Если я прежде думал стать моряком, поступить в морское училище, то теперь я стал думать о том, чтобы найти такую профессию, которая дала бы мне возможность служить народу.

VII.

Окончание городского училища. Подготовка к Учительскому Институту. Вартемяги. Финны и русские. Д-р. Н. К. Чермак и С. К. Флоровский.

В 1878 г. я окончил курс городского училища, и передо мной встал вопрос, который нужно было разрешить немедленно: держать ли экзамен в Морское Техническое Училище или через год, когда выйдут года, поступить в Учительский Институт? В первом случае нужно начать было готовиться немедленно, а во втором — лето можно было отдыхать. Уступая настояниям родных, я стал готовиться в Морское Техническое Училище и в августе поехал в Кронштадт на экзамены. Кронштадт произвел на меня впечатление сплошной казармы, скучного военного

города. Перед экзаменами мы с матерью отслужили молебен в соборе. Я указал мамаше на образ «Благословения детей» работы В. С. Крюкова. Среди детей один мальчик был написан Крюковым с меня. Мамаша осталась недовольной: «на этот образ я не могу молиться. Ну, как я буду молиться, когда ты на нем...».

Я объяснил ей, что художники пишут образа с натуры.

— Вот и Николай Чудотворец на Николаевском мосту написан со сторожа Академии Художеств.

Экзамены сошли благополучно; но на медицинском осмотре я оказался непригодным для морской службы: я спутал цвета, на зеленом поле не мог отличить красного цвета; у меня признали дальтонизм, которого ни раньше, ни позже я не замечал у себя.

Техническое училище улыбнулось, и я стал готовиться для поступления в Учительский Институт. Пришлось много заниматься. Большую часть зимы я провел в с. Вартемягах в 10 вер. от ст. Паргалова по Финляндской жел. дороге. Вартемяги — большое село, с прекрасным парком, прудами, лесом и дворцом, принадлежавшим П. Шугалову, который часто приезжал, гостил в своем дворце и устраивал пиры. Среди вартемягских крестьян многие пережили крепостное право и немало рассказывали о бывшей крепостной жизни. В общем крестьянам и тогда жилось спосно, а на рубеже 80-х годов они жили уже зажиточно. В этом селе была земская больница и резиденция врача и фельдшерицы-акушерки. Последнюю должность занимала моя сестра.

В Вартемягах я близко сошелся с земским врачом Н. К. Чермаком и его женой. Чермак был братом Л. К. Чермака, принимавшего участие в революционных делах и в 80-х гг. сосланного в Сибирь. В 90-х гг. Н. К. получил кафедру в Дерптском Университете, где вскоре и умер. Жена его переехала в Саратов и была одной из руководительниц женского движения и участвовала в организации «Лиги равноправия женщин».

Чермаки имели на меня благотворное влияние; у них была хорошая библиотека. Я много читал. В этот год я прочел Милля с примечаниями Чернышевского, I т. Лассалля, Иванюкова «Обзор явлений, вытекающих из системы свободной конкуренции и социализма», Шефле, всего Костомарова, Шера «Комедию Всемирной Истории», разные сочинения о революциях, Мордовцева и др. Чермак дал мне программу для самообразования, и я читал по ней. Читал я и I т. Карла Маркса, но он давался мне трудно, хотя я его и реферировал. Маркса я усвоил уже в Учительском Институте.

Я присутствовал при амбулаторном приеме больных крестьян, помогал в аптеке готовить лекарства. Чермак и сестра выхлопотали в земстве средства на устройство передвижной библиотеки для крестьян; я работал и в этой библиотеке, а по праздникам в училище читал вслух крестьянам популярные книги.

В Вартемягах и при разъездах сестры и Чермака по округу (я часто

(сопровождал их) я познакомился с жизнью русских и финских крестьян. И те, и другие жили, благодаря близости столицы, сносно. Избы и обстановка у финнов были лучше, чем у русских, и они были более чистоплотны.

Тяжелое впечатление на меня произвели «питомцы» Воспитательного Дома, которых было много роздано по избам русских и финских крестьян. Бедные малютки являлись доходной статьей у крестьян, хотя за них платили пустяки. Смертность между ними была ужасная. Сестра и д-р Чермак, на обязанности которых лежало наблюдение за питомцами, не раз писали в земство и в ведомство императрицы Марии проекты об улучшении быта этих «незаконнорожденных» малюток, но никаких результатов не было. Достигнув 7—10 лет, дети становились настоящими батраками у своих опекунов. Среди этих «батраков», да и среди выживших взрослых питомцев, некоторые поражали интеллигентным видом и чертами лица, говорящими об их некрестьянском или финском происхождении.

К периоду перед Институтом относится и мое «закаливание». Я спал на тонком войлоке, а ночью, когда заснут другие, старался убрать из под себя и войлок, старался спать без подушки, легко и просто одевался, ходил босиком и т. д. Перестал посещать театр в виду того, что он недоступен народу. Но это направление продолжалось недолго, и я бросил «самоистязание», как говорили братья.

К этому же периоду относится пересмотр моего религиозного мировоззрения. Все мои родные с отцовской стороны были духовные. Родной брат отца был монахом в Александро-Невской Лавре. С раннего детства я был воспитан в религиозном отношении твердо, исполнял все обряды, охотно посещал церковные службы. В Вартемягах мы бывали у местного либерального священника. Сыновья его учились в духовном училище и семинарии. На праздники приезжали семинаристы. Их свободное отношение к религии, часто даже ироническое, удивляло меня. Все они были мало религиозны, не соблюдали никаких обрядов. Такое отношение меня шокировало и, в то же время, пошатнуло твердость моих религиозных убеждений.

В 1878 г. я сблизился с С. Н. Фроловским, впоследствии мужем младшей из сестер Фигнер — Ольги, умершем в ссылке. Наши семьи были давно знакомы друг с другом; Фроловские у нас бывали еще в Гавани. Отец Фроловского был псаломщиком в церкви Конюшенного Ведомства, а потом в церкви при дворце Николая Николаевича Старшего. Сергей Фроловский учился в Петербургской Духовной Семинарии и был уже в философском или богословском классе. Сергей учился хорошо, был начитанным человеком и среди семинаристов считался философом. К религиозным вопросам он относился индифферентно, но никогда не кощунствовал, как это делали сыновья вартемягского священника. Он окончил блестяще курс семинарии и, несмотря на уговоры ректора, отказался поступить в Духовную Академию, а стал готовиться в Медико-

Хирургическую Академию. Родные Флоровского также были недовольны переменной карьеры сына и мечтали видеть в нем будущего архиерея и даже митрополита. Я спросил С. Н., что заставляет его отказаться от духовного звания? Он пространно изложил мотивы, почему он не может быть духовным.

— Я по убеждению не могу быть священником. Я не неверующий, но обряды отрицаю. Знаешь, в православии два течения; для вас мирян они не заметны, но мы, изучая богословие, догматику и др., знаем, что православие не является самодовлеющим. У него два течения — одно склоняется к протестантизму, а другое ближе подходит к католицизму. Со временем православие расколется, и одна часть ближе подойдет к протестантам, а другая к католикам. Это будет настоящий раскол — не чета Никоновскому. Я вышел из духовного звания, но если бы оставался в нем, то примкнул бы к левому, протестанскому, крылу. В наших богословских и церковных науках масса противоречий и неясностей. Вопросы о святых, как и об обрядах, для меня разрешаются отрицательно, многих мы считаем за святых, а на самом деле их жизнь совершенно не святая, да и вообще в вопросе о святых — я протестант. Я не отрицаю учения Христа, многое признаю из апостолов. Но должен оговориться, что евангельские истины высказывались за много веков до Христа, а в евангелии и посланиях есть и то, что внесено значительно позднее. Монашества не признаю, а к духовному званию не чувствую призвания. Да могу ли я быть священником, когда на душе столько сомнений? Духовенство стало нетерпимым, как только явилась государственная церковь. И с этого момента в истории церкви много мрачных страниц. Припомни борьбу с ересями, особенно в католической церкви, да и у нас в борьбе с расколом было не мало изуверства. Зная философию, я хочу изучить и естественные науки. Избираю профессию врача, потому что считаю, что врач, как и учитель, более всего необходим для народа.

Такие разговоры, жизнь монахов в Александро-Невской Лавре и многое другое заставило меня пересмотреть и передумать мою детскую, безискусственную веру. Я не стал атеистом, но моя религиозность сменилась в вопросах веры индифферентизмом; религия стала для меня не столь необходимой, как это было раньше.

В летние дни, когда в садах пачалась музыка, я почти ежедневно вечерами ходил слушать военный оркестр в Летнем Саду. Такой же оркестр играл в Таврическом саду; но мы предпочитали Летний, где собиралось много публики. Вход в сад был бесплатный. Левый угол перед оркестром, все скамьи и стулья заняты были студентами и курсистками. На эти места другая публика не претендовала, и они оказались как бы абонированными студенчеством. Здесь в левом углу было весело, отсюда неслись дружные аплодисменты; здесь же передавались разные новости, а в антрактах велись споры на общественные и литературные темы и делились впечатлениями от прочитанной книги.

журнала, особенно «Отечественных записок», выход каждого номера которых для нас, молодежи, составлял событие. Студенты комментировали Щедринские «За рубежом», «Письма к тетеньке» и др., толковали о «мальчишке в штанах» и «мальчишке без штанов», о «торжествующей свинье» и др., стараясь все связать с современностью. В этом же углу назначались деловые, конспиративные и любовные свидания. Уголок жил особенной жизнью, здесь было шумно и весело. Люди быстро знакомились между собой, завязывалась дружба, а иногда дело доходило и до женитьбы.

После 1-го марта студенческий уголок в Летнем саду уничтожился. Музыка продолжалась, она также усердно посещалась публикой. Продолжали ходить студенты и курсистки, но они не концентрировались уже в одном месте, а растворялись в общей массе публики. Причины исчезновения уголка были политического характера: в уголке появились шпионы, стали прислушиваться к разговорам, вмешиваться и провоцировать их; было несколько случаев ареста и «политических осложнений», оканчивавшихся столкновениями с «гороховыми пальто». Появилась наружная полиция в лице пристава, околоточных и городских, и уголок сам собою растаял.

Зимний сезон 78 и 79 гг. я прожил с большой пользой, много перечитал, развился, умственно вырос и хорошо подготовился к экзамену в Учительский Институт. Братья не раз меня экзаменовали и находили, что я смело могу идти на экзамен. Я и сам чувствовал, что предметы осилил, и во мне явилась уверенность; но эта уверенность при первом же посещении Учительского Института поколебалась.

И. Попов.

Дело о платкахъ с изображеніемъ высочайшихъ особъ.

„Даниловская мануфактура, по случаю предстоящаго юбилея Отечественной войны, выпустила въ продажу цѣлую серію носовыхъ платковъ съ рисунками, приуроченными къ 1812 году. Въ этой серіи, наряду съ отдѣльными эпизодами войны, имѣются, между прочимъ, и платки съ портретомъ императора Александра 1-го. Платки эти уже получили широкое распространение, они уже продаются и въ Волынской губ. и въ С.-Петербургѣ, при чемъ, ввиду ихъ дешевизны, спросъ на нихъ будетъ, несомнѣнно, весьма значителенъ. Между тѣмъ, обращеніе указанныхъ платковъ вызываетъ во многихъ случаяхъ сильный протестъ со стороны глубоко монархической по духу части населенія, а равно въ періодической прессѣ праваго направленія. Поступающія по сему поводу въ Министерство внутреннихъ дѣлъ заявленія указываютъ на крайнюю нежелательность допущенія такихъ платковъ въ продажѣ, въ особенности въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ, могущимъ использовать платки съ изображеніемъ Высочайшихъ Особъ въ цѣляхъ совершенно недопустимаго глумленія.

Въ виду сего Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министерствомъ Императорскаго Двора и Удѣловъ, признало необходимымъ воспретить на будущее время продажу всякаго рода платковъ съ изображеніемъ Высочайшихъ Особъ, внѣ зависимости отъ характера и исполненія рисунка.

За Министра Внутреннихъ Дѣлъ

Товарищъ Министра *Золотаревъ.*

У. Д. П. 30 іюня 1912 года.
№ 14701».

„Въ дополненіе къ циркулярному сообщенію от 30 іюня с. г. за № 14701 о недопущеніи продажи всякаго рода платковъ съ изображеніями особъ Императорской фамиліи, увѣдомляю Ваше Пр-во, для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій, что воспрещеніе продажи указанныхъ платковъ относится лишь къ платкамъ носовымъ, которые, имѣя специальное и вполнѣ определенное назначеніе, дѣйствительно могутъ служить поводомъ къ какому либо дерзостному по отношенію къ изображеннымъ на нихъ Высочайшимъ Особамъ дѣяніямъ.

Что же касается платковъ, картинъ и другихъ издѣлій из ткани, служащихъ въ видѣ украшеній и не подходящихъ ни по размѣру ни по ткани къ платкамъ носовымъ, то допущеніе ихъ къ продажѣ, по соглашенію съ Министерствомъ Императорскаго Двора и Удѣловъ, признается вполнѣ желательнымъ.

Равнымъ образомъ не должна быть воспрещена продажа клеенокъ, а также и посуды съ изображеніемъ портретовъ Высочайшихъ Особъ, при непремѣнномъ однако условіи: 1) чтобы къ означеннымъ клеенкамъ сверху и внизу были придѣланы деревянныя планки, изъ коихъ верхнія должны имѣть два кольца со шнуромъ, что позволяло бы пользоваться клеенками, какъ картинами, и 2) чтобы до обращенія въ публикѣ стеклянной и фарфоровой посуды, кувшиновъ и вазъ съ портретами Его Величества Государя Императора, означенная посуда предварительно была представляема на цензуру Миннстерства Императорскаго Двора.

Тов. Мин. Вн. Дѣлъ *Золотаревъ.*

У.Д.П. 30 ноября 1912 г.». № 20410.

Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская.

«Смерть жатву жизни косит, косит»... Так много, много их, — уже «отошедших», — молодых, в расцвете сил, старых, средних лет, юношей, едва ступивших на путь жизни. Вдруг вспомнишь о ком-нибудь, — крупном или заурядном — с кем не доводилось встретиться в последние годы или месяцы, — и не можешь установить сразу, выбыл он из строя живых или нет еще. Из равнодушных уст равнодушно слушаешь смертные вести, не остается сил воспринимать их, как прежде.

И все же, когда отошла от жизни Елизавета Николаевна, стало больно и жаль. Невозвратимость и горечь утраты остро, до слез ущемили сознание. А Елизавете Николаевне было бы в августе семьдесят девять лет, простой арифметический подсчет, казалось бы, должен был подсказать в утешение: пора уже! Однако, оставалась после ее исчезновения у всех, — ее знавших, — незаполнимая пустота. Значит, человек не успел изжить себя, еще был нужен.

Когда я пытаюсь извлечь из архива своей памяти момент первой встречи с Елизаветой Николаевной, передо мною всплывает непрезентабельное помещение «Союза взаимопомощи русских писателей» не то в самом конце 1899 года, не то в начале 1900 года, когда я только что переселилась из Киева в Петербург. Весь этот старый «Союз» (погибший небесславной смертью после протеста писателей по поводу избивания нагайками демонстрантов на Казанской площади) ютился на Невском, 65, в желтом, давно несуществующем трехэтажном доме.

В один из занимательных и многолюдных вечеров (как будто это было по случаю доклада Н. К. Михайловского о правительственном терроре восьмидесятых годов) в дверях узкой, как щель, столовой Союза появилась из прихожей живописная пара. Мужчина и дама, оба уже немолодые, посеребренные инеем жизни, сединой, и каждый по своему колоритный. Первое мгновенное впечатление от них обоих было впечатление особенной, изысканной опрятности, чистоты — почти преувеличенной, доходящей до щегольства. Мужчина — довольно высокий, слегка согбенный, с удлиненной, густой бородой, с вдумчиво-серьезным, внимательным лицом, с приятной, несколько старосветской

учтивостью манер. Дама, одетая по моде, в удобном и широком черном платье с белыми, как алебастр, кружевами у вброта и обшлагов. Небольшого роста, но предстательно-величественная, вся закругленно-полная, с быстрыми, живыми движениями и, в то же время, с шаткой походкой уже ослабевших ног. У нее были некрупные черты лица, проницательный взгляд приветливых серых глаз, прикрытых золотыми очками со сверкающими стеклами. Пушисто-вьющиеся, пронизанные сединой волосы, создавали точно ореол сияния вокруг ее лба. Свежий цвет лица, яркие губы, отсутствие морщин, маленькие и пухлые, красиво-породистые руки, казалось, принадлежали молодой женщине. А седина, хорошо сделанные, но все же не свои зубы, старомодный костюм, шаткость походки и полнота фигуры — напоминали о старости.

Нетрудно было определить, что вновь прибывшая пара пользуется в этой аудитории особым почетом. К ним спешили навстречу, их торопились приветствовать. И сам властитель дум (по термину, который тогда не совсем еще вышел из употребления) Н. К. Михайловский, человек замкнуто-сдержанный, обычно холодноватый по внешности, завидев прибывших, радушно поднялся с места и направился из-за чайного стола к дверям, чтобы поздороваться.

— Аа... пожаловали и вы... Василеостровская держава? — долетели до меня его шутливо-дружественные слова при крепком рукопожатии с немолодой дамой. Говоря с нею, он повышал голос, как с глухой. Дама вся просияла от любезности Н. К. Спрашивала о здоровье, еще о чем-то... Пеняла, как это Н. К. давно у нее не был.

Он осыпался на дальность расстояний.

— Близкий свет от меня со Спасской к вам, на Васильевский?

— Мы на Васильевском тысячу лет. А вы всегда в центре. И случалось, хаживали к нам. Прежде Васильевский остров не был помехой.

— Да прежде я то был помоложе. Легче на подъем. Подвижней. А теперь...

— Кто это? — спросила я у Мамина-Сибиряка, сидевшего рядом со мною за чайным столом перед своей традиционной бутылкой с пивом.

Мамин перевел по намеченному направлению утомленно-наблюдательные глаза, потом ответил, не торопясь, как всегда, будто с заминкой, по обыкновению объясняясь больше мимикой, чем словами:

— А это... Да это Елизавета... Николаевна.

И в свою очередь грузно зашагал к ней. Приложился к руке с несомненной почтительностью, спросил, как живется, и тоже повышал голос, приспособляясь к глухоте.

В столовой толпились все прибывающие «союзники». За чайным столом не оставалось свободного стула. Мамин вел Елизавету Николаевну на свое место, а та добродушно шутила с ним, утверждая, будто он «всегда подле дам и всегда около молодых». Мамин усадил ее и представил меня, поясняя в самое ухо своей спутнице:

— А вот это вам «Wagun». В «Русском Богатстве», что ли... Знаю,

что называется «Wagum». Но сам не читал. И читать не буду. Потому что я женских произведений не читатель... хотя и почитатель женщин.

«Wagum» был мой рассказ, напечатанный в том году в № 2 «Богатства», небольшой рассказик, на долю которого выпала счастливая участь понравиться.

— Ах... госпожа Ольнем? — живо припомнила Елизавета Николаевна мой нескладный псевдоним. — Очень рада. До смерти рада с вами встретиться. Мы читали с Василием Ивановичем. И нам так понравилось. Это вам удалось превосходно. А ему, — добавила она, указывая на Мамину, — не верьте. Он и прочтет, а скажет: не читал. Чтобы другой беллетрист, а тем более наша сестра, женщина не зазнавалась. Не возомнили бы себя равным ему, Мамину.

Она предположила, что я уязвлена пренебрежительностью Мамина к Wagum'у и спешила ослабить действие укола целительным бальзамом поощрения.

Мамин говорил:

— Я и ваших уж не взыщите, Е. Н... но и ваших книг никогда не читал. Ни единой строчки. А уж — как почитаю.

На близком расстоянии и по прямому направлению звука Елизавета Николаевна слышала еще вполне удовлетворительно. И возражала на слова Мамина с горячностью, а потом с осанкой и повадкой светски-воспитанной, но как бы добровольно-опростившейся женщины, она с тактичной любезностью похвалила «Wagum». Хвалила, преувеличивая достоинства, но без пересола в размерах преувеличения.

Мамин, стоя позади наших стульев негромко заговорил, лавируя, чтобы его слова не допеслись до притупленного слуха Елизаветы Николаевны:

— Ну, вот. Готово. Уже Елизавета Николаевна пленилась вами. Сейчас позовет к себе. Потом выдумает вас. И влюбится в свою выдумку. А после будет в обиде на вас, зачем выдумка — не реальность.

— Что он там болтает? — подозрительно осведомилась у меня Е. Н. — Как будто, про меня что-то... Я ведь глухая, убогая. Выбранят в глаза, и того не разберу.

Она отпила из стакана и принялась расспрашивать, давно ли я в Петербурге, как устроилась, пишу ли что-нибудь, имею ли постоянную работу и знакомства. А после, точно выполняя предсказание Мамина, пригласила меня к себе.

— Знаете, до смерти хотелось бы мне поговорить с вами. Здесь неудобно, я половины не слышу. А люблю поболтать со свежим человеком. Если вас не пугает моя глухота и старость, заезжайте ко мне. Запросто, пожалуйста. Когда хотите. Я всегда дома. И всегда рада. Мы на Васильевском. Вторая линия. И квартира 15. Если идти от Невы, второй подъезд в доме. Четвертый этаж. На самом верху. Заедете?

Я благодарила, а Мамин шутил:

— Ну, вот, вот... Так и есть по моему слову. А все «Wagum». Не

«Wagum», а «Сезам отворись». Иные прочие может десятками лет добиваются попасть к Елизавете Николаевне. А на вас взглянули: ««Wagum»? И — готово.

— Лиза. Пора. Сейчас начало. — негромко, но с тщательной отчетливостью сказал за спиной Е. Н. ее муж.

Она всполошилась, отставила от себя недопитый стакан с чаем и позвала с настойчивостью, будто опасаясь быть неслышанной:

— Василий Иванович! Василий Иванович! Хочу представить тебе Ольгем. Г-жа Ольгем, говорю. Помнишь, мы читали?

— Как же... как же, — любезно припомнил и он с той удивительно-милой мягкой учтивостью, какая была свойственна ему одному.

— Я взяла слово с г-жи Ольгем непременно побывать у меня. И не откладывая в долгий ящик.

— Милости просим. — скрепил приглашение и В. И. — Мы с женой будем рады.

Публика сплошным потоком направилась в зал. В. И. пережидая, пока пройдут, еще побеседовал немного со мною, не забыв вставить в разговор несколько лестных для начинающего автора слов.

Для моих знакомых незнакомцев были уготованы почетные кресла в первом ряду у эстрады. Я в самом начале вечера заняла для себя место в глубине зала, поближе к выходу. К счастью, рядом со мною очутился литератор и представитель к-ва Вольф. С. Ф. Либрович (скончавшийся не так давно, уже в голодные дни, если не ошибаюсь, в 1918 г.). Большой любитель литературы. Либрович являл собою живую хронику литературной среды. В Союзе он знал всех. О каждом, если бы пожелал, мог сообщить всю подноготную.

Я спросила у него:

— Скажите, кто эти муж и жена, которые говорили сейчас со мною?

— Как? Вы не знаете?

— Мамин не удосужился назвать.

— Вот так история.

Оказалось, мои собеседники — выдающиеся шестидесятники. Известный русский историк В. И. Семевский и не менее известный автор научно-популярной книги «Жизнь Европейских Народов», а также книги «Умственное и нравственное воспитание ребенка» и многих других трудов. Е. Н. Водовозова, по второму мужу Семевская.

Подделываясь под стиль и обстоятельность словаря, Либрович полупути демонстрировал передо мною свою почти энциклопедическую осведомленность. Между прочим, он сообщил, что Е. Н., написав «Жизнь Европейских Народов» и нуждаясь в средствах к жизни (В. И. Водовозов, ее первый муж, за крамольный образ мыслей тогда уже оставался не у дел и лишен был всякой возможности работать на педагогическом поприще), пожелала сама издавать свою книгу. И обратилась за бумагой к известному бумажному фабриканту Варгунину. Тот согла-

сился открыть кредит. Книгу удалось напечатать, она имела успех, и Е. Н. сделалась издательницей своих дальнейших трудов. Книги у нее — ходкие. Она и по сей день продолжает издавать их кустарным способом, имея у себя на дому книжный склад. Если бы не по старинке, как она, распространять ее книги, автор-издатель стал бы богатым человеком. Она же лишь скромно обеспечена, не более того. И при Водовозове, и теперь дом ее являлся постоянным центром, вокруг которого в течение многих десятилетий объединялась петербургская интеллигенция левого, главным образом, народнического направления. Знаменитые Водовозовские «вторники» должны бы войти в историю российской культуры. Теперь у Семевских не вторники, а воскресенья, уже менее многолюдные...

В перерыве между первой и второй частью доклада Е. Н. окликнула меня в читальной комнате Союза. Должно-быть и она успела поговорить с кем-то из знакомых обо мне, потому что назвала меня «Варварой Николаевной», между тем, как ни Мамин, ни я ей этого имени не называли. Теперь уже мы с нею имели возможность беседовать в полном вооружении необходимых сведений одна о другой.

Нередко случается так, что люди понравятся друг другу с первой встречи. Это внезапно-возникающее тяготение почти всегда бывает взаимным и иной раз представляется неудовимым для мотивировки, почему именно пришелся по вкусу или показался неприятным тот или иной из новых персонажей. Помню твердо, что мне прежде всего понравилась в Елизавете Николаевне ее простота отношения к людям, отсутствие настороженной, специфически — петербургской боязни свести неподходящее знакомство, своеобразность способа мышления, свои собственные словечки, обороты речи и выражения, зорко всматривающиеся во все окружающее из-за стекол очков глаза, благожелательность тона, врожденная тактичность души, глубокая и тонкая, свидетельствующая о чуткости, об углубленном понимании и прежде всего о незаурядном уме.

Так началось наше знакомство.

Через день я отправилась к ней, на 2-ю линию Вас. Остр. Квартира, обстановка и весь уклад внешней жизни Е. Н. напоминал не столько городское жилище общественников-интеллигентов, сколько уютный помещичий старого закала дом, где все рассчитано не на показной шик, а на хозяйственную прочность, на многолетнюю службу вещей, на разумный комфорт и порядок. Ничего показного, все — старинное, скромное, солидное, простое. Но все — лучшего сорта, очень прочное и добротное, как бы рассчитанное на служение внукам и правнукам. Сразу видно, что выбирал хороший хозяин-организатор, хозяин бережливый, предусмотрительный, осторожный. У себя дома Е. Н. была воплощенное радушие, хлебосольство, гостеприимство без предела. Собеседницей она оказалась прямо очаровательной. Исчезло всякое воспоминание об ее глухоте и возрасте. Ее хотелось слушать и слушать...

Позади нее уже и тогда лежал длинный и интересный пройденный ею жизненный путь. Кого только не видывала она, с кем не сталкивалась на этом пути. Знаменитости всех сортов и рангов, люди с крупной известностью; общественные деятели с историческими именами, средние люди, интересные в том или ином отношении... А у нее была острая наблюдательность умного человека, не женское умение обобщать, большой интерес к людям. В ее метких характеристиках умерших и живых, в ее картинках прошлого и настоящего, в каждой приводимой ею, в качестве иллюстрации, сценке — сказывался присущий ей художественно-изобразительный талант, проявившийся потом с такою яркостью в ее воспоминаниях «На заре жизни».

Справедливость требует упомянуть, что словесные рассказы Е. Н. удавались ей еще ярче и художественней, чем на бумаге. Страстная, «запойная» курильщица, она вынимала и вынимала из хорошенькой квадратной пачкатулочки новые и новые папиросы, набитые табаком с приятным запахом. Закуривала их одна за другою и продолжала рассказывать. Приступая к обрисовке чего-либо, начинала накладывать мазки на первый взгляд несколько беспорядочно, точно расплываясь в захлестывающем ее обильном материале. Иногда забежала вперед, или со словами: «Надо еще вам сказать», делала отклонение в сторону. Но проходило короткое время, и перед слушателем вдруг выступал живой, выпуклый портрет, красочная, подчас потрясающая картина. И мазки, представлявшиеся вначале неуверенно-расплывчатыми, оказывались наложенными искусно-твердой рукой. Они были характерные, типические, яркие, почти не нуждались в подмалевке.

Мой визит затянулся. Е. Н. все удерживала меня, и наконец, категорически не пожелала отпустить без обеда.

— Да что вы! Что вы! Без обеда? Да ни в жизнь. Да вы кровно обидите меня.

Перед обедом зашла невзначай писательница-беллетристка, Ю. И. Безродная — видная женщина с низким тембром голоса, с легкой проседью и с остатками бесспорной, еще недавней красоты. Вероятно на правах давнишней приятельницы, она титуловала Елизавету Николаевну: ваше превосходительство.

Е. Н. рассказывала ей, как она «заговорила» меня, и как приятно провела со мною время.

Юлия Ивановна слушала, усмехаясь.

— Вижу, вижу, ваше превосходительство. Уже изволили впасть в очарованность? Не можете без увлечений. Даму или мужчину, но необходимо кого-то возводить на пьедестал. А после — низвергать кумиров.

Е. Н. слегка вспыхнула.

— Уж вы то, Ю. И., могли бы и не повторять этой петербургской пошлятины. Кому-кому, а вам доподлинно должно бы быть известно, что никаких пьедесталов у меня не было, нет, и надеюсь, не будет. Вы —

умный, близкий мне человек, а поддерживаете эту вздорную легенду!.. Будто я, как молодая институтка, склонна к обожаниям...

Меня привели в недоумение слова Юлии Ивановны.

Сказано было, примерно, то же самое, что говорил в Союзе Мамин-Сибиряк. Полчаса назад я выслушала от Е. Н. блестящие характеристики выдающихся людей, обладавших сложными, нередко противоречивыми чертами характера. И Е. Н. так легко справлялась с углубленным анализом этих противоречий. А тут ей приписывали институтское обожание перед измышлениями собственной фантазии. Позже мне приходилось не раз слышать об этом от самых разнородных лиц. Называли имена бывших приятелей Е. Н., с которыми она, будто бы восторженно, «дружила», а затем, охладевая, низвергала с высоты дружбы выдохшихся временщиков, иногда разрывая с ними всякие отношения. Одни находили, будто Е. Н. непостоянна и ей «надоедают» люди, утратившие в ее глазах интерес новизны. Другие ставили в укор излишек требовательности к друзьям, даже излишек жестокости. Не знаю, в чем тут было дело. Может быть, к недостаткам этой сильной, волевой, пылкой и цельной натуры и относилась некоторая доля непостоянства. Но думаю, что в конечном итоге в мотивировках ее расхождений с друзьями имела место какая-то докучная коренная ошибка. Е. Н. горячо и предано привязывалась к интересовавшим ее людям. Но ее прозорливое понимание, конечно, не допускало никаких ослеплений. Она чудесно видела недочеты, слабости, комические черточки тех, кого любила, отчетливо видела их у самых близких, кровно-дорогих, наиболее любимых. Понимала лучше многих, что отношения людей зиждутся на снисхождении друг к другу. При своем ненасытном интересе ко всему человеческому, житейскому она так умела снисходить и понимать каждого, понимать применительно к чужой, а не к своей личной индивидуальности. Например, много позже нашего с нею знакомства, уже после 1905 г., вокруг нее утверждали, что она «в восхищении» от шлиссельбуржца Г. А. Лопатина. И она действительно восхищалась его «героичностью», называла его богатырем, крупнейшей личностью прошлого века. После Н. К. Михайловского и П. Ф. Якубовича (П. Я.), кажется, никого она так не превозносила, как Лопатина. Но пришлось по какому-то поводу к слову, и Е. Н. с такою объективностью и так полно проанализировала «божественного Германа», что этому анализу мог бы позавидовать любой художник. И о Михайловском в последние годы она, бывало, говаривала:

— Ведь, как я близко знала его. Моя обязанность написать о нем. Я и пишу. С увлечением пишу. Крупный был человек. По уму — исключительный. Как всякой человек, разумеется, не без слабостей. И о слабостях помянуть придется. Никаким пятном не затмить солнца. Напишу про все, без прикрас. Как было. Но при жизни не стану печатать. Рано еще. Пусть отойдет наша полоса в историю. Тогда пригодится.

Так если о своем властителе дум, Михайловском, она намеревалась

писать объективно и без прикрас, то как бы могло не хватить у нее должного беспристрастия для кого бы то ни было другого?

Спустя несколько дней после моего первого посещения Е. Н. неожиданно заехала ко мне с ответным визитом.

Я уже знала, что она выезжает из дому изредка, что при бронхите и слабых ногах для нее затруднительны всякие выходы в свет. Выход ко мне и смутил, и растрогал меня. Ее визит укрепил наши отношения прочным цементом. С тех пор я сделалась частой гостьей ее дома, и вскоре была сопричислена к «ордену воскресников», — немногих близких знакомых, собиравшихся по воскресеньям, всегда по особым приглашениям, к ней на обед. После обеда обычно начинался воскресный журфикс, куда радушно приглашались все знакомые вообще, без отдельных на каждый раз напоминаний. Никогда я не любила большого общества и, в частности, не любила журфиксов, а у Е. Н. и на обедах, и по вечерам чувствовала себя как-то особенно легко, уютно, радостно. Была она на редкость чуткая, участливо-отзывчивая, внимательная. Умела проникаться чужим, как своим личным, умела поговорить с каждым на его языке, понимать другого с полуслова, часто — без всяких слов. И еще чаще мудро прикидывалась непонимающей, не желая угазывать. И все из боязни, как бы не причинить ненужную боль или обиду, чтобы не смутить, не уязвить, не сконфузить. Ей, как и В. И. Семевскому, в высокой мере присуще было активное стремление спешить на помощь каждому, кто в том нуждался. Оба никогда не выжидали, чтобы их попросили хотя бы намеком. Шли первыми навстречу... Вечно хлопотали о ком-то, писали рекомендательные письма или ездили с личными просьбами, пускали в ход свое моральное влияние, воздействовали доводами от разума и от морали, постоянно кого-нибудь защищали, опекали, устраивали. В. И. был особенно неутомим в этом направлении, и особенно в хлопотах за тех, кто терпел гонения за политические убеждения. Е. Н., случалось, даже подшучивала над ним, будто ему хочется во что бы то ни стало облагодетельствовать поскорее весь мир, чтобы самому потом спать спокойно.

— Ведь он не уснет, если у него на глазах кто-то не получает желаемого. Для собственного успокоения суетится и хлопочет. Для угомона души.

Но и сама она подвержена была душевному неугомону в достаточной степени. Помню, как в исходе гнилого ноября 1909 г. я захворала крупозным воспалением легких. Тогда я жила одна, отсутствовал уход. Болезнь приняла угрожающий характер. В сильном жару, с температурой уже подбирающейся к предельной цифре 42 меня свезли в последний момент перед полной потерей сознания в Евангелическую больницу. Е. Н., конечно, всполошилась о забастовавшей воскреснице. Усердно навещала меня и на дому, и в больнице, хлопотала, доставала деньги, снаб-

жала цветами, компотами, фруктами. А когда я поправилась, и предстояло взять меня, еще очень ослабевшую, из лечебницы, предупредила по телефону больничную администрацию накануне, что приедет за мной завтра, в два часа. Приближался назначенный час. Она суетилась у себя дома, откомандировала самого доктора истории, В. И., раздобыть карету. Но едва В. И. под'ехал в карете к своему под'езду, как оказалось, что к нему нагрянули со строжайшим обыском. При появлении неожиданных гостей Е. Н. была уже в шляпе, чтобы ехать за мной. В тревоге за результаты обыска, она, однако, аккуратно прибыла к двум часам в больницу. Ни словом не обмолвилась о своем волнении, следила, чтобы я потеплее одевалась, даже покушалась самолично тащить деревянную коробку с моими вещами. И поехала ко мне на квартиру, заказывала здесь для меня самовар, неловкими руками, привыкшими лишь к обращению с пером, заваривала привезенный ею порошок какао, убеждала поскорее лечь в постель, не «форсить» и не «фордыбачить», а главное, не надирать излишними движениями сердце, истомленное температурой, для которой «уж и места на градуснике не оставалось». В утешение же мне и снисходя к неотъемлемой, коренной слабости «нашей сестры—женщины» осыпала меня подбодряющими комплиментами, уверяя, будто черный чепец на обритой голове необычайно мне к лицу.

Не со мной одной, со многими приходилось ей суетливо возиться и хлопотать, отрываясь от возводимой в культ работы. Ее и подводили, и поднадували, и попросту обманывали, она не исправлялась ничуть. При ее размеренной аккуратности в делах и в принимаемых на себя обязательствах у нее всегда хранились в запасе бережно разложенные по разным (смотря по назначению) пакетикам резервные денежные суммы. То для расплаты с типографией... То для отдачи за брошюровку... На заготовку клише... На иные предстоящие нужды. Об этом знали знакомые литераторы. И «перехватывали» у Е. Н., весьма часто без отдачи. Это был длинный, горестный синодик.

— У Н пятьсот рублей осталось. За Ником — триста пятьдесят... У Z — целая тысяча.

И все называет имена. И имена приличные.

— Я и писала, и при встрече напоминала. Ведь, вы же, говорю, знали, что мне к сроку. Мне до зарезу расплатиться с типографией нужно. Вы же, говорю, давали слово? Куда там... Никакого воздействия. Не могу сейчас. Нет у меня, и кончено.

Тем не менее ей не шла впрок эта многократно преподаваемая наука.

Как-то по выражению глаз и лиц, по внешнему поведению близких знакомых она мигом и безошибочно угадывала личность финансового кризиса. И говорила:

— Уж не скрывайте. Вижу, вижу, что нужны деньги.

А после начинала свои подходы.

— Да перехватите вы у меня пожалуйста. Окажите мне этакое доверие. Когда еще мне платить за бумагу. Месяца через два, не раньше.

А деньги до тех пор напрасно лежат — валяются. Того и гляди, воры доберутся до письменного стола. Еще ограбят, чего доброго. А вам отдам и буду спокойна.

И шла к своему «министерскому» письменному столу, с музыкальным звоном отпирала заветный ящик, разыскивала пакет, из которого еще не скоро вынимать на расплату.

Если же должник принесет ей в срок перехваченные деньжонки, непременно распечат с укоришной:

— И чего спешите, торопыга вы этакий? Мне не нужно еще. Получила от земств деньжонки за книжонки... Обернусь. Да и когда еще за бумагу платить. Еще не срок.

— А если у меня не будет к сроку?

— Обернусь и тогда. Не первый год дела веду. Знаю, как обернуться.

На мой взгляд Е. Н. при всем ее оригинальном уме и деловитости принадлежала к числу людей, непрактичных по детски. Она умела прекрасно обмозговать и выполнить любое практическое задание. Умела «постоять за себя», не дать себя провести или обсчитать при заключении деловых условий, договоров. С идеальной добросовестностью, даже с мелочной педантичностью выполняла она все свои обязательства. Любила, чтобы и с нею поступали так же. Но извлечь из своего хорошо-организованного дела всю возможную материальную пользу, это было то, что ей не давалось. С. Ф. Либрович был прав: она свои издательские дела вела по старинке, в 90-х годах, как в 60-х, консервативно побаивалась резких новшеств в самой технике дела. Не в ее характере было поступать иначе. Ее предусмотрительная расчетливость, выявлялась главным образом, за счет самоограничения, никогда не приводила ее к приумножению или накоплению жизненных благ для себя лично. Для кого-нибудь другого, любимого или симпатичного ей, она еще могла истратить, лишнее. Уж очень приятно было ей доставлять удовольствие, радость. Но «швырнуть зря» лишнюю сумму для себя, — с ее точки зрения было недопустимо.

Долгое время удивляла меня завидная работоспособность Е. Н. Когда бы и кто бы ни зашел к ней, ее, если только она была здорова, неизменно заставляли за письменным столом за работой. Застенчивая по натуре, несмотря на кажущуюся бойкость языка, она с целомудренной конфузливостью относилась к своему авторству. Не любила говорить о нем с кем попало, не любила «фигурять» (одно из излюбленных ее словечек) в роли писательницы. Наоборот, с неподдельной скромностью отнекивалась и открепивалась от проявления внимания к ее произведениям.

— Пишу, да. Потому что это единственное, что я умею делать. Ничего другого не умею. Никаких рукоделий, ни вышиванья... Ни рисовать, ни шить. Ничего женского не знаю. Только вот плясать в моло-

дости умела. Да пишу всю жизнь. Больше ни на что не пригодна. И пишу-то я про все такое, самое земное.... Простецкое.

Как-то за воскресным обедом Е. Н. призналась, что она большая лакомка и «сладкоежка». Любит ростбиф, рыбу, мед, малиновое варенье к чаю. Словом, «хороший кусок». А пуще всего — мясо. Без мясного всегда голодна. Ни думать, ни писать без мяса не может.

— Разве вы работаете теперь, ваше превосходительство, над чем-нибудь новым? — изумилась Ю. И. Безродная.

— А вы как полагали?

— Полагала, что лишь перепечатываете прежние книжечки.

Вас. Ив. мягко поспешил пояснить, что и прежние книжечки требуют немалого труда при переизданиях, и новые работы у Елиз Никол. не переводятся. А сколько задуманного и намеченного... Двух жизней нехватит выполнить. Е. Н. раздосадованно остановила его.

— И кому это интересно, В. И., знать, что я там строчу в часы досуга... как извожу бумагу.

— Нет, позвольте, ваше пр-во, — обидчиво сказала Ю. И.. — Как же это? Я к вам — как в конфессионал. Со всеми своими делами, горестями, произведениями. Мои рукописи мы обсуждаем чуть не грамматически. Мои замыслы тоже. А о вас я не знаю даже, пишете ли вы? Разве это по-приятельски?

— Да вы не спрашивали у меня никогда, пишу ли я. Не интересовались. Что же мне-то высказывать. Меня интересовало все ваше, я и знаю кое-что. Поинтересовались бы вы моим, и вы бы узнали. Что же мне от вас скрываться?

— Все то гордость в вас, ваше пр-во. Унижение паче гордости. Польская кровь сказывается.

Повторяю, что работник Е. Н. была изумительный. Часто переиздавая свои книги, она постоянно их пополняла, исправляла, переделывала в отдельных частях, или перерабатывала наново. Работала Е. Н. неотрывно во всякое время дня и вечера. Работала бы и ночью, да В. И. бурно восставал против ее ночных занятий. Она и без того страдала бессонницами. Предоставив Е. Н. свободно поработать несколько вечерних часов, он оставлял свою, часто спешную работу и приходил (если не было никого из гостей) к жене для совместного чтения. Читал ей через слуховую трубку утренние газеты, беллетристику, комические и публицистические статьи.

— Василий Иванович зачитывает меня... чтобы я спала ночью, — цутила, бывало, Е. Н.

Не знаю, каковы были их отношения в молодости, но за многие годы моего с ними общения мне эта пара представлялась самой дружественной из всех виденных мною супружеств. У них было содружество в лучшем смысле слова. Их преданность друг другу, их забота одного о другом могли приводить в умиление. Особенно внимателен и заботлив до трогательности был В. И. Среди груды своих, столь увлекательных

для него, архивов, в разгаре напряженной научной работы или под шумный говор воскресного журфикса, он не забывал навеститься в спальную жены, чтобы убедиться, не требуется ли протопить там печь или открыть, хотя бы в зимний мороз, окно. Его преследовало опасение, что он переживет Елизавету Николаевну, и он не умел скрывать своей тревоги. А скрывать было необходимо, так как Е. Н. пугалась уничтожения смерти. Почему-то и она твердо была уверена, что умрет раньше мужа. Она была подвержена бронхитам, которые время от времени осложнялись, укладывая ее в постель иногда надолго. Как-то, среди недели, мне дали знать по телефону, что у Е. Н. воспаление легких. Первая опасность миновала, но положение еще остается серьезным. Е. Н. просит меня навестить ее. Явившись немедленно, я застала такую сцену: В. И., очень расстроенный, стоял у кровати жены и, наклонившись к ее уху, повторял, будто гипнотизируя словами:

— Лиза. Ты не имеешь права умирать. Слышишь? Пока я жив, не имеешь права.

Е. Н., узнав, что я пришла, позвала меня к себе. Поздоровались, и она упрекнула слабым голосом:

— Ваше-то пророчество, милая хиромантка, кажется, обречено на провал. Воспаление легкого. В мои годы — каюк. Не дожить мне до такого долголетия, как вы обещали.

Как-то в шутку я объявила себя хироманткой. По странному стечению обстоятельств ряд моих предсказаний начал осуществляться в самые короткие сроки. Тогда пожелала и Е. Н., чтобы я взглянула на ее руку. Прошлое оказалось расшифрованным правильно. А на будущее время, заметив ее пугливое отношение к смерти, я предсказала ей необычайное долголетие. В. И. при том сеансе смеялся над нами. И сколько ни упраскивала его Е. Н., отказался наотрез показать свою руку.

— Нет... нет. Меня никому не соблазнить на это. Рационалист и позитивист нераскаянный. Ничего потустороннего.

Теперь, когда Е. Н. грозила мне полным провалом и посрамлением, я сказала с твердостью:

— Не может этого быть. Хотя... дайте-ка руку еще раз. Неужели я ошиблась?

Она немного нерешительно протянула разгоряченную ладонь.

— Ну, разумеется, нет. Вам суждено прожить очень долго. Не менее девяносто двух-трех лет. И два раза на веку быть вдовой.

— О, как я рад, — от души вырвалось у В. И.

Е. Н. лукаво глянула на меня.

— Вот тебе и позитивист. И рационализм... И: не верю.

Но В. И. немисливо было совратить с пути реализма никакой ценой.

— Я твердо верую, — сказал он, — что долговечность имеет особый тип, свой облик. Хорошо-работающее сердце, отсутствие склерозов... они налагают на внешность свой отпечаток. И еще знаю, что есть на

свете хорошие физиономисты. И что физиономист легче схватит эти признаки долговечности, чем человек рассеянный. Во всяком случае, радуюсь надежде не пережить тебя. И очень тебя прошу внушить себе волю к выздоровлению. Ты должна это сделать!

Е. Н. вздохнула не без юмора.

— Уж постараюсь..., если так просишь.

Она сдержала слово, болезнь исчезла бесследно.

К основным качествам Е. Н. относилась еще большая внутренняя замкнутость во всем, что касалось ее интимных личных переживаний.

— Мне и в детстве, бывало, мать кричит: не разобрать, что у тебя на уме. На замочке ты вся, постоянно!

Детство у нее и по устным рассказам ее и по воспоминаниям в книге «На заре жизни» было невыносимо мучительное, тяжелое. Среди людей, стоящих на грани психоза, а то и просто душевно-больных. Быть может, это обстоятельство наложило на нее печать упорной скрытности, замкнутой сдержанности. Оживленно-разговорчивая на людях, искренно и охотно вникающая в чужие переживания, она почти ни с кем не делилась ничем «своим», тем своим, что наиболее радовало или огорчало ее. Ни при каких обстоятельствах у нее не проявлялось женской потребности облегчить душу. Хватало запаса воли и сил нести свой подчас непосильный, душевный груз в одиночку, без посторонней помощи. Это сказывалось с наибольшей рельефностью при стихийных несчастьях, когда ей приходилось терять близких людей. Сказалось и на моих глазах в тот печальный осенний день, когда не стало В. И. Семевского. Он умер внезапно 20 сент. 1916 г., придя за очередной исторической справкой в библиотеку Академии Наук. Уже была в разгаре страшная европейская война. Жизнь во всех ее проявлениях всюду сокращалась, сжималась, свёртывалась, приходила в разрушение. В частности и у Семевских пошатнулись дела. Банкротились земства, главные потребители водовозовских изданий, замирала книжная торговля. Семевские летом не смогли выехать для обычного отдыха на дачу. Лето простояло жаркое, душное, какое-то лишенное воздуха. Напряженно проработав летние месяцы в городе, В. И. выглядел к осени мертвенно-бледным, полуапатичным, вялым. Но продолжал работать и работать, и все тревожился, как бы не повредило отсутствие дачного отдыха Елизавете Николаевне. Огорчался, что вот у нее уже исчезло малиновое варенье к чаю и многое другое, признанное ею непомерно-вздоржавшим... Мне вспоминается трогательная мелочь. Во время одной из обычных коротеньких прогулок своих в перерыве между работой он, никогда ничего сам непокупавший, заметил на окне гастрономического магазина пятифунтовую банку малинового варенья. Зашел, не пугаясь спрошенной цены, купил всю банку, и как ценный трофей осторожно держа впереди себя, донес до дому, — «для Лизы»...

Тело скончавшегося В. И. привезли домой из Академии Наук в карете скорой помощи. Близкие люди не знали, как заговорить с Е. Н.

о постигшем ее ударе. Сперва сказали, будто заболел, сейчас привезут. Она взглянула пытливо на говоривших, первая произнесла роковое слово: умер! После ушла вся в себя, словно окаменела. Была убита жестоко, убита скорбью, но внешним образом не выявляла этого. Отдавала распоряжения, заботилась о всем том необходимом, что сопряжено со смертью близкого. Позже, когда в дом нахлынули толпой люди, выслушивала соболезнования, благодарила за внимание к памяти покойного, с автоматическим хлебосольством предлагала чай и закуски, следила, чтобы каждый мог сесть, а не стоял на ногах. Все — чтобы в порядке. И все — как полагается. Со стороны можно было бы подумать, что она почти спокойна. Надо было близко знать ее, чтобы увидеть, какая мука в ее душе. На первой панихиде тоже была сдержана. И только поздно ночью, когда все разошлись, она одна поспешно прошла в гостинную, где лежало уже окруженное многочисленными венками тело покойного, и там, лишь наедине с собою, дала волю своим слезам и своему горю. А на похоронах опять была застывшая, окаменелая... Мне рассказывали потом старинные друзья Е. Н., что такой же замкнуто-окаменелой оставалась она после смерти сперва одного своего сына, затем другого.

Когда в соседнем кабинете одевали тело Василия Ивановича, Ел. Ник. сидела, сгорбившись, с опущенной головой в своей спальне, а потом безпомощно поведя рукой, сказала:

— Вот... и — конец.

После вспомнила о последних минутах, проведенных с ним. Утром была не совсем здорова, не спалось ночью, оставалась в постели. Василий Иванович зашел сказать, что идет в Академию. Он всегда говорил, куда идет, на случай, если бы понадобился. Стал журить и ее, и себя, зачем провели в городе лето. Вот и результат. Она уже начала хворать. А что будет зимою.

— Да ты на себя, говорю ему, взгляни. На кого сам похож? В гроб кладут краше. А он мне: «Я что. Я — ничего. Выносливый. Вот — ты». Я только махнула рукой. Даже досадно стало. Иди уж, — говорю, — иди, книжный червь, к своим книжкам. Он пошел и не вернулся. А сейчас так больно и жаль: последнее слово мое было словом досады. И ноет сердце, зачем не поговорила с ним, пока не поздно было. Сколько осталось недоговоренного, так еще много надо было сказать ему. И все были заняты... Все было некогда. А теперь...

Слезы набежали на ее глаза, и тотчас были усмирены.

Предстояло выяснить у Е. Н., где хоронить: на Литературных мостках Волкова кладбища или на Смоленском, где у Е. Н. были родные могилы, первенца сына и первого мужа. И если на Волковом, то приобрести ли рядом с могилой другое место? Она и к этому вопросу отнеслась с житейской хозяйственностью:

— Я понимаю: Волково-Пантеон. Это, конечно, честь, хотя Смоленское уютнее как-то. Приветливей. Для себя предпочла бы Смоленское.

Кстати у меня там припасено местечко. Для Василия же Ивановича, пожалуй, лучше на Волковом.

Его похоронили на Волковом, парадно, задушевно и трогательно, против могил П. Ф. Якубовича и Н. Ф. Анпенского.

После смерти В. И. жизнь Е. Н. покатила с горы, пошла на убыль. Србственно говоря, жизнь была завершена, началось доживание. Все тяжелей и тяжелей становилось бремя войны, гиганскими, многомильными шагами подступала революция.

— Уже не живу, — говорила Е. Н. — а догораю. Но не имею прага догореть. Надо дожидаться издания трудов Василия Ивановича. Надо поставить ему памятник.

И что бы ни случилось, докатывались ли с театра войны военные новости, рассказывал ли кто-нибудь на воскресном журфиксе (воскресенья еще продолжались по инерции) очередные эпизоды о Распутине, громыхали ли первые раскаты февральской революции, у Е. Н. звучал все один и тот же рефрен:

— А Василия Ивановича нет. Не знаю, что бы он, как историк сказал про это? Февральские дни Е. Н. приняла без пафоса, слегка недоверчиво. Прожившая долгую жизнь в кругу идей 60-х годов, она, вероятно, как-то иначе рисовала себе пришествие долгожданной революции.

Сожалела все же, что В. И. не дождался. Революция пришла, а его нет... И не узнает никогда, что дождались... Но время от времени прорывались нотки скептических настроений.

— Не может это быть, чтобы все обошлось столь буколически. Почти бескровно. Революции такие не бывали.

Подоспели октябрьские дни.

И после них, когда шли толки, будто «все это» на две недели, Елизавета Николаевна покачивала головой:

— Так ли?

Ее, как и других, постигла реквизиция в государственном банке небольших сбережений, крушение издательского дела. Уже нечем было не только кормить воскресников, но и питаться самой с домочадцами. Чтобы оплатить элементарные расходы на жизнь, приходилось сбывать остатки изданий, понемногу распродавать вещи. Старое трудовое гнездо так заботливо свиваемое ею «с шестьдесят второго года», зашаталось, и начало рушиться, лишенное главной точки опоры — «Кн-ва Е. Н. Водовозовой». Надвигался голод.

Не было и осммушки черного хлеба в день: не всегда удавалось достать его за деньги. Вместе с голодом — повела наступление темнота, особенно угнетающая Е. Н. Голод, отсутствие дров, несколько градусов мороза в комнате она переносила стойчески.

— Накроюсь всеми одеялами, платками, шубами, и лежу недвижимо, чтобы меньше хотелось есть.

А от недостатка керосина и свечи (об электричестве тогда и не мечтали) чуть не плакала.

— Эта темнота убивает меня!

У нее в квартире было центральное отопление, только в ее спаль-
ной имелась дровяная печь. Но печь полуразрушилась, печник не хотел
чинить «даже за шестьсот рублей». Не было совсем мастеров — рабочих.
После начали разрываться и течь водопроводные и фановые трубы...
Квартиру переполнили комнатные жильцы, принятые добровольно из
боязни вселений. Это была молодая компания, испугавшаяся морозного
воздуха вместо комнатной температуры.

Таяли вещи, таяла и Елизавета Николаевна. Худела она на глазах
у всех катастрофически. От прежней «екатериноподобной», закругленно-
полной женщины оставалась исхудавшая, сухонькая фигура, все более и
более напоминающая скелет с тонкими косточками... Сама собою подошла
вылостную необходимость ликвидировать квартиру. Обстановку распро-
дали за бесценок. Все масляные картины (а их было много, и все ориги-
налы) пошли за шесть тысяч. Е. Н., питая к тысячам (как потом к
миллионам) почтительное отношение, находила, что вещи проданы не-
дурно. С остатками бывшего имущества, с остатками полученных тысяч
перешла она на положение комнатной жилицы. Окрыляла мечта — попасть в
комнату, где тепло, где можно зажечь электричество, читать сколько захо-
чется, днем и ночью. И отогрившись, вернуться опять к прерванной лите-
ратурной работе, докончить «для души» воспоминания о Михайловском,
а там, — собравшись с силами, переработать «Как люди на белом свете
живут» — применительно к новым условиям европейской жизни.

Впоследствии стало легче немного. Присылала деньги «Задруга»,
по представлению Сорабиса Елизавете Никол. был назначен академи-
ческий паек из Кубу, потом «золотое» жалованье — по второму разряду.

Она сокрушалась, что не может наблюдать в широком объеме совре-
менную жизнь, о которой необходимо «все, все» записывать. И убеждала
меня записывать каждодневно обо всем, о виданном, слышанном, пере-
житом.

— Пишите, пишите... Накапливайте сырой материал. Он после — ох
как! пригодится. Сейчас нельзя писать об этом беллетристику. Прежде-
временно. Сочувствуешь или не сочувствуешь... все равно — не писать:
еще нет никакой перспективы. Ни исторической, ни художественной...
Ни даже фотографической. И фотографию не снимешь в упор к аппа-
рату. Еще не пришла пора. Без перспективы ни у кого ничего не выйдет.

— Отчего же вы сами не накапливаете сырого материала. Е. Н.? —
спросила я.

Она поглядела мне в глаза долгим, немигающим взглядом.

В первый раз за время нашего многолетнего знакомства сказала она
так о смерти. Без прежнего страха, без упоминания об утрашавших ее
когда-то «черных могильных», без внутреннего протеста. Как человек,
отмечающий, что ему к концу дня спать хочется.

— Оттого, что умирать пора. И то смерть обо мне забыла.

Заболела Е. Н. своей последней болезнью осенью 1922 г. Началось, как раньше, бронхитом. Бронхит затянулся, легкие и бронхи не очищались, она ослабела, перестала вставать с постели. Доктор намекал на опасность отека легких. В течение зимы могучий организм еще хорошо боролся с недугом. Больной становилось то лучше, то хуже, она то вставала с постели и даже начинала писать, то сваливалась, как подкошенная.

21-го марта, заехав к ней и взглянув на нее, я поняла без врача: отек легких. Передо мной была картина агонии. Тяжелое с клокотом в груди свистящее дыхание, опухшее лицо, сонливость, прерываемая бредом, непроизвольные движения рук, те движения, о которых крестьяне говорят: «убирается на смерть», а врачи называют: «собрание цветов». Просидев долго, я собиралась домой, когда Е. Н. попросила пить. Ее приятельница М. А. Шепельская, напоив ее, сообщила: «пришла Варвара Николаевна».

— Какая «Варвара Николаевна?» — хрипло, коснеющим языком спросила больная, не поняв.

— Да Варвара Николаевна! Хотите видеть ее?

Теперь она поняла, какая. Протянула обе руки, будто приветствуя, и произнесла свое обычное:

— До смерти рада! Она здесь? Где же она?

Начала говорить толково, сознательно, разумно. Жаловалась, что ноги распухли, как бревна, на груди и на животе — подушки от опухоли. И как в предыдущие мои визиты, опять с опаской:

— Боюсь, не заболеваю ли психически? Опять мой бред. Интересный такой. Василий Иванович постоянно со мной. Здесь, возле меня. И Николая Константиновича наяву вижу. Вот — как вас перед собою. Все покойники. И все меня зовут... туда.

Зашел Н. И. Кареев. Она и с ним говорила вполне сознательно. Полуизвиняясь, что спала, когда на-днях Н. И. с женою, приходили навестить ее.

— Очень жаль, зачем не разбудили.

Н. Ив. пошутил, что она находилась «в обществе Храповицкого».

Это Е. Н. поняла не сразу, но, догадавшись, улыбнулась шутке, как прежде.

В тот день только-что скончался Н. С. Таганцев. Елизавета Николаевна решили не говорить про это. А на последние газетные вести она подавала реплики, удостоверяющие, что и память, и мышление ей не изменяют. После ухода Н. И. она напомнила Марии Алекс. дать предназначенные для меня две жестянки с американским молоком. Из посылки недавно полученной из-за границы.

Я отказалась, она протестовала.

— Ради Бога... Вы мне и папирос, и...

— Елизавета Николаевна. Если мы с вами начнем считаться, то я ваша неоплатная должница.

— Ну, уж. Выдумает. Спасибо вам. За все.

Стала благодарить за те ничтожные мелочи, какие я иногда могла уделять ей из моего служебного кооператива. И вдруг отметила с полной определенностью:

— Умираю я.

— Нельзя еще умирать, Елизавета Николаевна. Сами же говорили, интересно посмотреть, что дальше будет. А книги ваши? Скоро пора перерабатывать.

Она без надежды повела рукой.

— Кому они нужны!

Я рассказала, как на-днях читала моя приятельница «На заре жизни». И плакала над книжкой, и была в восторге.

— И всегда-то вы скажете что-нибудь приятное. Всегда найдете. Если нет, придумаете. Хорошо. Буду слушаться. Лечиться.

Пообещала принимать дигиталис, не капризничать. Несколько раз удерживала не уходить. А когда пора была уезжать, обняла и крепко поцеловала перед разлукой.

— Прощайте. Спасибо вам. За все.

Хотела еще что-то прибавить, но не договорила.

Это, была последняя вспышка сознания. После моего ухода она уснула. И больше не приходила в себя.

23-го марта ее не стало.

В. Ольнем-Цеховская.

В. А. Городцов.

(По поводу 35-летия научной деятельности).

29 апреля с. г. в Российском Историческом Музее состоялось чествование Василия Алексеевича Городцова по случаю исполнившихся 35 лет его ученой деятельности.

В. А. Городцов в настоящее время бесспорно один из самых крупных в России деятелей среди небольшой группы «прямых» археологических исследователей, т.-е. исследователей-практиков.

Я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что среди археологов-исследователей, связанных всей своей деятельностью с Москвою, В. А. Городцев является достойным наследником и преемником своих славных научных предков — гр. А. С. Уварова, И. Е. Забелина и др. Более того, не будет преувеличением, если я скажу, что среди теперешних Московских археологов-практиков В. А. принадлежит совершенно исключительное место и что только в нем одном мы вправе видеть исследователя русской доисторической археологии по размеру и значению своей деятельности приближающегося к крупнейшим русским археологам второй половины XIX века.

Исследовательская деятельность В. А. Г. началась в конце 80-х гг. прошлого столетия под Рязанью, в родной для него местности. Она в полном разгаре продолжается и ныне. Но не одной Рязанью и не Москвой, с ее окрестностями она ограничивается. Все течение р. Оки, все почти течение Волги, южно-русские степи Харьковской и Екатеринославской губерний и Донской Области, Северный Кавказ, где В. А. Г., исследуя древний город Мажары, едва не поплатился жизнью за свое исследовательское рвение и свою научную добросовестность. Средняя Россия — губернии Киевская, Черниговская, Полтавская, Курская, Тамбовская, Гнездово под Смоленском, наконец северный район — Петроградская губерния — вот обширный театр ученых действий В. А. Г. за 35 лет его неутомимой работы. Однако, если приглядеться поближе, то две местности Евр. России, правда, очень обширных, являются излюбленной и наиболее плодотворной ареной деятельности В. А. Г. Это во-первых течение

Оки и течение Волги от Углича до Нижнего, во-вторых южные степи в пределах Харьковской и Екатеринославской губерний и Донской Области. Практические исследования В. А. начались в 1889 г. работой под Рязанью в Борковском могильнике и открытием многочисленных донных неолитических стоянок, расположенных по Оке вверх и вниз от Рязани. В 1895 и 1897 г.г. им исследован Белевский уезд по верхнему течению Оки, где ему посчастливилось открыть не только излюбленные им в то время неолитические памятники, но также следы палеолитической стоянки, явление редкое в России вообще и, в частности, в Волжском бассейне, и многочисленные памятники более поздних эпох. Исследование Белевского уезда было повторено В. А. в августе 1919 г. Наконец в 1910 г. В. А. произвел обширнейшие исследования в окрестностях Муром. Здесь В. А. не только продолжал прежние исследования гр. А. С. Уварова, но сделал новые открытия чрезвычайной важности, именно, в младшем Волосовском могильнике им были обнаружены ясные следы бронзовой культуры в этой местности, факт до сих пор совершенно неизвестный.

Исследования В. А. на Волге начались в 1893 и 1894 г.г., когда служебные обстоятельства сделали его на долгие годы жителем Ярославля. И здесь от окрестностей Углича до Сормова В. А. занимали и неолитические данные стоянки и явления более позднего времени; и здесь им в 1896 г. было констатировано существование бронзовой культуры, т.-е. обнаружены явления первостепенного интереса.

Начало XX века было посвящено В. А. исследованиям в бассейне р. Донца и Кальмиуса, которые падают на 1902 и 1903 годы. Мне посчастливилось в 1902 г. быть участником первой из двух больших экспедиций В. А., работавшей все лето 1902 г. в окрестностях г. Изюма. Здесь работая в течение нескольких недель под руководством В. А., я испытал на себе то неотразимое влияние, которое присуще В. А. и которое всех участников его работы заражает тем энтузиазмом, которым всегда с молодых лет и поныне непрестанно горит В. А. к своей науке.

Исследования В. А. Городцова в Харьковской и Екатеринославской губерниях дали громаднейший материал, большая часть которого напечатана в трудах XII и XIII археол. съездов. Материал этот преимущественно освещает очень древнюю культуру, предшествовавшую скифской и ранее бывшую в значительной мере заслоненной последней. Это—курганная культура с погребениями в срубках, катакомбах и ямах, по терминологии, предложенной самим В. А. Погребения содержат костяки в различных положениях, очень часто окрашенные и окруженные материально не богатым, но научно интересным инвентарем, самой яркой особенностью которого надо считать бронзовые орудия. И на двух великих реках средней России и в Донецких степях В. А. дал русской науке классические образцы практических исследований в области русской доисторической археологии. Его исследования течения реки Оки поражают своей систематичностью и своим обширным обхватом. Местности Тульской и Влади-

мирской губерний освещены им почти в равной мере. Можно не обвиняясь сказать, что мы далеко бы ушли вперед, если бы все русские реки были так освещены археологически, как В. А. осветил и исследовал родную ему Оку. Та же систематичность и глубина исследования обнаружена В. А. в его Волжских работах и в его раскопках на юге.

Раскопки В. А. по Волге и Оке с одной стороны, в Донецких степях с другой, дают нам материал к выяснению того, что я бы назвал величайшим достижением В. А. Г. в области русской археологии. Еще в XIX в. успело сложиться традиционное убеждение, что на территории нынешней России бронзового века почти не было. Богатые бронзовые могильники осетин и бронзовый Ананьевский могильник близ Елабуги были отдельными, одиноко, казалось, стоявшими вехами, которые только оттеняли полное отсутствие бронзы во всех внутренних областях восточно-европейской равнины. Отсутствие бронзовой культуры казалось особым свойством археологии России. Теперь наше представление о бронзовом веке в нашей стране совершенно переменялось. Мы знаем, что все южно-русские степи знали эпоху бронзовой культуры; мы знаем, что бронзовый век существовал во всем бассейне Волги, т. е. в большей части наших внутренних областей.

Исследования В. А. в области бронзовой культуры во внутренней России завершились одной из самых ценных и интересных его работ. Я разумею «Культуру бронзовой эпохи в средней России» — большой труд, напечатанный в Отчете Росс. Ист. Музея за 1914 г.

Нет нужды в подробном разборе археологических работ В. А. Г. в других местностях России. Каждая его экспедиция, каждое исследование, произведенное им на месте, является, по своей систематичности и законченности, образцом, которому хотелось бы подражать. И каждое из таких исследований в полной мере своего содержания способствовало уяснению археологической физиономии данного края.

Мне хотелось бы в заключение остановиться еще на одной стороне деятельности и личности В. А. На В. А. — ча, воспринявшего наследие своих предшественников, легло как бы обязательство приготовить им и себе достойных последователей и вновь оживить, как будто несколько ослабленный, интерес к археологическим исследованиям. Это обязательство В. А. выполнил исчерпывающе. За учителем, который так искренно и глубоко верит в свое дело, как В. А., ученики пойдут всегда. И они пошли за ним. В. А. может гордиться, что семена, брошенные им, не пропали, а возшли обильной и богатой нивой.

И примером всей своей ученой деятельности и воздействием на своих многочисленных учеников и учебными руководствами, которые постепенно вырабатывались из читаемых им курсов, В. А. Г. сделал чрезвычайно много для того, что я назвал бы «археологической пропагандой». А эта пропаганда вела одинаково и к углублению, и к популяризации археологических знаний.

35-летняя деятельность не сломала сил и энергии В. А. и его любви к делу. Он все такой же энтузиаст своего дела, несмотря на много терний, которые ему пришлось преодолеть, пока он не завоевал себе место под научным солнцем, несмотря на тяжелые жизненные условия последних лет. Хотелось бы, чтобы эта исключительная душевная крепость, сила и любовь к своему делу служили ободряющим примером для всех учеников и последователей В. А. и для всех работающих рядом с ним.

Ю. Готье.

Запрещение студентам служить панихиду.

М. В. Д.
Московский
Губернский Тюремный
Инспектор.
18 февраля 1902 г.
№ 825.

Копия.
Совершенно секретно.

Господину Начальнику Московской
Пересыльной тюрьмы.

В виду доведенных Вами до моего сведения слухов о том, что содержащиеся во вверенной Вам тюрьме студенты намерены возбудить ходатайство о разрешении им служить панихиду по Императоре Александре II в день освобождения крестьян 19 февраля, я докладывал об этом г. Губернатору и его Превосходительство указал, что он не признает возможным разрешить удовлетворение такового ходатайства.

В виду сего предлагаю Вашему Выс. в том случае, если бы означенное ходатайство было возбуждено, таковое отклонить, разъяснив студентам, что панихида в этот день тюремными правилами не установлена и что они во всем подлежат подчинению порядку, установленному для заключенных их категорий.

Если же они будут ссылаться на то, что панихида в этот день служится в университете, то указать, что они более не принадлежат к слушателям университета.

Тюремный инспектор (подпись)

За делопроизводителя (подпись)

Письмо С. Н. Трубецкого к Лопатину.

Печатаемое ниже письмо С. Н. Трубецкого к Л. М. Лопатину относится, повидимому, к 1895 г., когда председатель Московского Психологического Общества, проф. Н. Я.-Грот, решил сложить с себя обязанности редактора журнала „Вопросы филос. и психол.“ и даже вел речь о закрытии журнала вовсе и передаче его в Петербург в связи с финансовыми затруднениями редакции вследствие крупной кражи из склада журнала. Вл. Соловьев писал об этом так: „Вянет лист, проходит лето, и рассеянные члены московской философии, возвратившись домой, протирают глаза: мерзость запустения на месте книжном! Начинается „лихорадочная деятельность“. Грот мечется в невропатических припадках, Левон ехидствует над ним, Трубецкой кипит избытком сил и т. д.“. Изображенные Соловьевым обстоятельства живо отражаются и в настоящем письме; послано оно в Петербург, где в это время находился Л. М. Лопатин и жена Трубецкого — Ирасковия Владимировна; А. И. Введенский — проф. Петербургского Университета. (П. П-ов).

Милый Левон!

Грот оказался ягненком. С первых же слов об'явил мне, что Введенскому ничего не писал и даже не знает, будет ли он издавать свой журнал. Во вторых об'явил, что согласен остаться председателем, с тем чтобы всякое *хозяйство* по журналу, а равно и редакционные обязанности были с него сняты. В третьих об'явил мне, что пьет *бром*, а не *ром* и только *поддерживает* себя пивом.

По моему все это весьма хорошо. Прочесть публичную лекцию предложил сам и просил созвать редакционный комитет в начале будущей недели.

Вот, милый мой! Перед от'ездом повидай Парашу и скажи ей, чтобы она повидала Введенского и попросила у него статью для нас (дабы выяснить его намерения). А затем пусть она попросит когонибудь из Петербуржцев гастролировать в нашу пользу.

Твой С. Трубецкой.

Издатель: Коопер. Т-во по изданию журнала
«Голос Минувшего».

Редактор: М. А. Цявловский.

Главлит. 11269.

39 тип. М. С. Н. Х. „Мосполиграф“, Путинковский, 3. Тир. 1500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. 1905 — 1906 год в Ясной Поляне (из записок Маковицкого под ред. Н. Гусева)	3
2. Запись о посещении Ф. М. Достоевского М. А. Поливановой . (9 июня 1880 г.) С примеч. И. Поливанова	29
3. В. Нечаева . Отец и сын. Юношеские годы. кн. П. А. Вяземского. (по неизл. материалам)	39
4. Г. Члков . Пушкин и театр.	57
5. Из переписки И. И. Панаева с В. П. Боткиным . С примеч. М. Цявловского	73
6. Из переписки Н. А. Некрасова с В. П. Боткиным . С примеч. И. Н. Розанова	81
7. Автограф Тютчева . С прим. Г. Чулкова	88
8. В. Н. Фигнер . После университета	89
9. Л. Нелидова . Памяти Г. А. Лопатина	101
10. Я. Полонский . Аристократке. Стих. с примеч. И. Н. Розанова	116
11. В. И. Даль . Помещичий быт в Украине 40 г.г. (из писем)	117
12. Черты Московской жизни 60-х г.г. по письмам сибиряка	123
13. А. Сидоров . Из воспоминаний цензора	129
14. К. Сивков . Провинциальные чиновники 30-х годов XIX века в оценке предводителя дворянства и губернатора	133
15. И. И. Попов . Минувшее и пережитое. Гл. VI — VII	137
16. В. Ольнем-Цеховская . Е. Н. Водовозова-Семевская	145
17. Ю. Готье . В. А. Городцов (к 35-летнему юбилею)	163
18. Именной указатель „Гол. Мин.“ за 1917 — 1922 (А — И)	169
19. Мелочи прошлого. 1) Эпизод с артисткой на казенной сцене (122). 2) Дело о платках с изобр. высочайших особ (144). 3) Запрещение студентам служить панихиду (167). Письмо С. Н. Трубецкого (168).	

Опечатка: на стр. 88, 2-ая строчка снизу напечатано: в 9-м ст.; следует: в 10-м ст.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

«Голоса Минувшего» за 1917 — 1922 годы:

(Составлен В. Е. Сыроечковским).

Настоящий указатель составлен по тому же принципу, по которому составлялись указатели «Голоса Минувшего» за прежние годы. Полностью перечислены лица, упоминаемые в отделах — русская история и история русской литературы. Из отделов же всеобщей истории и истории литературы взяты только те имена, которые или встречаются по связи с историей России, или, которым посвящены в журнале особые статьи.

В видах сокращения указателя под именем автора рецензий дается лишь перечень рецензированных им книг, полное же название книги дается под именем автора самой книги.

В некоторых книгах журнала встречается двойная нумерация. Страницы, отмеченные в книге римскими цифрами, в указателе обозначены цифрами арабскими, заключенными в скобки.

А.

Абаза, контр-адм. 17. IV. 15.
Абаза, Н. С., нач. Гл. Упр. по дел. печ. 18. IV—VI. 104.—19.V—XII. 64.
Абаза, А. А., прс. деят. 17. VII—VIII. 161. 162.
Абакумов, дир. карт. фабр. 17. IV. 43.
Абалидзе, В. А., арт. 18. VII—IX. 78.
Абалидзе, Т., арт. 18. VII—IX. 78.
Абкиров, знак. Чернышевск. 17. VII—VIII. 195.
Абрамов, офиц. 18. X—XII. 66.
Абрамов, М. Р., сотр. охр. Отд. 18. I—III. 257.
Абрамович, студ. 17. VII—VIII. 154.
Абрикосов, изд. 17. II. 254.
Августа, игум. 17. III. 60.
Авдеев, М. В., пис. 18. I—III. 186.
Авель, предсказат. 17. XI—XII. 30. 31.
Авенариус, В. П., пис. 18. I—III. 204.
Аверкиев, Д. В., драмат. 17. I. 164.—18. I—III. 200.
19. I—IV. 177—180, 197.
Аверкиев, нач. ген. шт. 18. VII—IX. 59.
Аверкиева. 19. I—IV. 179, 180.
Аветов, знак. Чернышевск. 17. VII—VIII. 195.
Авксентьев, Н. Д., пол. деят. 17. V—VI. 330—18. I—III. 303. IV—VI. 148, 152.
Аврамов, П. В., декабр. 17. VII—VIII. 51.
Агафонов, В. К., пис., эмигр. 18. X—XII. 262.
Агренев-Славянский, Д. А., певед. 18. VII—IX. 140.
Гр. Адлерберг, А. В., гос. деят. 17. V—VI. 51. VII—VIII. 146. 150. IX—X. 128, 129, 138.—18. VII—IX. 235.

Гр. Адлерберг, В. Ф., мин. д. тра. 17. V—VI. 51.—18. I—III. 243. VII—IX. 225.—22. I. 65—67.
Гр-я Адлерберг, Ю. Ф., нач. учред. импер. Марии. 19. I—IV. 96. 97.—22. I. 65, 67.
Адольф, Д. (дело Зайчинецкого). 22. I. 122, 126.
Адрианов, А. А., моск. градонач. 17. III. (14). V—VI. 268, 269. 280.—18. I—III. 95. 100, 102, 104, 105. IV—VI. 20. 307—309.
Адриасевич, учит. 17. VII—VIII. 200.
Азанчевский-Азанчев, томск. губ. 17. IV. 22, 73.
Азеф, Е. предат. 17. IV. 17, 25, 36, 84, 89. V—VI. 103. VII—VIII. 126. IX—X. 117. 286, 287, 293, 295, 296, 298, 303, 374, 382, 383, 386.—18. I—III. 162.—19. V—XII. 223.—22. I. 55.
Айвазовский, Н. К. худ. 19. I—IV. 195.
Антоп. 22. I. 4.
Акимов, М. Г., предс. Гос. Сов. 17. II. 242.—18. I—III. 133, 136.
Акимов. 17. VII—VIII. 78.
Акимова, см. Якимова, пол. деят.
Акимова, арт. 17. XI—XII. 225.
Аккерман, П. А., прокур. Его ст.: 1) Месяц в штабе армий. 17. IX—X. 2) В штабе дивизии. 17. XI—XII. 18. IV—VI. VII—IX.
Аксаков, П. С., пис. 17. II. 63, 64, 66, 251. V—VI. 76, 78, 80. XI—XII. 153, 235, 256.—18. I—III. 198, 215, 231. 233—249. VII—IX. 163, 165—184.—19. I—IV. 82, 84, 196, 199, 200. V—XII. 137, 146, 149.—20—21. 125, 126, 127.—22. II. 28, 59—90, 193.ц
Аксаков, К. С., пис. 17. V—VI. 240. XI—XII. 160, 161. 235.—18. I—III. 234, 236—238. VII—IX. 164, 166, 168, 169, 176, 178—181, 184.—19. I—IV. 104, 212.
Аксаков, С. Т., пис. 17. XI—XII. 235.—18. I—III. 234. VII—IX. 172.—19. I—IV. 212.
Аксакова, П. С. 19. I—IV. 82.
Аксаковы. 19. I—IV. 81—83.
Аксельрод, П. Б., соц.-дем. 17. IX—X. 383.—18. IV—VI. 339.—19. V—XII. 23. 31. 32, 207.—20—21. 67.
Аксенов, В. Д., моск. общ. деят. 19. V—XII. 142.
Акутин, уральск. войск. старш. 22. II. 24.
Александр I, имп. 17. I. 118, 130. IV. 45. V—VI. 36, 37, 40, 50, 105, 110, 111, 113, 124, 152. VII—VIII. 5—8, 10, 22, 32, 33, 35, 49, 50, 56. XI—XII. 160, 161, 168—172.—18. I—III. 184. IV—VI. 64. VII—IX. 224, 225. X—XII. 103.—19. I—IV. 47, 48.—20—21. 103.—22. I. 93. II. 28.

- Александр II, имп. 17. I. 84. II. 8. 19, 120, 124, 134. IV. 7. II. 39, 41, 45—47, 55, 69, 91, 92, 94, 100, 242. V—VI. 49, 81—83, 105, 107, 117, 118, 124, 125, 142, 143, 145, 151, 152. VII—VIII. 131, 135, 139, 144, 146, 165, 171, 184, 198, 214. IX—X. 11, 90, 92—95, 104, 106, 129, 130, 134, 142, 359. XI—XII. 30, 31, 167, 177, 229.—18. I—III. 184, 247, 250. IV—VI. 55, 57, 59, 62, 64, 83. VII—IX. 223, 224, 226, 228—235. X—XII. 159, 163, 166, 168.—19. I—IV. 102, 112, 115, 116, 132. V—XII. 7, 42, 63, 115, 146, 159, 167, 168, 205, 206.—20—21. 5, 7, 9, 32, 86, 89—91, 93, 128, 130, 131, 135, 136, 139.—22. I. 15, 70, 72. II. 56.
- Александр III, имп. 17. II. 51, 57, 60, 61. IV. 5, 8, 39, 40, 42—45, 49, 50, 52—55, 57, 62, 69, 91—93, 99, 100, 114. V—VI. 84—102, 105, 165. VII—VIII. 198, 215, 216, 252, 254, 257, 258. IX—X. 205, 231, 234, 236. XI—XII. 31, 230.—18. I—III. 143, 150, 174, 180, 182, 184, 219—230, 287. IV—VI. 59. VII—IX. 142, 230, 232, 235. X—XII. 235, 238, 239, 243, 244, 246—248, 250, 254, 257, 258, 266, 271, 274—279, 281, 282, 285—289, 293, 294.—19. I—IV. 196, 199. V—XII. 100, 150, 159, 164.—20—21. 5, 170—172, 176, 179, 181, 182, 185, 186, 188.—22. I. 162, 169—172, 174, 175. II. 56, 124, 158.
- Александр Михайлович, в. кн. 17. IX—X. 191, 193, 206, 236.—18. VII—IX. 49.
- Александра Николаевна, в. кн. 18. VII—IX. 227.
- Александра Петровна, в. кн. 20—21. 186.
- Александра Федоровна, имп. (жена Николая I). 17. XI—XII. 144, 151, 163, 164, 167.—18. VII—IX. 233.—22. I. 65. II. 122.
- Александра Федоровна, имп. (жена Николая II). 17. III. (9), 7, 8, 12, 13, 25, 26, 28, 31—33, 35, 39, 44, 56—58, 61, 62, 73, 83, 84, 87, 88, 90, 91, 93, 94, 96—98, 102, 107—115, 119, 121, 126, 133, 135, 138—140, 143, 145, 148, 152—154, 156, 159, 161, 176, 178, 183, 187. IV. 6, 7, 55, 78, 79, 84, 85, 88, 104, 106, 111. V—VI. 105. IX—X. 201, 240.—18. I—III. 97, 110. IV—VI. 11, 19, 38, 41, 42. VII—IX. 32, 39, 41, 42, 46—48, 51, 54—56, 311, 312.—20—21. 168, 174, 179, 184—187.
- Александрин, А. II. 17. VII—VIII. 208.—18. X—XII. 250.
- Александров, А. II. ниж. 18. IV—VI. 288.
- Александров, заштит. Засулич. 18. VII—IX. 150—153, 155.
- Александров, В., драмат. 19. V—XII. 157.
- Александров, В. С., укр. пис. 18. X—XII. 144.
- Александрова, В. И. (Патансон). 22. II. 168, 179.
- Александрова-Кочетова, арт. 17. XI—XII. 227.
- Александровский, А. II. Его ст. «Периодические нападения «Народной Воли». 17. VII—VIII.
- Александровский, В. Его ст. «Полвека среди духовенства». 17. XI—XII.
- Алексеев, пол. деят. (1826 г.). 17. VII—VIII. 76.
- Алексеев, чл. суда. 17. III. 180.
- Алексеев, адм. паметст. Дальн. Вост. 17. II. 88, IV. 15, 66, 67. IX—X. 210—213, 217, 231. XI—XII. 23.—18. VII—IX. 123.
- Алексеев, А. С., проф. 17. II. 43.
- Алексеев, В. М., главнокоманд. 18. I—III. 290—292, 308. VII—IX. 39, 40.
- Алексеев, В. П., ист. Его ст.: 1) Первые Романовы у власти. 18. VII—IX. 2) Студенческий кружок Аргипропуло и Зайчиевского и его деятельность. 22. I.
- Алексеев, Н. А., моск. город. голова. 17. IV. 58.—19. V—XII. 152—154.
- Алексеев, Н. С., дир. деп. ин. исповед. 17. II. 158.
- Алексеев, Н. А., раб. пол. деят. 17. IX—X. 145, 146.—22. I. 29.
- Алексей, экз. Грузин. 17. III. 110, 111, 160, 161.
- Алексей Александрович, в. кн. 17. IV. 7, 126, 147. IX—X. 216, 240.—18. I—III. 97, 143.—20—21. 174, 180.—22. II. 56.
- Алексей Михайлович, в. кн. 17. IV. 126.
- Алексей Михайлович, царь. 18. VII—IX. 221.
- Алексей Николаевич, в. кн. 17. III. 26, 31, 86, 113, 122, 146, 183. IV. 85. XI—XII. 34.—18. IV—VI. 11, 35, 42. VII—IX. 37, 51.—20—21. 185.
- Алексеевко, студ. 22. II. 128.
- Алексинский, Г. А., пол. деят. 17. V—VI. 317, 330, 340.
- Алмазов, Б. А., пис. 19. I—IV. 83.
- Алчевская, Х. Д., общ. деят. 19. V—XII. 77.
- Д'Альгейм, П. Его ст. «Ходынский ужас». 17. IV. 0 нем. 17. IV. 105.
- Алюхин, педагог. 19. I—IV. 176, 177.
- Алябьев, А. А., композ. 20—21. 99.
- Амвросий, отшельн. 17. IV. 65.
- Амвросий, еписк. 17. II. 55, 56.
- Аметовы, знак. Чернышевского. 17. VII—VIII. 195.
- Амфитеатров, А. В., пис. 17. IX—X. 230.—18. IV—VI. 80. VII—IX. 55, 58.—20—21. 96.
- Апаньина, М. А. (дело 1 марта 1887 г.). 18. I—III. 220. X—XII. 262, 278, 279, 284, 290, 292, 293.
- Апаньина, Л. И. 18. X—XII. 262, 278, 279, 284, 290.
- Анастасьев, черниг. губ. 17. I. 230.
- Анастасия Николаевна, в. кн. 17. III. 32, 34.
- Андреев, дек. 17. VII—VIII. 58.
- Андреев, народоп. 19. V—XII. 58.
- Андреев, А. М. 17. I. 269, 271.
- Андреев, Л. Н., пис. 18. X—XII. 71.
- Андреев, М. П., предвод. двор. 18. I—III. 159, 168, 171.
- Андреев, Н., с.-д. 18. X—XII. 280.
- Андреев, П., с.-д. 18. X—XII. 280.
- Андреева, учит. 19. V—XII. 76.
- Андреев—Бурлак, В. Н., арт. 17. II. 258.—18. VII—IX. 77.—19. V—XII. 156.
- Андреевич 2-й, Я. М., декабр. 17. VII—VIII. 56, 57, 59, 61, 62.
- Андреевский, И. Е., проф. 17. I. 137. II. 48, 60, 61.—18. X—XII. 294.
- Андреюшкин, П. Н., пол. деят. 17. II. 58, 60. IX—X. 373.—18. X—XII. 238, 245, 246, 258—260, 263—265, 267—270, 272—274, 277, 283, 290, 291, 293.
- Андривский, А., укр. деят. 17. V—VI. 245.
- Андривский, М., укр. деят. 17. V—VI. 245.
- Кп. Андронников. 20—21. 175.
- Андронов, С., с.-д. (Альбин). 22. I. 57.
- Андросов, В. П., пис. 17. I. 274—277.
- Андрусский, Г., студ., чл. Кир.-Меф. о-ва. 18. X—XII. 109, 118, 120, 145, 155, 156.
- Андрущенко, И., пол. деят. 22. I. 103.
- Ансяимов, А. И., вет. искуе. 17. I. 17.
- Аничков, Е. В., проф. 17. IX—X. 204.
- Анна Федоровна, в. кн. 17. VII—VIII. 5.
- Аниенков, ген.-м. 18. I—III. 59.
- Аниенков, И. А., нижегор. предв. двор. 18. I—III. 158, 166, 170.
- Аниенков, И. А., дек. 17. VII—VIII. 16.
- Аниенков, пол. деят. 19. V—XII. 69, 77.
- Ашеников, киевск. ген.-губ. 17. V—VI. 246.

Авнянков, П. В. 17. VII—VIII. 80.—18. I—III. 187.—19. I—IV. 209, 210, 212—220.—22. I. 130. II. 190, 192.
 Ашнейский, Н. Ф. 17. IX—X. 225. XI—XII. 21, 61.—22. I. 20, 99, 140, 151.
 Аносов. 19. V—XII. 71.
 Анохин, А. А., сотр. охр. отд. 18. I—III. 277.
 Антонелли, П. Д., пол. аг. по делу Петраш. 17. II. 144—149, 151, 154, 156.
 Антоний, еп. Волинск. 17. III. 6, 9, 25, 27, 107, 108, 111, 112, 128, 131, 148, 163, 166, 167, 171.—18. VII—IX. 144.
 Антоний, еп. Тобольск. 17. III. 29, 75.
 Алянский, митр. Петерб. 17. III. 31, 104, 118, 128, 163, 169. VII—VII. 271, 272, 274. IX—X. 188, 198. XI—XII. 66.—18. IV—VI. 219.
 Антонов, больш. 17. V—VI. 325.
 Антонов, П. Л. шлссельб. 17. VII—VIII. 266, 267, 272, 275, 283.—18. IV—VI. 73.
 Антонович, засед. 22. I. 86.
 Антонович (дело Сунгур.). 19. I—IV. 62, 63.
 Антонович, А. Я., проф. 18. VII—IX. 137—141.
 Антонович, В. Б., проф. 17. V—VI. 245.
 Антонович, М. А., публ. 18. I—III. 198. IV—VI. 83.
 Анушин, Д. Н., проф. 17. II. 257, 319. XI—XII. 209.
 Анушин, Д. Г., ген.-губ. Вост. Сиб. 20—21. 5. 22. I. 97.
 Анушин, Е. П., упр. каз. палат. 17. II. 319.
 Апостол-Кегич, дек. 17. VII—VIII. 65.
 Гр. Апраксин. 17. XI—XII. 212.
 Гр. Апраксин, П. Ф., ген.-л. 18. I—III. 66.
 Гр. Апраксин, ген.-м. (усмирит. в Бездн). 17. IX—X. 90—97, 102.
 Апсеитова, З. 19. V—XII. 212.
 Аптекман, щорихс. студ.-а. 22. II. 168, 170, 177.
 Аптекман, О. В., пол. деят. 20—21. 30, 40.—22. I. 76.
 Апухтин, А. Н., поэт. 19. I—IV. 100.
 Гр. Аракчеев, А. А. 17. VII—VIII. 6, 96. IX—X. 378. XI—XII. 167, 172.
 Арапов, пис. 20—21. 99.
 Арапов, Н. уч. Распутина. 17. III. 40, 42.
 Арапов, Н. Д., об.-полнц. 19. V—XII. 127.
 Арбузов, Н. А. поэт. 19. I—IV. 110.
 Арбузов, дек. 17. VII—VIII. 15—18, 21, 24, 32, 37.
 Аргиропуло, П., полит. деят. 22. I. 102—108, 111—116. 118—123, 125—128.
 Аргунов, П., студ. 18. X—XII. 250.
 Аргунов, соц.-рев. 18. IV—VI. 152.
 Аристархов, Н. А., чл. Св. Друж. 18. I—III. 158.
 Аркас, Н. А., лейт. 17. II. 128, 129.
 Арманд, Л. А., соц.-рев. 18. IV—VI. 8.
 Армфельд, Н. А., народов. 18. X—XII. 169, 181, 183, 186—188, 190, 192—209, 213, 215—219.
 Армфельд, А. В., мать Н. А. 18. X—XII. 192, 195, 206, 212, 213.
 Армфельд, Н. А., брат Н. А. 18. X—XII. 203.
 Арндт, лейб.-мед. 17. II. 292, 293.
 Арнольд, В. С., соц.-дем. 18. I—III. 259.
 Арнольд, М. К. Его: 1) «Воспоминания». 17. II. 2) «Наказание контрабандиста при Николае I». 17. IX—X. Арнольд, Ф. Ф., суд. деят. 18. I—III. 158, 164, 170. IV—VI. 221.
 Арнольди, М. К., команд. погранич. стражп. 17. IX—X. 357.
 Аропский, Н. В., полит. ссыльп. 22. I. 94.
 Арончик, А. Б., народов. 17. VII—VIII. 175. IX—X. 148.—19. V—XII. 81.

Арсеньев, Н. Т. в.-губ. Волинск. 18. VII—IX. 113, 119, 120.
 Арсеньев, К. К. публик. Его ст.: «Из театральных воспоминаний». 17. II. О нем: 17. II. 225—234.
 Артемьев, Е., старш. 22. I. 87, 88.
 Архангельский, П. Г., пис. Рен. П. Фирсова. Его кн.: «Погостные наказания 1767 г.». 17. II.
 Архипов, П. И., част. пов. 17. XI—XII. 206.
 Архипов, Н. П., прис. пов. 17. XI—XII. 206.
 Архипов, М. П., юрист. 17. XI—XII. 206, 209.
 Архипов, С. П., студ. 17. XI—XII. 206, 207.
 Архипов, П. П., проф.-хим. 17. XI—XII. 206.
 Арцимович, В. А., губерн. 22. II. 80.
 Арцыбашев, дек. 17. VII—VIII. 16.
 Аршаулов, П., соц.-дем. 18. X—XII. 280.
 Аскоченский, В. Н., пис. 18. I—III. 198, 199.
 Астафьев, нижегор. уездн. предвод. двор. 18. IV—VI. 218.
 Астров, Н. Н., общ. деят. 18. I—III. 311. IV—VI. 80.
 Астрыев, Н. М. 17. II. 259—264.—22. I. 10, 11, 22. II. 129.
 Атабеков, Н. С., соц.-дем. 17. VII—VIII. 368.
 Афанасьев, А. Н. 22. I. 133.
 Афанасьев, М., деят. Пресненск. восстан. 18. IV—VI. 120, 122.
 Афанасьева, Т. А. 20—21. 19, 21, 24, 25.—22. I. 87, 88.
 Ахаткин, пол. ссыльп. 20—21. 16, 17.
 Ахлестышев, тверск. губ. 17. IV. 101.
 Ахматов, ценз. 19. I—IV. 102.
 Ахпарумов, Д. Д., петрашев. 17. II. 156.—19. V—XII. 103.
 Ашанина, М. Н., см. Оловяникова.
 Ашенбреннер, М. Ю., народов. 17. VII—VIII. 203, 261.—18. I—III. 225.—19. V—XII. 49, 53—56, 91, 92, 94.—22. II. 155.
 Ашятков, С. И. 18. X—XII. 250.

Б.

Бабет, Н. К., проф. 17. XI—XII. 191, 196, 219.
 Бабухин, А. И., проф. 17. XI—XII. 193.
 Кн. Багратион, П. И. 17. V—VI. 37.
 Кн. Багратион-Мухранский, М. 17. XI—XII. 232.
 Багриновский, мир. суд. 17. XI—XII. 224.—19. V—XII. 141.
 Бадмаев, П. А., тибетск. врач. 17. III (9). 141—151, 154, 155. IV—VI. 229.
 Баженов, М. Н., прокурор. 19. V—XII. 165.
 Базанов, придвор. свящ. 17. V—VI. 75—78, 80.
 Базанова, скульпт. 22. I. 145.
 Базилевский, В. И., золотопром. 17. IX—X. 78, 81.
 Байков, генер. 17. VII—VIII. 54.
 Байков, харьк. инсп. студ. 17. VII—VIII. 79.
 Байков, И. С., сотр. охр. отд. 18. I—III. 268.
 Бакирев, Я. П., 22. II. 19.
 Бакунин, А.-ей А., земск. деят. 19. I—IV. 202.—20—21. 140.
 Бакунин, А. М. (отец А. А. и М. А. Б.-ых). 19. I—IV. 202.
 Бакунин, М. А., анарх. Его: «Письмо В. Боткину». 22. II. О нем: 17. II. 145, 146. IX—X. 155, 156.—18. I—III. 202. VII—IX. 92. XI—XII. 119.—19. I—IV. 202. V—XII. 33, 34, 201, 202.—20—21. 70, 128—149.—22. I. 78, 85, 120, 129, 140. II. 49, 51, 75, 90, 165, 168, 173, 174, 176, 177, 202.
 Бакунина, Н. А., брат М. А. Б.-на. 19. I—IV. 202.
 Бакунина, Е. П. 20—21. 105.
 Бакунина, Н. С. 19. I—IV. 201.

- Бакунина, Е., сестра М. А. Б-на. 20—21. 140.
 Бакунина, Т. А., сестра М. А. Б-на. 19. I—IV. 201—203.
 Бакунины, А. А. и В. А., сестры М. А. Б-на. 19. I—IV. 202.
 Балабуха, слух. харьк. ун. 17. VII—VIII. 78, 94, 96, 102.
 Баласогло, петраш. 17. II. 146.—19. I—IV. 209.
 Балетта, арт. 17. IX—X. 216, 240.
 Баллод, П. Д., пол. деят. 19. I—IV. 136.—20—21. 29, 31—33.
 Баллод, Ф. В. Его ст.: «Русская литература по Египту за последние годы». 17. II.
 Балмашов, С. В., соц.-рев. 17. IV. 12. VII—VIII. 267, 268. IX—X. 374.—18. VII—IX. 143. X—XII. 37, 296.
 Бальбициновский, свящ. 17. IX—X. 97.
 Де-Бальмен, Я. 18. X—XII. 151.
 Бальмонт, К. Д., поэт. 17. XI—XII. 256.
 Бальц, уч. немец. яз. 17. II. 157, 158.
 Баранников, А. И., пол. деят. 17. VII—VIII. 128, IX—X. 152.—19. V—XII. 46, 59, 60, 63.—20—21. 37, 65.
 Баранов, нижегор. губ. 17. IV. 94.—22. I. 16, 20.
 Баранов, пом. прист. 18. I—III. 253.
 Гр. Баранов, А. П., тов. прокур. 18. I—III. 157, 163, 170.
 Баранов, Н. Д., полит. ссыльн. 18. X—XII. 295.
 Гр-ня Баранова. 22. II. 191.
 Барановский, ген. 18. I—III. 291.
 Барант, фран. посол. 17. II. 293.
 Баратынский, Е. А., поэт. 20—21. 119, 120.
 Барвинские, бр., укр. общ. деят. 17. IX—X. 167.
 Бардина, С. И., деят. народн. движ. 17. IX—X. 145, 146.—22. II. 169, 175, 179.
 Бари, уч. нем. яз. в корп. 17. II. 157, 158.
 Барк, П. Л., мин. фин. 18. IV—VI. 19, 25. VII—IX. 48, 50.
 Барклай-де-Толли, М. Б., фельдм. 17. V—VI. 38, 40.
 Барсков, Я. Л., пет. 17. I. 73.
 Барсон, К. П., проф. 19. I—IV. 104.
 Бартнев, пол. деят. 18. X—XII. 252.
 Бартнев, П. И., ред. Русск. Арх. Его: 1) «Записи рассказов о Романовых». 18. VII—IX. 2) Из записной книжки. 19. I—IV. О нем: 17. IX—X. 84, XI—XII. 156, 161.—18. VII—IX. 177, 178, 223, 224, X—XII. 252.—20—21. 119, 122.—22. II. 108—111, 118—120, 122.
 Бартольд, соц.-рев. 17. V—VI. 276. IX—X. 297.
 Баршев, С. И., проф. 17. XI—XII. 189, 197.—19. I—IV. 104.
 Баршева, О. А., классн. дама. 19. V—XII. 172—178.
 Барышева, Л. П. (Воронцова), пол. деят. 20—21. 47, 48, 51, 66, 67.
 Барышников, Ш. А., сотр. охр. отд. 18. I—III. 267.
 Кн. Барятинский, М. П., бояр. 18. VII—IX. 200.
 Кн. Барятинский, Н. П., бояр. 18. VII—IX. 194, 202.
 Кн. Барятинский, А. И., дек. 17. VII—VIII. 49, 50, 54.
 Кн. Барятинский, А. И., фельдм. 18. VII—IX. 227.—22. I. 66, 67.
 Кн. Барятинский, ген.-ад. 17. IV. 47. V—VI. 90.
 Басаргин, Н. В., дек. 17. VII—VIII. 68, 69.
 Басов, И. И., студ.-техпол. 17. II. 29, 33, 34.
 Батенков, Г. С., дек. 17. I. 226. VII—VIII. 13, 14, 17, 23, 26—30.
 Батурий, П. И., полковн. 18. I—III. 49.
 Батурий, П. С. Его: «Записки». 18. I—III. IV—VI. VII—IX. О нем: 18. I—III. 47—56.
 Батюшкова, В. Н., деят. народн. движ. 18. X—XII. 193.
 Бауер, генер. 17. V—VI. 38.
 Бауер, В. В., проф. 17. IX—X. 14, 20, 23, 30—32, 34, 36.
 Бауман, Н. Э., соц.-дем. 22. I. 57.
 Бах, А. Н., пол. деят. 18. X—XII. 239.—19. V—XII. 79.
 Бахметев, пол. аг. в Болгар. 17. IX—X. 197.
 Бахметев, пензенск. воен. губ. 17. VII—VIII. 103.
 Бахметьев, Н. П., повгор. предвод. дюр. 17. II. 118, 119.
 Бахметьев. 20—21. 65.
 Бахметьев. 22. II. 65.
 Бахметьев, секр. ред. «Русск. Мысли». 17. II. 255, 266—274.
 Бахметьева, ст.-дама. 18. I—III. 250. IV—VI. 48.
 Бахметьева. 22. II. 87.
 Бахрушин, А. П. Ред. II. Некрасова его «Записной книжки». 17. II.
 Бахрушины. моск. общ. деят. 19. V—XII. 142.
 Бачин, полит. деят. 22. I. 82—84.
 Бачманов, ген. 17. IX—X. 108, 109.
 Башплов, А. Ф. сенат. 18. IV—VI. 189.
 Башмаков, дек. 17. VII—VIII. 63.
 Башуцкий. коменд. Зимн. Дворца. 17. VII—VIII. 40, 41.
 Кн. Бебутов, А. А. 17. IX—X. 87.
 Бегичев, оф. 17. VII—VIII. 107—109, 111, 117, 118, 120.
 Бегичев, А. И. 17. II. 282.
 Бегер, А. А., знаком. Бакунина. 19. I—IV. 202.
 Безак, Н. А., нижегор. губ. 18. I—III. 159, 168, 171.
 Кн. Безбородко, А. А., гос. деят. 17. XI—XII. 158, 159.
 Безобразов, полковн. 17. IV. 15, 16, 23.—20—21. 172.
 Безобразов, А. М., ст. секр. 18. I—III. 145.
 Безобразов, В. П., проф. 17. II. 267. IX—X. 141, 142, XI—XII. 219.—22. II. 182—193.
 Безобразов, М. П. 17. XI—XII. 219.
 Бессонов, П. А., славист. 18. VII—IX. 177.—22. I. 133.
 Бессонов, чин. 17. IX—X. 20.
 Бессонов, жанд. полк. 22. I. 57.
 Бейлис, Г. 22. I. 52.
 Бекерс, Э., годетв. Григоровича. 19. I—IV. 93, 94, 96.
 Бекетов, Ан. Н., проф.-ботан. 17. V—VI. 241, 258, VII—VIII. 159.
 Бекетов, В. П., ценз. 17. XI—XII. 253—255, 262, 263.
 Бекетов, П. Д., церемон. 18. I—III. 159, 169.
 Беклемисhev, А. И., петраш., впослед. могилев. губерн. 22. I. 61.
 Беклешов, А. А., ген.-прок. 18. I—III. 56. VII—IX. 120, 121, 123.
 Белагин, А. Ф., жанд. 18. I—III. 251.
 Гр. Белевский, А. А. 18. I—III. 97.
 Белевский, дек. 17. VII—VIII. 65.
 Белецкий, П. И. (дезо Петраш.). 17. II. 148—157.
 Белецкий, С. П., тов. мин. ин. д. 17. V—VI. 268.—18. I—III. 107, 251, 252. IV—VI. 308, 309. VII—IX. 29—32, 35, 36.
 Беликов, жанд. ротм. 18. I—III. 253, 279.
 Белино-Бржезовский. 19. V—XII. 221.
 Белинский, В. Г. 17. I. 275, 276.—18. I—III. 202, IV—VI. 60, 62, 103, 370. VII—IX. 91, 92.—19. I—IV. 26, 27.—22. I. 134, 135.
 Белин, выслан. студ. 17. VII—VIII. 201.
 Белипо-Млоковский, рус. пол. аг. в Париже. 17. IX—X. 112, 118.—22. II. 57.
 Белякстин, дир. тамож. деп. 17. IX—X. 193, 194.
 Белоголовый, Н. А., докт. 18. IV—VI. 99.—20—21. 102.

- Белозерская, пис. 17. V—VI. 242, 243.
 Белозерский, В. М., укр. пис. 18. X—XII. 106, 120, 123—125, 127, 130, 142, 144, 147, 148, 150, 153—155.—19. I—IV. 209, 210, 212.
 Белозерский, И., укр. 17. V—VI. 245.
 Белокопская, В. Н., общ. деят. 17. I. 240, 241.
 Белокопский, И. П. Его. ст.: 1) «Отрывки из воспоминаний». 17. I.
 Белокрыльцев, К. И., зем. деят. 17. IV. 92.
 Белоусов, соц.-дем., чл. Гос. Думы. 17. V—VI. 340.
 Белый, докт., ссыльн. 22. I. 91.
 Бельгард, полтав. губ. 22. II. 130.
 Бельгард, А. В., нач. Гл. Упр. по дел. печ. 18. I—III. 98, 99.
 Беляев, А. П., дек. 17. VII—VIII. 18, 35, 37.
 Беляев, И. Д., ист. 18. VII—IX. 169, 177, 178.—22. I. 133.
 Беляев, ген. 18. VII—IX. 51.
 Беляев, мор. 17. IX—X. 227.
 Беляевы, бр., дек. 17. VII—VIII. 13, 17, 18.—20—21. 102.
 Беляков, И. Е., крест. пис. 22. I. 12—14, 18, 22.
 Бенедиктов, В. Б., поэт. 19. I—IV. 115.
 Гр. Бенкендорф, А. Х., шеф жанд. 17. II. 289, 293. V—VI. 51, 112. VII—VIII. 77, 93, 101, 105, 107. XI—XII. 172.—18. VII—IX. 80—82.—19. V—XII. 164.—20—21. 102, 111, 122.—22. II. 194, 195, 197.
 Бенкендорф, посол в Лондоне. 18. IV—VI. 36.
 Гр-я Бенкендорф, жена посла в Лондоне. 17. IV. 67.
 Беннингсен, Л. Л., гос. деят. 17. V—VI. 108.
 Бенуа. 17. IV. 43.
 Бер, А. С., бирж. макл. 18. I—III. 158, 166, 170.
 Берви, В. В. (Флеровский), пис. 18. IV—VI. 63, 69.—20—21. 16.
 Берг, Ф. П., поэт. 19. I—IV. 189, 191.
 Берг, Н. В., пис. 18. I—III. 233, 237.
 Березин, М. Е., тов. предс. Гос. Думы. 17. IV. 32.
 Березовский (покуп. на жизнь Александра II). 18. VII—IX. 229, 230.
 Березовский, зоолог. чл. эксп. Цотаняна. 22. I. 139, 143, 145.
 Беринг, А. А., моск. об.-полцим. 18. I—III. 244.
 Беркгейм, А. М., коопер. 18. IV—VI. 80.
 Беркович, М. (дело) 1 марта 1887 г.). 18. X—XII. 284.
 Берман, Р. И., сотр. охр. отд. 18. I—III. 266, 267.
 Бернгард, Н., губ. регистр. 19. I—IV. 72, 73.
 Берс, С. А., шурип Л. Н. Толстого. 19. I—IV. 224, 225.
 Бестужев, А. А., дек. (А. Марлинский). 17. V—VI. 3. VII—VIII. 14, 33, 36—40. 20—21. 100.
 Бестужев, М. А., дек. 17. VII—VIII. 21, 36—40, 42, 45, 46. IX—X. 46—20—21. 102.
 Бестужев, Н. А., дек. 17. VII—VIII. 13—15, 17—19, 21, 28, 30, 33, 34, 35, 37.
 Бестужева. 19. I—IV. 180.
 Бестужевы, бр-я, дек. 17. VII—VIII. 15, 22, 38, 39, 43.
 Бестужев-Рюмин. К. Н., проф. 17. II. 48. IX—X. 14—25, 27, 29—38, 77.
 Бестужев-Рюмин, М. П., дек. 17. VII—VIII. 53, 55—63, 65, 67, 68, 100.—20—21. 100.
 Бечасный, дек. 17. VII—VIII. 56, 58, 60.
 Бибииков, фл.-ад. 17. VII—VIII. 42.
 Бибииков, Д. Г., гос. деят. 17. V—VI. 239.—18. X—XII. 148—150.
 Бибииков, И. Г., ген.-ад. 17. 91, 92, 95.—19. I—IV. 111.
 Бибииков, пис. 18. VII—IX. 172.
 Бибииков, дир. корп. 17. II. 152, 154, 158.
 Бибииков, жидр. мир. посред. 18. X—XII. 167.
 Бильбасов, В., студ. 17. I. 161.
 Бильдерлинг, ген. 17. IV. 8.
 Билярский, П. С., ак. 17. II. 168.
 Бирилев, А. А., морск. мин. 17. IV. 126. XI—XII. 40, 50.—18. IV—VI. 330.—20—21. 178.
 Бирюков, А. С., ценз. 17. I. 268.
 Бирюков, П. И., толст. 18. IV—VI. 291, 307.—19. V—XII. 184.
 Бар. Бистром, Е. А., мир. суд. 18. I—III. 157, 164, 170.
 Бар. Бистром. 17. XI—XII. 211.
 Битовт. педаг. 17. XI—XII. 176.
 Бищенко, соц.-рев. 18. X—XII. 38.
 Благовещенский, Н. М., проф. 17. I. 137.
 Благовещенский, Н. А., пис. 18. I—III. 187.
 Благовосветлов, Г. Г., журнал. 17. II. 160, 163.—18. VII—IX. 97.—19. I—IV. 163.—22. II. 44.
 Близнюк, соц.-рев. 18. IV—VI. 156.
 Блинов, студ. 17. II. 19.
 Блинова, пюрикск. студ. 22. II. 167.
 Блисснер, И. Б., чл. Св. Друж. 18. I—III. 158.
 Блок, самарск. губ. 17. IV. 29.
 Гр. Блудов, Д. Н., гос. деят. 17. V—VI. 75, 76. IX—X. 84. XI—XII. 146.—18. VII—IX. 228. X—XII. 149.—22. II. 108.
 Гр-я Блудова, А. Д., пис. 17. V—VI. 73—80. XI—XII. 146, 255.—18. VII—IX. 226.—19. I—IV. 106.—22. II. 28, 38, 108.
 Блюмер, пол. деят. 22. II. 75.
 Блюмфельд, больш. 18. I—III. 267.
 Боборыкин, П. Д., пис. 18. I—III. 199.
 Бобриков, Н. И., ген.-губ. Филл. 17. IV. 15. IX—X. 232.
 Гр. Бобринский, А. А., гофм. 17. IV. 127, 159, 163, 166, 173, 174, 187, 199, 207, 208, 221, 222, 226, 227, 235, 249, 251.—18. I—III. 112. VII—IX. 138.
 Гр. Бобринский, В. А., мин. пут. сообщ. 18. VII—IX. 228, 229.
 Гр. Бобринский, петерб. предв. двор. 17. IX—X. 129, 130.
 Гр. Бобринский, А. В., моск. предв. двор. 17. XI—XII. 217.
 Бобрищев-Пушкин, П. С. 2-й, дек. 17. VII—VIII. 50—52.
 Бобрищев-Пушкин, Н., дек. 17. VII—VIII. 52, 53.
 Бобров, фельдш. 17. VII—VIII. 32, 33.
 Бобров, суб.-пис. 17. XI—XII. 198.
 Богаевский, Н. П. 17. VII—VIII. 97, 102.
 Богговут, А. Ф. 19. I—IV. 96, 97.
 Богданов, А. П., проф. 17. XI—XII. 181—183, 186, 230, 237.—19. V—XII. 131, 141.
 Богданов, дек. 17. VII—VIII. 16.
 Богданов, пол. аг. 17. VII—VIII. 183.
 Богданов, С. Я., изд. «Киевск. Газет». 18. IV—VI. 225.
 Богданов, прокурор. 17. III. 180.
 Богданович, Ю. Н. (Кобозев), народов. 17. VII—VIII. 203. IX—X. 152.—19. V—XII. 56, 59, 62—65, 76.—22. I. 71.
 Богданович, львовск. проф. 22. I. 88, 97, 98.
 Богданович, Уфимск. губ. 17. IV. 17. IX—X. 180—18. X—XII. 23, 24.
 Богданович, жанд. ген. 18. VII—IX. 98.
 Богданович, Е. В., ген.-пис. 17. IV. 74, 82. XI—XII. 54, 55.
 Богданский, толстов. 18. IV—VI. 291.
 Богинич, В. В., проф. 17. VII—VIII. 201.
 Боголепов, Н. П., мин. нар. просв. 17. IV. 13. IX—X. 181, 237.
 Боголюбов, А. П., худ. 22. II. 57.

- Боголюбов (Емельянов), А. А., народов. 18. VII—IX. 148—150, 152—19. V—XII. 203, 204—20-21. 85.
- Боголюбов, студ. дух. ак. 17. IX—X. 106.
- Боголюбов, петерб. студ. 17. I. 159, 162—164.
- Богомолец, С. Н., пол. деят. ца. 18. X—XII. 181, 194.
- Богораз, В. Г., пол. деят., пис., 18. X—XII. 239, 241, 268.
- Богославский, предат. 17. II. 77.
- Богров, Д., уб. Столыпина. 17. III. 103. IV. 37. VII—VIII. 378.
- Богуславский, студ. 17. II. 19.
- Богучарский, В. (он же Базилевский. псевд. В. Я. Яковлева. Его ст. «В 1878 г.» 17. VII—VIII. IX—X. О нем: 17. IX—X. 386. XI—XII. 21.
- Богусевич, Ю. В., журнал. 17. I. 141, 163, 164.
- Бодиско, дек. 17. VII—VIII. 17, 18, 37.
- Бодиско, С. А., морск. оф. 17. IX—X. 221.
- Бодиско, К. Я. 17. XI—XII. 46.
- Бодиско, Д. М. 17. XI—XII. 53, 55, 60, 79.
- Бодянский, О. М., слав. 17. I. 266. XI—XII. 234. 18. X—XII. 111, 112—19. I—IV. 81—83, 206—22. I. 133.
- Бодянский, 18. IV—VI. 291.
- Бокова, М. А. (Сеченова). 22. II. 165.
- Болотников, П. (дело Зайцевск.). 22. I. 126.
- Болотов, А. Т., авт. мемуар. 22. II. 20, 21, 182—184.
- Болховский, ген. 19. I—IV. 49.
- Большаков, С. П., куп. 18. I—III. 159, 169.
- Бонч-Бруевич, В. Д., пис. 18. IV—VI. 291.
- Бонч-Бруевич, ген. 18. I—III. 304.
- Бордепав, упр. канц. моск. ген.-губ. 18. IV—VI. 107, 130.
- Борзенков, А. А., проф. 17. XI—XII. 188.
- Борзов, квартальн. 18. VII—IX. 81.
- Борис Владимирович, в. кн. 17. IV. 16. V—VI. 98. IX—X. 193, 226. XI—XII. 62, 63—18. VII—IX. 46, 54.
- Борисенко, нач. почт. конт. 20-21. 19, 20.
- Борисов, П. И., дек. 17. VII—VIII. 53. 56—61, 111. —18. X—XII. 103, 104.
- Борисов, А. И., дек. 17. VII—VIII. 57—60.
- Борисов, П., цирюльник. 19. I—IV. 74.
- Борисова, М. 17. II. 282.
- Борман, пис. ца. 17. IX—X. 204.
- Боровиков, Е. М., сотр. охр. отд. 18. I—III. 275, 276.
- Боровков, делопр. следств. комис. по делу дек. 18. X—XII. 103.
- Боровой, А. А. 18. IV—VI. 80.
- Бородин, М. М., казак. 22. II. 21—24.
- Бородулин, нач. Алгач. тюрьмы. 18. X—XII. 49, 51—55, 63, 66.
- Бостанжогло, В. М., моск. общ. деят. 17. XI—XII. 219.—19. V—XII. 142, 144.
- Боткин, В. П., пис. 19. I—IV. 120, 126, 219—22. I. 129, 134—137, 202.
- Боткин, С. П., 17. II. 253.
- Боткин, Н. П. 19. I—IV. 236, 237, 239.
- Боткин, М. П., ак. 19. V—XII. 160.
- Боткин, П. И., чл. св. Друж. 18. I—III. 158, 165, 170.
- Бохановский, И., деят. пародн. движ. 20—21. 54, 63.
- Бочкарев, И. И., зем. деят. 19. V—XII. 188.
- Бошняк, дек. 17. VII—VIII. 49, 53.
- Боярский, в.-губ. Саратовск. 17. III. 117, 162.
- Бражников, В. П., пол. деят. 17. II. 54, 56, 58—18. X—XII. 242, 243, 269, 272.
- Брандес, Г. Его ст.: «Франсуа де Вольтер». 18. VII. XI.
- Брандт, под. леят. 18. X—XII. 193.
- Гр-я Браницкая, А. В. кам.-фрейл. 17. IX—X. 353.
- Братановский, Подольск. губ. 22. II. 79.
- Гр. Бревнер, М. А. (Воейкова). 19. I—IV. 43.
- Бредихин, Ф. А., астрон. 17. XI—XII. 192.
- Бренко, антрепр. 19. V—XII. 156.
- Брешко-Брешковская, Е. К., пол. деят. Ее ст.: «Из воспоминаний». 18. X—XII. О ней: 17. IX—X. 375, 383.—18. X—XII. 171.—19. V—XII. 199.—20-21. 34, 58, 60, 61.
- Брилевич, ген. 18. IV—VI. 109.
- Бринер, амурс. куп. 17. IV. 15.
- Бродский, Н. Л., ист.-лит. Его сообщ.: 1) «Военн. афоризмы Козьмы Прутков», 22. II. 2) «Письма М. Е. Салтыкова В. П. Безобразову», 22. II.
- Бройдо, М., с.-дем. 22. I. 56.
- Брок, поруч. (1825 г.). 17. VII—VIII. 38, 39.
- Бронц, гофмарш. 17. V—VI. 40.
- Броницкий, В., прист. 17. III. 161.
- Бронштейн, Л. Д. (Троцкий), пол. деят. 17. IX—X. 383.—18. I—III. 303. IV—VI. 145, 344.
- Бруслов, А. А., ген. 18. IV—VI. 337, 338.
- Брызгалов, испс. в Моск. ун. 17. II. 25, 26, 39—41. XI—XII. 209.
- Гр-я Брюс, ст.-дама. 17. IX—X. 353.
- Брянчаншинов, жанд. полк. 20-21. 141.
- Бубликов, мши. почт. 17. VII—VIII. 368, 369.
- Бубнов, адмир. 18. I—III. 292.
- Бубякин, исправ. в Якут. обл. 22. I. 86.
- Бугаев, Н. В., проф. 20-21. 159.
- Бугров, П. А., мукомол. 18. I—III. 159, 169.
- Бар. Будберг, полицм. 18. IV—VI. 304.
- Бар. Будберг, А. А., шталм. 17. IV. 126. 151, 166.
- Будоговский, жанд. 17. IV. 22, 74.
- Бузескул, В. П., проф. Его ст.: 1) «Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г.», 17. VII—VIII. О нем: 17. VII—VIII. 335.
- Буксин, И., пол. деят. 18. I—III. 265.
- Буксин, В. М., сотр. охр. отд. 18. I—III. 265.
- Булашке, П. А., толстов. 18. IV—VI. 301—303—19. V—XII. 197.
- Буланов, А., пол. деят. 19. V—XII. 42, 67.
- Булатов, А. М., дек. 17. VII—VIII. 12, 13, 15, 19, 20, 22, 25, 26, 32, 34, 36, 41.
- Булгак, М. М. 17. III. 15.
- Булгаков, В. Ф., секр. Л. Н. Толстого. 18. IV—VI. 292.—22. II. 13, 14, 219.
- Булгаков, С. Н., проф. 18. I—III. 138.
- Булгаков, А. Я., моск. почт. дир. 19. I—IV. 43—22. II. 116.
- Булгаков (взрыв пикеты в Курске). 22. I. 55.
- Булгарин, Ф. В., пис. 17. I. 269, 272—19. I—IV. 84, 112—20-21. 99.
- Булич, соц.-рев. 17. IX—X. 367.
- Булохов, арт. 17. II. 240.
- Булохова, арт. 17. II. 240.
- Булыгин, А. Г., мин. ви-д. 17. IV. 9, 124, 126, 146, 148, 150, 161, 180, 181, 213, 217, 218, 220, 222, 225—229, 243, 245, 246, 248, 249, 251, 252. XI—XII. 24, 29—18. I—III. 136—20-21. 175, 176—23. II. 135.
- Бунге, Н. Х. мин. фин. 17. V—VI. 93—18. I—III. 88. VII—IX. 133, 137—22. I. 60.
- Бунин, А. И., отец В. Жуковского. 19. I—IV. 39.
- Бунина, М. Г. (Безобразова), жена А. И. Б-на. 19. I—IV. 39.

Буревин, В. П., крит. 18. I—III. 210, 213—22. II. 27, 32, 33, 37.
 Буренин, пед.-мат. 17. XI—XII. 176.
 Бурпей, зав. карийск. тюрьм. 18. X—XII. 190, 205.
 Бурцев, В. Л., пис. и пол. деят. 17. IV. 36, 39. V—VI. 339. IX—X. 253, 258, 280, 295, 367, 381, 383, 385.
 —18. IV—VI. 14, 80. 301—19. V—XII. 223—22. 101.
 Буслаев, Ф. И., проф. 17. XI—XII. 194, 237—19. I—IV. 5—25, 29—31, 33—22. I. 133. II. 193, 221.
 Буташевич-Петрашевская, А. В., сестра М. В. (Семевская). 17. IX—X. 55.
 Буташевич-Петрашевский, М. В., пол. деят. 17. II. 138, 141, 142, 144—149, 151, 155, 158, 164, 166. V—VI. 69, 71. IX—X. 85—18. IV—VI. 247.
 Ки. Бутера. 19. I—IV. 122, 124, 126.
 Буткевич, А. А., сестра Н. А. Некрасова. 18. IV—VI. 98, 101, 102.
 Бутович (Сухомлинова). 18. IV—VI. 226.
 Бутовский, Д. К., студ. 17. VII—VIII. 102, 104.
 Бутурлин, Д. П., госуд. деят. воен. пис. 22. I. 67.
 Бутурлин, М. П., сен. 22. I. 65, 67.
 Гр. Бутурлин, М. Д. 22. II. 112.
 Бутурлин. 18. I—III. 173.
 Бутурлин, цена. 17. II. 155—18. VII—IX. 90, 91.
 Бутурлина, Е. М., 22. I. 67.
 Бух, чин. мин. Гос. Им. 18. VII—IX. 173.
 Булевич, А. В., народов. 17. IX—X. 152—19. V—XII. 40, 43, 46, 55, 56, 77, 87, 91.
 Бушен, М., знаком. Штакеншнейдер. 19. I—IV. 177, 179, 185.
 Быкадоров, прист. 17. III. 180.
 Быков, нач. мед.-хир. ак. 17. VII—VIII. 163.
 Быстренин, В. П. Его ст.: «Уходящее». 22. I—II.
 Быстрицкий, оф. (1825). 17. VII—VIII. 65—67.
 Бычков, народов. 19. V—XII. 79.
 Бар. Бюлер, Ф., дир. арх. мин. ин. д. 19. V—XII. 130, 131.
 Бюцов, диплом. 22. II. 52.

В.

Вагареля, арт. 18. VII—IX. 78.
 Вагнер, крит. 18. I—III. 187.
 Вадковский, Ф. Ф., дек. 17. VII—VIII. 63, 64, 66.
 Вадковский, В. Ф., чин. ос. пор. моск. ген.-губ. 18. I—III. 158, 165, 170.
 Вайнштейн, О. Я., докт. пол. ссыл. 20—21. 14—16. 23, 31, 38, 40, 42—22. I. 76, 86.
 Валиханов, Чокан, сиб. общ. деят. 17. I. 226—22. I. 140, 150.
 Валуев, П. А., гос. деят. 17. I. 286. V—VI. 77—79. VII—VIII. 125, 138, 139, 144, 156, 162, 163. IX—X. 103, 104, 118, 127, 138, 140, 142, 169—18. I—III. 288. IV—VI. 79—19. I—IV. 105, 133, 136, 150, 151, 155. V—XII. 170—22. II. 65, 75—78, 82.
 Валуев, Д. А., пис. 18. I—III. 234.
 Фон-Валь, гос. деят. 17. IV. 8, 56. VII—VIII. 269. IX—X. 198, 199.
 Вальтер, А., проф. 17. V—VI. 245.
 Вандерфлит, проф. 19. V—VII. 46.
 Ванновский, П. С., гос. деят. 17. I. 243, 244. IV. 44, 55, 98, 102. V—VI. 94. IX—X. 218—20—21. 71.
 Вансович, полковн. 17. VII—VIII. 77, 78, 80, 94, 103.
 Варадипов, чл. гл. упр. по дел. печ. 19. I—IV. 147.
 Варвинский, проф. мед. 19. V—XII. 141.
 Варламов, полиц. аг. 18. X—XII. 270.

Варламов, К. А. арт. 17. XI—XII. 16.
 Варнава, стар. 17. III. 24, 100.
 Варнава, еп. Тобольск. 17. III. 108—110, 143, 144.
 Васильевский, царц. полиц. 17. III. 162.
 Василенко, Н. П., ист. 20—21. 156.
 Василий, страпп. 17. IX—X. 201, 230, 240.
 Васильев, П., 1-й арт. 17. II. 240.
 Васильев, 2-й арт. 17. II. 240.
 Васильев, Н. В., пол. ссыл. 20—21. 13—15, 18, 19, 27, 31—33—22. I. 87.
 Васильев, нач. минск. жанд. упр. 22. I. 54.
 Васильев, З., народов. 18. X—XII. 239.
 Васильева, Е. Н., арт. 17. XI—XII. 225.
 Васильева, арт. 17. XI—XII. 225.
 Васильевский, В. Г., ак. 17. IX—X. 23—31, 33, 34, 36—38.
 Васильевский, М. Г., выст. ст. 22. II. 127.
 Ки. Васильчиков, В. И., упр. военн. министр. 19. I—IV. 107.
 Ки. Васильчиков, А. И., общ. деят., пис. 18. VII—IX. 172—174. 182—22. II. 82.
 Ки. Васильчиков, П. Л. 17. XI—XII. 217.
 Ки. Васильчиков, Н. В., ген.-ад. 17. VII—VIII. 45, 105, 121—18. IV—VI. 64.
 Ки. Васильчиков, чл. Сов. мин. 18. I—III. 116, 126.
 Васильчикова, А. Н. 20—21. 120—122.
 Васильчикова, М. А. 17. VII—VIII. 366, 367—18. VII—IX. 41, 42.
 Ватман. 22. I. 147.
 Ватсон, М. Э. 18. X—XII. 295.
 Вахнин, чин. охр. от. 18. I—III. 253, 277.
 Вахнянин, укр. деят. 17. IX—X. 167.
 Вахтен, нач. шт. 17. VII—VIII. 91.
 Вашичко-Захарченко, М. М., секр. ред. «Киевлянина». 18. VII—IX. 134—136, 142.
 Введенский, Н. И., перев. 17. II. 157—164. 168, 169.
 Введенский, студ., деят., пародн. движ. 17. VII—VIII. 159.
 Вегенер, дир. Уч. Правов. 19. I—IV. 177.
 Веденский, комис. 18. IV—VI. 279—281.
 Веденяпины, бр., дек. 17. VII—VIII. 58.
 Ведров, В., пенз. 18. IV—VI. 51, 53.
 Веймар, О., докт., пол. деят. 17. I. 195—18. X—XII. 186, 199.
 Веймар, В. Г., знак. Черныш. 17. VII—VIII. 194.
 Вейнер, гув. Смирнов. 17. XI—XII. 145, 149.
 Велепольский, А., марк., государ. деят. 17. V—VI. 77, 117, 120—22. II. 79.
 Ки. Велепольский. 20—21. 80.
 Величко, лекарь. 18. VII—IX. 205.
 Величко, В. Л., пис. 17. IX—X. 206, 207.
 Величковский, М. Л., ген.-м. 18. I—III. 157, 161, 170, 172.
 Величковский, ад. моск. ген.-губ. 17. XI—XII. 212.
 Веллио, ген. 17. VII—VIII. 45.
 Вельбицкий, жанд. полк. 17. II. 54, 56—18. X—XII. 243.
 Гр. Вельгурская, фрейл. 17. XI—XII. 157.
 Гр. Вельгурская, М. Ю. 17. II. 293. XI—XII. 146, 157, 169.
 Вельяминов, В. (17 в.). 18. VII—IX. 200.
 Вельяминов, Н. (17 в.). 18. VII—IX. 214.
 Вельяминов, Н. Н., Калужск. в.-губ. 18. IV—VI. 175, 180.
 Вельяминова, П. А. 18. IV—VI. 174.
 Вельяминова, А. Н. 18. IV—VI. 175.
 Вельяшева, Е. В. 17. II. 282, 284, 286.

- Венгеров, С. А., проф. 17. II. 254.
 Вениамин, иеромон. 17. III. 8, 9, 43, 47, 61, 81, 89, 103, 125—127, 129.
 Вентпель, М. К. общ. деят. 18. IV—VI. 80.
 Венюков, М. И., геогр. Его ст.: 1) «Из воспоминаний». 22. II. О нем: 17. II. 139, 154, 159, 164.
 Вергопуло, ст.-секр. 17. IV. 43.
 Вердеревский, В. П., морск. мин. 18. I—III. 292.
 Веревкин, зав. арест. отд. в Петроп. креп. 17. IX—X. 42, 44.
 Веретенников, А. П., Киевск. губ. 18. IV—VI. 227, 228.
 Верещагин, В. В., худ. 22. II. 57, 58.
 Веригин, подпор. (1825 г.). 17. VII—VIII. 39.
 Веригин, И., духоб. 17. I. 257.
 Веригины, дубох. 17. I. 259, 260.
 Веринго, Л. А., проф. 17. II. 12, 17.
 Вернадский, В. П. 17. I. 28, 32.
 Вернадский, И. В. проф. 18. IV—VI. 61. VII—IX. 180—22. I. 99.
 Вернейль, геол. 17. XI—XII. 186.
 Верховский, В. В., чл. Гос. Сов. 1917. IV. 126, 134, 145, 150, 151, 153, 154, 156, 158, 164, 177, 178, 211, 234, 247.
 Верховский, полк. деят. 17. XI—XII. 33—18. I—III. 290, 292.
 Веселого, ценз. 18. IV—VI. 100.
 Веселовский, А.-др. Н., ак. 17. IX—X. 23, 35—38, —19. I—IV. 12, 24, 25—22. I. 150, 157.
 Веселовский, А.-ей Н., проф. Рец.: 1) П. Пиксанова его кн. «Западн. влияние в новой рус. литературе». 17. I.
 Веселовский, тов. прок. 17. III. 180.
 Ветрова, пол. деят. 17. IX—X. 43.
 Визоров, Г. Е., землем. 18. I—III. 158, 167, 171.
 Винардо, П., арт. 18. I—III. 206, 207, 210—19. I—IV. 190, 211, 215, 226, 228.
 Вигель, Ф. Ф., пис. 17. II. 158, 159—18. IV—VI. 195, 198.
 Гр. Висельгорский-Матюшкин, М. М. 19. I—IV. 102.
 Викторов, есылн. учит. 20-21. 33.
 Викунина, О. С. 18. VII—IX. 229.
 Виллие, Я. В., докт. 17. VII—VIII. 122, 123.
 Вильбушевич, М., агент Зубатова. 22. I. 54.
 Вильде, арт. 17. XI—XII. 225.
 Вилькенс, ботан. 17. XI—XII. 209.
 Вильмс, тюрем.-врач. 17. IX—X. 152—19. V—XII. 109.
 Вишпер, Ц. В. 18. IV—VI. 302.
 Виноградов, П. Г. проф. 17. I. 26.
 Виноградов, К. Его ст. «Н. Г. Чернышевский в Астрахани». 17. VII—VIII.
 Винокуров, пол. деят. 18. X—XII. 53.
 Вистулов, Н. А., кирас. ротм. 18. I—III. 158, 165, 170.
 Винцент, пол. аг. 17. IX—X. 112.
 Виппер, Р. Ю. Рец. К. Н. Успенского его кн. «История Греции в классич. эпоху». 17. XI—XII.
 Виссарионов, С. Е., зав. ос. отд. деп. пол. 17. V—VI. 268. IX—X. 286—18. I—III. 251, 252, 287. IV—VI. 34.
 О. Виталий. 17. IV. 34, 81.
 Гр. Витгенштейн, П. Х., фельдм. 17. V—VI. 45. VII—VIII. 50.
 Гр. Витгенштейн, А. Н. 17. VII—VIII. 50.
 Витгенштейн, ген.-ад. 20-21. 171.
 Витт, ген. 17. VII—VIII. 49.
 Витте, С. Ю., гос. деят. 17. III. 47, 48, 97, 101, 102. IV. 8, 9, 11, 12, 15, 21, 22, 24, 25, 77, 78, 82. V—VI. 92. IX—X. 187, 191—194, 208, 210, 243, XI—XII. 30, 41, 47, 52, 57, 60, 70, 74, 76—18. I—III. 115, 131, 133, 136. IV—VI. 109, 228. VII—IX. 135—141—20-21. 168, 179—22. II. 136.
 Витте, М., жена С. Ю. Витте. 17. IV. 81. IX—X. 192, 193.
 Витте, попеч. Киевск. уч. окр. 17. V—VI. 246.
 Вихляев, П. А., соц. рев. 18. IV—VI. 145.
 Вишневская, Е. А., уч. муз. 18. I—III. 310.
 Вишняк, М. В., секр., Учр. Собр. 18. IV—VI. 157.
 Вишняков, В. Рец. В. Н. Сторожева его кн. «Импер. Павел I». 17. I.
 Вишнякова, М. И., импер. бонна. 17. III. 45.
 Владимир Александрович, в. кн. 17. IV. 7, 15, 22, 45, 46, 53, 74, 82, 98, 115, 126, 167, 207, 208, 210, 211, 214. V—VI. 97, 102. IX—X. 193, 198, 230, 240. XI—XII. 30—18. I—III. 143, 157, 218, 223. VII—IX. 230, 231, 235. X—XII. 271—19. I—IV. 183—20-21. 183.
 Владимир, митроп. 17. III. 104, 107, 108, 111, 148, 163, 168, 175, 176—18. I—III. 95, 96.
 Владимир, еп. Донецк. 17. III. 178.
 Владимиреско, Т. В. 19. I—IV. 48—52.
 Владимиров, дир. деп. ин. испов. 18. I—III. 117.
 Владимирский, жан. полк. 17. IX—X. 108.
 Владимирский-Буданов, М. Ф. проф. 18. I—III. 79.
 Владиславлев, М. Н., проф. 17. II. 61. IX—X. 23.
 Владыкин, арт., помещ. 22. II. 178, 179.
 Власовский, моск. об.-полнц. 17. IV. 58—18. I—III. 310. IV—VI. 291.
 Водовозов, В. В. пис. 17. IX—X. 39, 40—18. VII—IX. 139.
 Водовозов, В. Н. пед. и пис. 17. I. 223, 224.
 Воейков, А. Ф. пис. 17. II. 290—19. I—IV. 162.
 Воейкова, А. А.-др. (Протасова). 19. I—IV. 39, 41, 43.
 Воейкова, Ал. Ал. 19. I—IV. 43.
 Воейкова, Е. А. 19. I—IV. 43.
 Вознесенский, соц.-рев. 17. IX—X. 367.
 Войлошников, прист. 17. VII—VIII. 359.
 Войнаровский, П. П., деят. народн. движ. 20-21. 59.
 Войновлович, дек. 17. VII—VIII. 65.
 Воилов, ген. 17. VII—VIII. 45.
 Воинов, А. В., предс. куп. Банка. 18. I—III. 158, 164, 170.
 Войтиц, пол. аг. 17. IX—X. 113, 118.
 Войтковский, В. М., проф. 17. II. 17.
 Волгин, В. Н. Его ст.: «Жан Мелье и его завещание». 18. I—III.
 Волкештейн, Л. А., пародов. 17. VII—VIII. 207, 208, 261, 295, 299—18. I—III. 225. IV—VI. 71—79—22. II. 158, 162.
 Волкештейн, А. А., докт. 17. VII—VIII. 207, 208.
 Волков, Ф. К., проф. 17. II. 76, 77.
 Волков, Макс., арт. 18. I—III. 161.
 Волков, Ф. К., сотр. охр. отд. 18. I—III. 266.
 Волков, ценз. 17. XI—XII. 263.
 Волков, А. М., каррикат. 18. I—III. 190, 203, 206.
 Волков, шт.-кан. (1825 г.). 17. VII—VIII. 38, 39.
 Волков, ген. 17. XI—XII. 63.
 Волков, дир. Горн. Корп. 18. IV—VI. 69.
 Волков, И., уч. Преснен. вост. 18. IV—VI. 120, 121, 123.
 Волков, А. Г., предв. двор. 22. I. 48—50.

- Волков, М. П., оф., чл., св. Др. 18. I—III. 158, 166, 170.
- Кн. Волконская, М. П., жена дек. 22. II. 108.
- Кн. Волконская, З. А., пис. 19. I—IV. 10.
- Кн. Волконский, П. М., мин. двора. 22. II. 116.
- Кн. Волконский, С. Р., дек. 17. I. 226. VII—VIII. 52—55, 67—18. X—XII. 102.
- Кн. Волконский, дир. театр. 17. IX—X. 197.
- Кн. Волконский, Ф. Ф., бояр. 18. VII—IX. 195, 204.
- Кн. Волконский, М. С., об.-гофм. 17. IV. 126, 234.
- Кн. Волконский, А. Н., посол в Исп. 18. VII—IX. 231.
- Волконский, Гр., хим. лабор. 17. XI—XII. 209.
- Кн. Волконский, полиц. оф. 17. IV. 58.
- Кн. Волконский, В. М., т. предс. Гос. Д., т. мин. ин. д. 18. I—III. 106. VII—IX. 31.
- Волохов, студ. (дело 1 мар. 1887 г.). 18. X—XII. 261, 262, 265, 267, 269, 271, 275, 276, 284, 290—292.
- Волохов, П., пис., пол. ссыльн. 17. VII—VIII. 208.—19. I—IV. 171.
- Волховский, Ф. В., пол. деят. 19. V—XII. 211—22. I. 99.
- Вольтер, Ф. Ст. Г. Брандеса «Франсуа де-Вольтер». 18. VII—IX. 7, 26.
- Вольф, дек. 17. VII—VIII. 68.
- Воронин, А. А. упр. канц. моск. г.-губ. 18. IV—VI. 130, 133.
- Воронич, жанд. майор. 20-21. 37.
- Гр. Воронцов, М. С., фельдм. 18. VII—IX. 90-20-21. 98, 101.
- Кн. Воронцов, С. М. 18. VII—IX. 235, 236.
- Кн. Воронцова, М. В. 18. VII—IX. 231.
- Воронцова, Е. Р. 22. II. 19.
- Гр. Воронцова, Е. К. 22. II. 108.
- Воронцов-Вельяминов, Н. П., попеч. Харьк. уч. окр. 17. II. 29, 55—57.
- Гр. Воронцов-Дашков, Н. П., гос. деят. 17. IV. 58, 98, 101, 102—18. I—III. 143, 146—19. V—XII. 92—20—21. 171, 185.
- Кн. Воротынский, И. М., бояр. 18. VII—IX. 193, 194.
- Воскресенский, И., чл. Св. Др. 18. I—III. 159.
- Восторгов, протоир. 17. III. 112, 113. IV. 34, 81, 82.—18. VII—IX. 144.
- Востриков, свящ. 17. III. 131.
- Бар. Врангель, Н. Н., пис. Рец. II. Р. кн.: «Венок Врангелю от О-ва защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». 17. I.
- Врангель, Ф. П., морск. мин. 19. I—IV. 104, 105.
- Врангель, Е. Е., сен. 19. I—IV. 151.
- Вреден, Э. Р., проф. 17. IX—X. 11.
- Вронченко, Ф. П., мин. фин. 17. IX—X. 354, 355.
- Всеволожский, студ. 18. IV—VI. 233.
- Вулч, Н. И., дир. деп. полиц. 17. IV. 21, 81, 127. VII—VIII. 275—277.
- Вульф, А. Н., др. Пушкина. 17. II. 279, 280—286.—20-21. 119, 120.
- Вульф, Ан. Н. 17. II. 282.
- Вульф, И. П. 17. II. 284.
- Вульф, П. И. 17. II. 285.
- Вульф, Е. И. (Гладкова). 17. II. 281, 282.
- Вырембовский, ссыльн. поляк. 20-21. 31, 33.
- Вырубов, Н. А., докт. зем. деят. проф. 18. I—III. 310.
- Вырубов, морс. оф. 19. V—XII. 42.
- Вырубов, пом. нач. шт. главнок. 18. I—III. 291-293.
- Вырובה, А. А., фрейл. 17. III. 8, 12, 13, 29, 32, 33, 35, 48—50, 56, 63, 83, 85—88, 90, 91, 114—116, 127, 141—143, 154, 178. IV. 85—18. VII—IX. 37, 38, 51.
- Высоцкий, Н. Г. Его «Письмо в редакцию». 17. I.
- Вышемерский, русск. конс. в Кенигсберге. 17. I. 86, 87, 89—91.
- Вышнеградский, П. А., мин. фин. 17. V—VI. 90. IX—X. 234—236—18. VII—IX. 137, 139.
- Кн. Вяземская, В. Ф. (ур. Гагарина). 22. II. 108, 111.
- Кн. Вяземский, П. А., поэт. Его «Эпиграммы». 19. I—IV. О нем: 17. I. 283, 284. VII—VIII. 79. IX—XII. 142, 143, 146, 154, 160, 161, 163—18. I—III. 206, 250. VII—IX. 172, 224, 231, 232-20, 21-119, 120, 122—22. II. 108, 111—116, 118.
- Кн. Вяземский, П. П., гос. деят. 17. II. 221, 293, 294. IX—X. 98, 103. XI—XII. 274—18. I—III. 247. VII—IX. 175—19. I—IV. 108.
- Кн. Вяземский, А. А., ген.-прок. 22. II. 21.
- Вязков, И. Г., сотр. охр. отд. 18. I—III. 275.
- Вязмитилов, С. К., ген.-губ. 18. VII—IX. 117.
- Вязмитинов, С. Н. 17. II. 195, 196, 198, 200—203.
- Вязмитиновы, помещ. 17. II. 195.
- Вяхирев, И. И.; домовлад. чл. Св. Др. 18. I—III. 159, 168, 171.

Г.

- Гааз, Ф. П., докт. 19. I—IV. 77, 78.
- Габунна, Н. М., арт. 18. VII—IX. 78.
- Гавеман, Б. В., сотр. охр. отд. 18. I—III. 255.
- Гавренев, П., дьяк. 18. VII—IX. 210.
- Гагариц, митр. петерб. 17. I. 103.
- Кн. Гагарин, Л., Моск. предв. двор. 17. XI—XII. 217.
- Кн. Гагарин, Н. С., 17. II. 290.
- Кн. Гагарин, С. И., презид. О-ва Сельск. хов. 18. VII—IX. 181.
- Гаман, Н. Ф., докт. 19. V—XII. 152.
- Гаевский, студ. (дело 1 марта 1887 г.). 18. I—III. 224.
- Гаевский, ценз. 17. XI—XII. 160.
- Гайдебуров, П. А., пис. 19. I—IV. 163, 200.
- Галаган, общ. деят., чл. Гос. Сов. 18. I—III. 89.
- Галахов, А. Д., ист. лит. 18. I—III. 205, 206, 213. 19. I—IV. 7, 12, 15—17, 21, 27, 29—32, 34—22. I. 136.
- Галахов, В. (дело Зайцевек.), 22. I. 122, 126.
- Галле, петерб. полицм. 18. IV—VI. 8.
- Гальдепшубе, нач. моск. воен. окр. 19. V—XII. 127, 128.
- Гальперн, Е. 22. I. 52.
- Гамалея, С. И., масе. 17. I. 75, 77—22. II. 186.
- Гамбаров, К. И., арт. 18. в. 18. I—III. 61.
- Гамбаров, Ю. С., проф. 17. II. 18, 19.
- Гамолецкий, К. В., апарх. 18. X—XII. 259, 284, 290.
- Ганецкий, смотр. Петропавл. креп. 19. V—XII. 108.
- Ганько, ротм., чин. охр. отд. 18. I—III. 253, 259, 261, 262, 281, 283—286.
- Гапоп, Г. А., свящ. 17. IV. 11, 18, 19, 198, 254. IX—X. 117, 386. XI—XII. 9, 11, 15, 16, 19, 22, 65—67, 75, 77—20-21. 177.
- Гаркуша. 20-21. 79.
- Гарнак, Е. Е. 18. X—XII. 295.
- Гаррис, инж. 17. IX—X. 194.
- Гаршин. см. Геккельман.
- Гартман, Л. Н., народов. 17. IX—X. 382—20-21. 171.
- Гартман, дир. лиц.-я. 19. I—IV. 184.

- Гартман, аг. охран. 18. X—XII. 10, 11.
 Гаршин, В. М., пис. 17. VII—VIII. 185—19. J—IV. 226.
 Гаршин, Е. М., пис. 19. I—IV. 198.
 Гасфорд, ген.-губ. 20-21. 139, 142.
 Гатдук, изд. 17. XI—XII. 205.
 Гапциский, пис. 22. I. 138, 141.
 Гвоздев, дир. деп. 17. II. 118, 119.
 Ге, Н. Н., худ. 19. V—XII. 176—22. II. 8, 9.
 Ге, Н. Н., сын худ. 22. II. 8.
 Гебель, Г., муз. 18. VII—IX. 87—19. I—IV. 65—71.
 Гебель, Э., дочь муз. 18. VII—VIII. 87—19. I—IV. 65—70.
 Гебель, полк. (1826 г.). 17. VII—VIII. 56, 62—64, 68.
 Геденов, А. М., дир. театр. 22. I. 66.
 Гр. Гейден, П. А., общ. деят. 17. IV. 29, 80.
 Гр-я Гейден. 19. I—IV. 197.
 Бар. Гейкинг, жанд. офиц. 17. IX—X. 148—19. V—XII. 20, 21, 47, 48, 51, 52, 69, 71.
 Бар. Гейкинг, жена последн. 17. VII—VIII. 146, 149.
 Гейлике, Н. А., ист. 17. I. 22.
 Геккельман, А. М. (Ландейзен, Гартинг), пров. 17. V—VI. 104. VII—VIII. 223. 22. I. 59.
 Геккерен, посол. 17. II. 288—291.
 Геллис, М. Я., полит. деят. 22. I. 94.
 Гельбке, исп. петерб. уч. окр. 17. II. 53.
 Гельруд, Х., студ. 17. II. 56.
 Гельфман, Г. М., народов. 17. IX—X. 151—18. X—XII. 169, 230—235—19. V—XII. 60, 62, 199.
 Гельфрейх, С. 17. VII—VIII. 99.
 Гельдер, арт. 17. XI—XII. 225.
 Гр. Гендриков, А. П. 17. XI—XII. 167.
 Генералов, В. Д. (дело 1 марта 1887 г.). 17. II. 60. —18. X—XII. 238, 244, 258—260, 264, 265, 267, 269, 270, 272, 273, 277, 282, 283, 290, 291, 293.
 Георгиевский, А. И., пед. класс. 17. II. 7, 70, 71.
 Георгиевский, пародов. 19. V—XII. 52.
 Георгий Александрович, в. кн. 17. IV. 7, 42, 47, 53, 61. V—VI. 90, 100.
 Георгий Михайлович, в. кн. 17. XI—XII. 25.
 Герард, В. Н., прис. пов. 18. VII—IX. 156.
 Герард, Н. П., упр. вед. им. Марии. 17. II. 49. IV. 126, 135, 143, 146, 156, 206.
 Герасимов, упр. деп. полиц. 17. IV. 90. IX—X. 298, 299—18. I—III. 138—22. I. 57, 58.
 Гербель, Н. В., поэт 19. I—IV. 110, 112.
 Гермюген, еп. Саратов. 17. III (6), 8, 13, 17—19. 21, 22, 43, 52—54, 56—58, 60, 63, 69—71, 73, 84, 91, 93—95, 100, 102—106, 108, 111, 117, 119, 126, 128—130, 132—152, 156, 157, 160, 168—170, 173, IV. 34, 50, 81, 87—18. I—III. 99.
 Гери, К. И., уч. гимп. 17. II. 206, 207.
 Герцен, А. И., Рец. Л. Козловского его «Сочинений». 18. IV—VI. О нем: 17. I. 287—292. II. 141. V—VI. 47—50, 52, 54—59. VII—VIII. 76, 100, 199, 221. IX—X. 154—156. XI—XII. 180, 205, 234, 293—295, 297—18. I—III. 202. IV—VI. 52, 54, 62, 66. VII—IX. 79, 80—98, 175, 176, 178—19. I—IV. 27, 28, 61, 64—72, 74, 75, 78—80, 102, 111, 131, 132. V—XII. 202, 217—20-21. 32, 129—131, 139, 142—22. I. 104, 105, 120, 121, 134. II. 42—44, 49—51, 75—77, 90.
 Герцен, А. А., физиолог. 17. I. 287. XI—XII. 293, 294, 296.
 Герцен, Н. А. (Захарьина). 19. I—IV. 66.
 Герценштейн, М. Я., пол. деят., проф. 17. I. 32. IV. 29, 81—22. II. 139—143, 147.
 Гершельман, моск. ген.-губ. 17. V—VI. 268—18. I—III. 93, 94, 97.
 Гершуни, Г. А., пол. деят., 17. VII—VIII. 280—283. IX—X. 223, 374—18. X—XII. 37, 41—44.
 Герье, В. И., проф. 17. XI—XII. 193—20-21. 161—22. II. 220—223.
 Гессе, дворц. коменд. Гатчин. 17. IV. 47—18. VII—IX. 143, 20-21. 181, 189.
 Гессен, Н. В., пис. 17. IX—X. 383—18. I—III. 123, 130.
 Гибнер, И., харьков. ст. 17. VII—VIII. 78, 97, 102.
 Гилль, Р., чл. Св. Др. 18. I—III. 156.
 Гильфердинг, А. Ф., славист. 22. II. 65, 88.
 Гипаров-Платонов, Н. П., пис. 17. II. 251. XI—XII. 197, 235—18. VII—IX. 171, 172, 181—19. V—XII. 147—22. II. 65.
 Гинзбург, ст-а цюрих. унив. 22. II. 173.
 Гинсбург, С. М., пол. деят. 17. VII—VIII. 176, 225.—256—18. X—XII. 260—22. II. 158.
 Гинтовт, шпион. 22. I. 83.
 Гиппиус, ген. 18. IV—VI. 115.
 Гирс, Д. К., пис. 17. VII—VIII. 164. IX—X. 130, 131, 134—18. IV—VI. 83—19. I—IV. 163, 164.
 Гирс, Н. Г., гос. деят. 22. I. 170, 172—175.
 Гирш, лейб.-мед. 17. IV. 47—20-21. 185.
 Гитри, арт. 17. IX—X. 193.
 Глаголь, С., пис. Его ст.: 1) «Процесс первой русской террористки». 18. VII—IX.
 Гладкий, А. (дело Зайцевск.). 22. I. 126.
 Гладков, ист. 22. I. 133.
 Глазов, В. Г., гос. деят. 17. IV. 126, 229, 241—20-21. 176.
 Глас, студ. 17. VII—VIII. 154.
 Гласко, моряк. 19. V—XII. 47, 48.
 Глянка, М. И., композ. 17. XI—XII. 224.
 Глянка, Ф. Н., поэт. 17. I. 267, 268—19. I—IV. 110, 115.
 Глинка, А. П., ур. Голеннишева-Кутузова, пис.-ца. 19. I—IV. 112.
 Глинка, колл. регистр. 18. IV—VI. 245.
 Глинка-Янчевский, зять Г. Лопатина. 19. V—XII. 213.
 Глобачев, жанд. полк. 17. IX—X. 255.
 Глушков, Н. И. 20-21. 47.
 Глушкова, швейц. студ. 22. II. 167.
 Гнатовский, А. Д., пол. деят. 18. X—XII. 260, 284.
 Гнатовский, Г. К. 17. III. 155.
 Гневушев, Макарий, архим. 17. III. 113, 114.
 Гнедич, П., драмат. 17. IX—X. 182, 196.
 Гоберман, антикв. 17. IV. 88.
 Говоруха-Отрок, Ю. Н., пис. 17. IV. 35.
 Говорухин, О. М., пол. деят. 18. X—XII. 243, 246, 251, 252, 256, 258—261, 263, 264, 267, 272, 277—279, 282—284.
 Говорюхин, пол. есмьльн. 22. I. 83, 84.
 Гоголь, Н. В., пис. 17. XI—XII. 142, 143, 146, 218.—18. I—III. 236, 237, 247, 248.—19. I—IV. 10, 81—84.—20-21. 122.—22. I. 135.
 Годунов, Б. Ф., царь. 18. VII—IX. 185, 186.
 Годунов, Н. В., бояр. 18. VII—IX. 196.
 Бар. Гойдинген-Гюне, ст. секр. 17. IV. 43.
 Гр. Голеннишев-Кутузов, А. А., поэт, гофм. 17. IV. 127, 140, 160, 162—165, 177, 183, 193, 213, 214, 219—222, 234, 247. XI—XII. 211.—18. VII—IX. 135.

- Гр. Голенищев-Кутузов, П. В., петерб., воен. ген.-губ. 20-21. 98, 110.
- Гр-я Голенищева-Кутузова, жена А. А. Гол.-Кутузова. 19. I—IV. 200.
- Кн. Голицын, А. Н., гос. деят. 17. VII—VIII. 6, 8, 10. XI—XII, 170—172.—20-21. 108.—22. II. 185—187.
- Кн. Голицын, В. М., моск.-губ., моск. гор. гол. Его ст.: 1) «Московский университет в 60-х г.г.». 17. XI—XII. 2) «Москва в 70-х г.г.». 19. V—XII.
- Кн. Голицын, В. А., моск. предв. двор. 18. I—III. 158, 165, 170.
- Кн. Голицын, Д. В., моск. ген.-губ. 17. I. 276.—18. VII—IX. 80, 81.—19. I—IV. 62, 65, 74, 76.—20-21. 104, 112.—22. I. 125.
- Кн. Голицын, И. В., бояр. 18. VII—IX. 188.
- Кн. Голицын, И. Ф. 19. I—IV. 77.
- Кн. Голицын, Г. С., нам. Кавк. 17. I. 253. IX—X. 213.
- Кн. Голицын, Серг. М. поп. Моск. уч. Окр. 17. XI—XII. 163.—18. VII—IX. 80—82, 91.—19. I—IV. 65, 74, 77.
- Голицын, чл. следств. комисс. по делу Петраш. 17. II. 149, 150, 155.
- Голицын, Л. С. 17. VII—XII. 209, 212.
- Кн. Голицын, Ю. Н., музык. 18. VII—IX. 96, 98.
- Кн. Голицын-Муравлин, чл. Гос. Сов. 18. VII—IX. 135.
- Головацкий, Я., укр. деят. 17. IX—X. 163, 165, 166, 171, 173, 174.
- Головачев, А. А., пис., общ. деят. 17. IV. 101.
- Головачев, П. М., ист. 22. I. 151.
- Головин, Ф. А., предс. Гос. Думы. 17. I. 32. IV. 32.—18. I—III. 123, 124.
- Головин, А. М., гос. деят. 19. I—IV. 136.
- Головин, С. В., бояр. 18. VII—IX. 193, 195.
- Головин, Ф. В., бояр. 18. VII—IX. 193.
- Головин, П. П., бояр. 18. VII—IX. 195.
- Головина, Е. И. (Вуич). 20-21. 107.
- Головина, ген-а 17. III. 74, 132, 139—142.
- Головинский, юнк. (1825 г.). 17. VII—VIII. 58, 59.
- Головков, Н. М., проф. 18. X—XII. 113.
- Головинин, А. В., мин. нар. просв. 17. V—VI. 77, 79, 241, 243, 244, 247, 253, 254, 259.—19. V—XII. 163.—22. II. 74—76, 90.
- Голохвастов, П. Д., пис. 18. I—III. 158, 165, 170.
- Голохвастов, Д. П., поп. моск. уч. окр. 18. VII—IX. 88.
- Голохвастов, Д. Д., зем. деят. 17. XI—XII. 217, 218.
- Голохвастова, О. А., пис. 18. I—III. 215.
- Голубев, А. А., сотр. охр. отд. 18. I—III. 265.
- Голубев, ссыльн. 22. I. 13, 22.
- Голубев, студ. 17. II. 72, 73.
- Голубев, И. Я., чл. Гос. Сов. 17. IV. 126, 181, 219, 228, 230, 232.—18. I—III. 133.
- Голубцов, поп. уч. окр. 18. I—III. 92, 221.
- Голубятников, Д. В., ст. Горн. инст. 18. X—XII. 252.
- Голынский, М. К. 20-21. 107, 108.
- Гольденберг, Г., народов. 19. I—IV. 184, 185. V—XII. 66, 93.
- Гольдин, Н. С., Рец. В. Перцева его кн.: «Падение земско-сословн. строя в прусской монархии» 18. I—III.
- Гольц-Миллер (дело Зайтневск.). 22. I. 122, 125, 126.
- Гольцев, В. А., пис. 17. I. 14, II. 7, 16, 22, 23, 25, 28, 253—262, 264—274.—22. I. 99, II. 7.
- Гольцева, И. А., жена В. А. Г-ва. 17. II. 259.
- Гольштейн, В., эмигр. 22. II. 165, 166, 168.
- Гондати, Н. Л., Томск. губ. 22. I. 139.
- Гончаров, И. А., пис. Его «Письма». 19. I—IV. О нем: 18. I—III. 187, 199—19. I—IV. 138—142, 144, 148, 236—239.—22. I. 129.
- Гончаров. 18. I—III. 133.
- Гончаров, Д. Н. 17. II. 289.
- Гончаров, А. И., чл. Св. Др. 18. I—III. 160.
- Гончаров, С. Н. 22. II. 108.
- Гончарова, Н., см. Пушкина.
- Гончарова, А. И., свояч. Пушкина. 22. II. 111.
- Горбачев, Г. С., подполк. 17. VII—VIII. 343.
- Горбачевская, Е., соч.-рев. 18. IV—VI. 153, 163.
- Горбачевский, И. И., дек. 17. VII—VIII. 49, 56, 58—60, 62—64, 67—18. X—XII. 103.
- Горбенко, чл. Св. Др. 18. I—III. 160.
- Горбов, М. А., железнодорож. 19. V—XII. 143, 144.
- Горбонский-Зарапек., тов. прок. 17. IX—X. 48.
- Горбунов-Посадов, И. И., пис. 19. V—XII. 188, 192, 196—198.
- Гордон, Аб. 22. I. 52.
- Гордон, Г. Его ст.: 1) «Немецкая пропаганда на русск. фронте». 18. IV—VI.
- Гордон, Э. (дело 1 мар. 1887 г.). 18. X—XII. 284, 290.
- Горемыкин, И. Л., гос. деят. 17. I. 243, 245, 254, 255, 286. II. 242. III. 93, 146. IV. 8, 10, 11, 13, 25, 26, 28. VII—VIII. 261—18. I—III. 106, 107, 115, 133, 136. IV—VI. 18, 19, 21, 26, 28, 33—35, 41, 43, 46. VII—IX. 27, 29—19. V—XII. 166—20-21. 175, 191.
- Горинович, В. Е., народов. 20-21. 65.
- Горкун, П. С. (дело 1 мар. 1887 г.). 18. X—XII. 249, 252—254, 261, 262, 265, 267, 269, 270, 275, 276, 278, 279, 284, 290—293.
- Горлов, И. Я., проф. 17. II. 164.
- Гортынский, народов. 19. V—XII. 58, 79.
- Горчаков, проф. 17. II. 7.
- Кн. Горчаков, М. Д., ген.-ад. 17. V—VI. 81. XI—XII. 197.
- Кн. Горчаков, А. М., гос. канцл. 17. V—VI. 54, 82, 115, 117, 123, 143—145, 151—20-21. 130, 136—22. I. 172. II. 82.
- Горяилов, Г., ценз. 18. VII—IX. 91—93.
- Госнер, пис. 17. XI—XII. 169—172.
- Готье, П., своб. худ. 19. I—IV. 72, 73.
- Готье, Ю. В., проф. Его «Письмо в редакцию». 17. II.
- Гофман, М. Л., пис. 22. II. 121, 122.
- Гофмейстер, Г. К., чл. Св. Др. 18. I—III. 160.
- Гофштетер, журнал. 17. III. 51.
- Гоц, А. Р., пол. деят. 18. I—III. 303, IV—VI. 80.
- Грабовский, докт., пол. ссыльн. 20—21. 16.
- Грамотин, И. Т., дяк. 18. VII—IX. 193.
- Грановский, Т. Н., проф. 17. XI—XII. 193, 234—18. I—III. 236, 237. IV—VI. 60—19. I—IV. 11—22. I. 128.
- Гранси, камерг. 18. VII—IX. 225.
- Гратинский, шт.-лек. 19. I—IV. 76.
- Граховский, дек. 17. VII—VIII. 65.
- Грацианский, акад. дух. 17. III. 179.
- Грачевский, М. Ф., народов. 17. IX—X. 149, 152.—18. IV—VI. 73, 74, 77—79—19. V—XII. 56, 59, 77, 78, 87.
- Гребенка, Е. П., пис. 18. X—XII. 112, 148.
- Греве, П. Е., губ. 18. IV—VI. 197.
- Гредескул, Н. А., проф. 17. VII—VIII. 335, 339—345.

Гредескул, В. А., тов. предс. Думы. 17. IV. 26.
 Греков, П. Н., мир. суд. 17. XI—XII. 224—19. V—XII. 139.
 Грессер, П. А., пет. гражд. 17. II. 51. 157. IV. 70. 18. I—III. 229. X—XII. 252.
 Греч, Н. И., пис. 17. I. 268—272. XI—XII. 172—19. I—IV. 6, 101. 112—20-21. 99—22. II. 194—197.
 Грибоедов, А. С., пис. 17. VII—VIII. 27.
 Григорович, Д. В., пис. 17. II. 253. 254. IX—X. 182. 183—19. I—IV. 85—99. 234. V—XII. 160. 169. —22. I. 129.
 Григорович, С. П., мать Д. В. Гр—ча. 19. I—IV. 86—89. 92—98.
 Григорович, В. П., отец Д. В. Гр—ча. 19. I—IV. 87. 88.
 Григорович, В. И., проф. 17. I. 267.
 Григорович, И. К., морск. мнш. 18. VII—IX. 39.
 Григорьев, Ап. А., крит. Его «Письмо к Боткину». 22. I. О нем: 18. I—III. 246—19. I—IV. 115. —22. I. 129—137.
 Григорьев, В. В., ориент. 18. IV—VI. 91, 100, 103. —22. II. 47.
 Григорьев, оф. пол. деят. 17. IX—X. 223.
 Григорьев, арт. 18. IV—VI. 58.
 Григорьев, В. Н., знак. Короленко. 20-21. 15—22. I. 70, 71. 101.
 Григорьев, Н. В., соц. 18. X—XII. 242.
 Григорьев, коменд. Ковны. 18. IV—VI. 23—25. 312—314, 318, 320. 324, 325. VII—IX. 251.
 Григорьев, крест. 17. VII—VIII. 149.
 Григорьевна, курс. 18. X—XII. 280.
 Гримм, придв. лак. 17. XI—XII. 169.
 Гринберг, паролон. 19. V—XII. 78.
 Гринмут, В. К., публ. 17. IV. 34. 81.
 Гринервальд, А. И., чл. Св. Др. 18. I—III. 159.
 Гриншенберг, ген. 17. IV. 8. 16. XI—XII. 25. 30.
 Грисюк, мисс. 17. III. 167.
 Громницкий, прокур. 17. XI—XII. 223.
 Громницкий, дек. 17. VII—VIII. 58—60.
 Громова, А. П., куп. 17. I. 254.
 Грот, Н. Я., проф. 17. I. 14. II. 251—20-21. 159, 161, 181, 201, 202. VII—IX. 113, 120. 123.
 Грохольский, П. М., админ. деят. 18. в. 18. IV—VI. 181, 201, 202. VII—IX. 113, 120. 123.
 Грубер, В. Л., проф. 17. IX—X. 66.
 Грубер, нез. 17. V—VI. 44.
 Грудзинская, мать кн-и Лович. 17. V—VI. 40.
 Грузевич, Н., ст. техн. 17. VII—VIII. 145.
 Грушецкая. 20-21. 79, 80.
 Губарева, общ. деят. 18. IV—VI. 288.
 Губин, А. П., низшег. общ. деят. 18. I—III. 159, 168, 171.
 Губонин, П. И. 19. V—XII. 152.
 Гудзь, смотр. Шлисс. тюрьмы. 17. VII—VIII. 264—266, 270.
 Гудим-Левкович, Киевск. губ. 18. I—III. 92.
 Гудимов, дек. 17. VII—VIII. 18.
 Гулак, Н. И., чл. Кипр.-Меф. О-ва. 18. X—XII. 106, 112, 120, 123, 125, 130, 131, 143—147, 150—155.
 Гуревич, Я. Я., пед. 17. IX—X. 203, 204.
 Гуревич, провок. 17. VII—VIII. 290—18. X—XII. 15.
 Гурко, В. О., полков. (1825 г.). 17. VII—VIII. 47.
 Гурко, В. И., гос. деят. 17. IV. 27. VII—IX. 59—18. I—III. 117.
 Гурко, ген. 17. IX—X. 318—18. VII—IX. 39.
 Гурлянд, С. Я., ист. 18. I—III. 109.
 Гурский. 19. X—XII. 97.
 Гусева, П. Е. (в письм. Достоевск.). 20-21. 123—127.

Гусева, Х. К., покуп. на Распут. 17. III. 110, 184—187.
 Гутаковский, фл.-ад. Алекс. I. 17. V—VI. 40.
 Гучков, А. И., предс. Гос. Думы. 17. III. 54, 96, 154. IV. 35, 36, 78. IX—X. 305. XI—XII. 57—18. IV—VI. 16. 80. VII—IX. 56—20-21. 177.
 Гучков, Н. И., моск. гор. гол. 18. IV—VI. 133.

Д.

Давыдов, Д. В., партиз. Его «Воспоминания о цесаревиче Константи́не Павловиче». 17. V—VI. О нем: 22. II. 16, 28.
 Давыдов, К. Ю., композ. 17. XI—XII. 227.
 Давыдов, В. Л., дек. 17. VII—VIII. 51, 52, 54, 55.
 Давыдов, П. В., проф. Его ст.: 1) «Из прошлого». 17. I. II. О нем: 17. I. 32. XI—XII. 211, 212, 228—18. IV—VI. 295—20-21. 159—22. 217—219.
 Давыдов, И. И., проф. 19. I—IV. 6, 9, 11, 38.
 Давыдов, В. П., кавалер. 18. I—III. 160, 163.
 Давыдов, А. Ю., проф. 17. XI—XII. 186, 187, 189.
 Далматов, В. М., арт. 19. V—XII. 156.
 Даль, В. И., пис. 22. II. 73, 108.
 Даманский, П. С., тов. об.-прок. 17. III. 61, 100, 101, 114, 139, 142—14. 155, 162. 1.
 Данзас, К. К. 17. II. 293—19. I—IV. 111.
 Данилевский, П. Я., публ. 19. I—IV. 178.
 Данилевский, Н. Ф. 19. I—IV. 101, 107, 110.
 Данилевский, Г. П., роман. 19. I—IV. 81—84.
 Данилов, В. А., пол. деят. 17. II. 19.
 Данилов, М., дьяк-тушин. 18. VII—IX. 193, 202, 210.
 Данилович, П. П., проф. 18. X—XII. 153.
 Данилович, ген. восп. Пик. II. 17. IV. 43. 45. IX—X. 12.
 Данилович, М. О., ссыльн. под. 20-21. 16.
 Даниловский, пом. нисп. класс. коп. 17. II. 153.
 Даниенберг, полит. 22. I. 120.
 Дантес, Г., уб. Пушкина. 17. II. 287—291, 293, 294, XI—XII. 146.
 Дантес, Е. Н., жена последн. 22. II. 123.
 Дараган, тульск. губ. 22. I. 61.
 Дараган (дело Зайцевск.). 22. I. 102, 126.
 Даргомыжский, А. С., комп. 17. XI—XII. 224.
 Даровский, Л., польск. общ. деят. 18. I—III. 277.
 Дашков, В. А., дир. Румянц. муз. 19. V—XII. 131.
 Кн. Дашков, П. М., моск. предв. двор. 18. IV—VI. 204.
 Кн. Дашкова, Е. Д., през. Ак. Н. 17. I. 105.—18. I—III. 64.
 Дебагорей-Мокриевич, В. К., деят. народн. движ. 18. X—XII. 193.—20-21. 47, 49—51, 53, 59, 60, 63, 66, 67.—22. II. 177.
 Дебу II, И. М., петраш. 17. II. 167.
 Дегаев, С. П., предат. 17. VII—VIII. 228. IX—X. 117, 118.—19. V—XII. 40, 41, 46, 48, 79, 84, 86—88, 90—92, 94—99, 105—108, 110, 219, 220.
 Дегаев, В. П. 19. V—XII. 86, 87.
 Дегаева, Н. П., сест. С. П. Д-ва. 19. V—XII. 85, 86.
 Дегаева, Е. П., сест. С. П. Д-ва. 19. V—XII. 85, 86.
 Дегаева, жена С. П. Д-ва. 19. V—XII. 94, 95.
 Дегаевы, семья С. П. Д-ва. 17. VII—VIII. 216.—19. V—XII. 85.
 Дегтерев, М. А., муком. 18. I—III. 159, 169, 171.
 Дедницкий, укр. общ. деят. 17. IX—X. 163, 166, 174.
 Дедюлин, В. А., дворц. комед. 17. III. 92, 150.
 Дезобри, общ. деят. 17. IV. 35.

- Дейер, суд. деят. 19. V—XII. 145.
 Дейч, Л. Г., пол. деят. Его ст.: 1) «Почему я стал революционером». 19. V—XII. 2) «В. И. Засулич». 19. V—XII. 3) «Г. Лопатин». 19. V—XII. 4) «Южные бунтари». 20-21.
 Дельхов, жанд. оф. 20-21. 141.
 Дельвиг, А. А., поэт. 17. I. 267. II. 283—20-21. 121.—22. II. 108.
 Дельвиг, Андр. И. 18. VII—IX. 228, 229.
 Бар-са Дельвиг, С. М., жена поэта. 17. II. 281, 283, 184.
 Делюсто, прис. пов. 18. I—III. 84.
 Делянов, Н. Д. мин. нар. просв. 17. I. 145, 149, 150, 152, 162, 164—169. II. 7, 8, 14, 16—19, 21—30, 33—37, 39—43, 45—52, 54, 56—63, 65, 66, 68—71, 74, 76, 77. V—VI. 249. IX—X. 77, 127, 128, 140.—18. I—III. 92, 220. IV—VI. 298.
 Дембо-Бринштейн, И. В., пол. деят. 17. VII—VIII. 262.—18. X—XII. 260, 284.
 Демерт, Н. А., пис. 18. IV—VI. 89.
 Демидов, П. П., кн. Сан-Допато. 18. I—III. 143, 145, 150.
 Демидов, П. А., помещ. 18. I—III. 159, 169, 171.
 Держинская, деят. народн. движ. 19. V—XII. 51.
 Державин, Г. Р., поэт. 18. I—III. 56, 64.
 Дерулов, К. Н. 18. X—XII. 295.
 Дерфельден, В. Х., ген. 17. V—VI. 37.
 Деснотович. 22. II. 82.
 Деспот-Зенович, А. Н., чл. Гос. Сов. 22. I. 20, 21, 154.
 Дестрем, С. М. 19. I—IV. 97, 98.
 Дестрем, ген. 19. I—IV. 97, 98.
 Джуновский, В. Ф., тв. мин. вн. д. 17. III. (12, 15), 51. V—VI. 268, 269. IX—X. 270.—18. I—III. 94, 104. IV—VI. 22, 32, 42, 107, 108, 130. VII—IX. 30.
 Гр. Дибич, И. И., фельдм. 17. V—VI. 108, 109, 111, 112. VII—VIII. 11, 43, 94, 95, 102.
 Дивов, А. И., полков. 18. I—III. 57.
 Дивов, дек. 17. VII—VIII. 37.
 Дивова, фрейл. 17. IX—X. 352—354.
 Дидерпикс, ген.-квартирм. 18. I—III. 291—293.
 Дижур, И., соц.-рев. 22. I. 52.
 Диковская, А. В., 18. X—XII. 92.
 Диллон. Его ст.: «Александр III». 17. V—VI.
 Дитятин, И. И., проф. 17. II. 19, 48, 53—60, 78.
 Дмитриевский, И. А., арт. 17. IX—XII. 225.—18. I—III. 51, 56, 61—63.
 Дмитриев, И. И., пис. 17. I. 122.
 Дмитриев, Ф. М., проф. 17. XI—XII. 191, 196.
 Дмитриев-Мамонов, А., сиб. пис. 17. XI—XII. 209.
 Дмитриевский, протоир. 17. III. 177.
 Дмитрий, архиеп. 18. I—III. 102.
 Дмитрий Павлович, в. кн. 18. I—III. 110. VII—IX. 44, 46, 49, 50, 53, 54.
 Дмоховская, мать каторж. 22. II. 5, 6.
 Дмоховский, деят. нар. движ. 17. VII—VIII. 157. 19. V—XII. 96.
 Добрынский, прокур. 17. VII—VIII. 228.—19. V—XII. 93, 100—102, 105, 106.
 Добровольский, воен. ценз. 18. I—III. 111, 113.
 Добровольский, мин. юст. 18. VII—IX. 48, 54, 58.
 Добролюбов, Н. А., крит. Его зам.: «Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев». 22. I. О нем: 17. II. 50, 51—18. I—III. 199. IV—VI. 56, 60, 62, 63, 69. VII—IX. 165—22. I. 64.
 Доброскоков, жанд. оф. 17. IX—X. 298.
 Довнар-Запольский, М. В., проф. Его ст.: «Декабрьская революция 1825 г.». 17. VII—VIII. О нем: 18. IV—VI. 300, 302.
 Долгов, Н., пис. Рец. А. Фовицкого его кн.: «А. Е. Мартынов». 17. I.
 Долгов, ротм. 18. IV—VI. 305.
 Долгово-Собуров, П. Я., мир. поср. 17. II. 133.
 Кн. Долгорукий, В. Ф., бояр. 18. VII—IX. 202.
 Кн. Долгорукий, В. Т., бояр. 18. VII—IX. 193.
 Кн. Долгоруков, Вас. Андр., шеф. жанд. 17. V—VI. 243, 258, 259—20-21. 134, 137, 140, 142.
 Кн. Долгоруков, Влад. А., моск. ген.-губ. 17. II. 40, 41, 46—48. VII—VIII. 127, 130. XI—XII. 176, 192, 196—18. I—III. 143, 147, 160—162, 170, 174, 180, 182. IV—VI. 285—287—19. V—XII. 112—118, 122, 124, 126—129, 131, 144, 145, 150—22. II. 87.
 Кн. Долгоруков, В. В., об.-штабм. 22. II. 195.
 Кн. Долгоруков, Д. И. (сын Н. М. Д-ва). 22. II. 112.
 Кн. Долгоруков, П. В., пис., эмигр. 22. II. 75.
 Кн. Долгоруков, П. Д., генерал. 17. II. 290.
 Кн. Долгоруков, Пав. Дм., общ. деят. 17. I. 32. IV. 210—18. IV—VI. 80—20-21. 176.
 Кн. Долгоруков, Петр Дм., общ. деят. 17. I. 32. IV. 26, 210.
 Долгушин, А. В., деят. народн. движ. 17. VII—VIII. 157—19. V—XII. 96—20-21. 14.
 Должанков, инсп. студ. 17. XI—XII. 198.
 Долинин, пол. деят. 22. I. 84.
 Доллер, ссыльн. раб. 20-21. 34, 35—22. I. 88.
 Долоцкий, И., свещ. 17. VII—VIII. 114.
 Домашнев, жанд. оф. 19. V—XII. 102, 103.
 Домбровский, польск. повест. 18. IV—VI. 52.
 Гр. ф. Дон-Шлобиттен (фан-Хилгус). Его «Из дневников адъютанта Вильгельма II». 18. VII—IX.
 Кн-я Дондукова. 19. I—IV. 177.
 Кн. Дондуков-Корсаков, М. А., в.-през. Ак. Наук. 17. V—VI. 71.
 Кн. Дондуков-Корсаков, А. М., гос. деят. 22. II. 46.
 Кн-я Дондукова-Корсакова, М. М. 17. VII—VIII. 271, 272, 275, 279, 281.
 Доронин, Н. Ф., городск. служ. 18. IV—VI. 119.
 Дорохов, Р. И., разжалов. оф. 17. VII—VIII. 78—80, 102.
 Дорохова, М. А., дир-а Иркут. Инст. 20-21. 102.
 Дорошенко, Н., учит. 22. I. 102, 125.
 Гр. Доррер. 17. IV. 35.
 Достоевская, А. Г., жена Ф. М. Д-го. 19. I—IV. 181, 183, 196, 197.
 Достоевский, Ф. М. Его «Письма». 20-21. О нем: 17. III. 83. IV. 12. XI—XII. 144—18. I—III. 207—209, 215. IV—VI. 99—19. I—IV. 175—183, 185—187, 197, 233, 234—20-21. 33, 123—127.
 Драгоманов, М. П., проф. 17. I. 176, 177, 184. II. 7, 24, 31, 33, 75—77. IX—X. 180—18. X—XII. 242—19. I—IV. 210—22. II. 46—49, 51.
 Драгомиров, М. И., ген. 17. IX—X. 228, 230—18. I—III. 87. IV—VI. 224, 227.
 Драчевский, Д. В., петерб. гражд. 17. IX—X. 381.
 Драшусов, Е. А., чл. Св. Др. 18. I—III. 160, 169.
 Драшусов, В. А., предв. двор. 18. I—III. 157, 162, 170.
 Дребязин, И., револ. 20-21. 62—64.
 Дрей, М. И., пол. деят. 17. VII—VIII. 102—19. V—XII. 50, 52.
 Дрейер, П. А., сеп. 18. X—XII. 290.
 Дрентельн, А. Р., шеф жанд. 17. I. 45, 187, 189, 190, 194—197. VII—VIII. 125, 160. IX—X. 116—118, 131, 148—18. I—III. 80, 83, 86, 91, 223. IV—VI. 36. VII—IX. 141, 162. X—XII. 243—19. I—IV. 169, 170. V—XII. 42, 96.

- Бар. Дризен, П. В., ред. Фовидского его кн.: «Сорок лет театра». 18. I—III.
- Дриль, Д. А., проф. 17. II. 22—25, 27—29, 78.
- Дриль, П. Я., сотр. охр. отд. 18. I—III. 273, 283.
- Дробыш-Дробышевский, Л. А., пол. есылн. 22. I. 84.
- Дружинин, А. В., крит. 19. I—IV. 83, 104, 108—22. I. 129, 130, 134—137.
- Друскин, сыщик 17. VII—VIII. 147. IX—X. 111, 112.
- Кн. Друцкой. 17. XI—XII. 211.
- Дубасов, Ф. В., моск. ген.-губ. 17. IV. 23, 25. VII—VIII. 352. XI—XII. 72—18. VI—VI. 107—112. 114, 115, 118, 120, 122, 129, 130, 134—140—20-21. 176, 178.
- Дубельт, Л. В., нач. III отд. Его «Письма». 22. II. О нем: 17. II. 156. XI—XII. 246—18. I—III. 234. IV—VI. 232, 236, 237, 241. VII—IX. 95. X—XII. 102, 113—19. I—IV. 78, 79, 112—20-21. 131, 147—22. II. 194—197.
- Дубовин, А. Н., докт. 17. III. 7, 57, 108, 112, 113. IV. 34, 78, 81, 82—18. VII—IX. 143, 144—20-21. 175, 184, 185.
- Дубровский, сыщик 17. III. 179.
- Дудкин, жанд. полков. 17. I. 228, 229, 231, 232, 237, 240.
- Дудышкин, С. С., пис. 19. I—IV. 104.
- Дукельский, жанд. полковн. 17. V—VI. 288—300.
- Дуклинский, ценз. 17. V—VI. 72.
- Думашевский, А., пис. 17. IX—X. 134—139.
- Дунаев, толстов. 18. IV—VI. 291, 296—19. V—XII. 184.
- Дурасон, ген. 17. VII—VIII. 91.
- Дурасон, племян. гр. Кречетникова. 18. IV—VI. 197.
- Дурново, П. Н., мин. вн. д. 17. IV. 8, 22, 25, 56, 73, 81. XI—XII. 18, 52, 63, 64, 67, 68, 72—74, 76, 295—18. IV—VI. 135, 139, 140, 287, 289, 290. X—XII. 238, 239, 272, 276, 289—19. I—IV. 196—20-21. 176, 177, 181, 184—22. II. 88.
- Дурново, И. Н., мин. вн. д. 17. IV. 8, 96, 97, 99, 101, 102. IX—X. 236—18. I—III. 220—20-21. 179—22. I. 21.
- Дурново, П. П., моск. губ. 19. V—XII. 126, 138, 139, 144.
- Дуров, С. Ф., поэт петраш. 17. I. 226. II. 141, 157, 163—22. I. 140.
- Дуров, А., клоун. 17. IX—X. 231, 232.
- Духлов, А. Ф., куп. чл. Св. Др. 18. I—III. 159, 169, 171.
- Духовской, М. В., проф. 17. XI—XII. 210.
- Духонин, П. П., ген. 18. I—III. 289, 290—308.
- Дылева, А. В. 22. I. 156.
- Дьяконок, знак. Батурина. 18. I—III. 60.
- Дьячков, А. Н., чл. Св. Др. 18. I—III. 137, 161, 170.
- Дюбюк, Ф. А. Его зам.: 1) «Смерть Скобелева». 17. V—VI.
- Дюжинов, арт. 17. II. 240.
- Дягилев, худ. 17. IX—X. 197.
- Е**
- Евгений Вюртембергский. 17. VII—VIII. 6, 38, 42, 44, 45.
- Евгеньев, В. Е. (Максимова), пис. Его ст.: 1) «Цензурная практика в годы Крымской войны». 17. XI—XII. 2) «В руках у палачей слова». 18. IV—VI. 3) «Д. Н. Писарев и охранители». 19. I—IV.
- Еврейнова, А. М., пис.-ца. 17. II. 272.
- Евтушевский, В. А., пед. 19. I—IV. 176.
- Езерская, сод.-рев. 18. X—XII. 38, 48, 66.
- Екатерина П., имп. 17. I. 101, 102, 104—106, 108, 113, 115, 131. V—VI. 36. IX—X. 353.—18. I—III. 48, 63, 64, 184. IV—VI. 172, 229. VII—IX. 111—114, 119, 120, 224. X—XII. 115, 116, 139, 140, 142, 143.—22. II. 16, 19—21, 23—26.
- Екатерина Павловна, в. кн. 17. I. 130. V—VI. 41, 45.
- Елагин, ценз. 22. I. 20.
- Елагина, А. П., мать Киреевских. 18. I—III. 242. VII—IX. 173, 226.—22. II. 66.
- Елена Павловна, в. кн. 17. XI—XII. 165, 167, 168.—22. II. 75, 89.
- Елена Владимировна, в. кн. 17. IX—X. 193.
- Еленев, ценз. 19. I—IV. 136.
- Кн. Елецкий, Ф. А., бояр. 18. VII—IX. 200.
- Елизавета Петровна, имп. 18. I—III. 112.—22. II. 25.
- Елизавета Федоровна, в. кн. 17. III. 28, 51, 87, 104. IX—X. 258.—18. I—III. 96, 97, 103, 110, 280. IV—VI. 34.
- Елисеев, Г. З., пис. 18. IV—VI. 55, 67, 82, 102—104.—22. I. 22, 152.
- Елисеева, Е. П., жена Г. З. Ева. 18. V—VI. 103.
- Елпатьевский, С. Я., пис. 22. I. 151. II. 10, 11.
- Елько, П. А., народов. 18. X—XII. 239, 240.
- Енакиев, пермск. губ. 20-21. 8.
- Еник, учнт. 19. I—IV. 94.
- Еремин, П. С., сотр. охр. отд. 18. I—III. 268.
- Еремин, жанд. полк. 17. V—VI. 268.
- Ермолаев (дело Каразюк). 18. X—XII. 163.—22. I. 82, 84.
- Ермолаев, А. П., чл. Св. Др. 18. I—III. 158.
- Ермолов, А. П., ген. 17. V—VI. 38, 40, 44, 45, 46, 49. VII—VIII. 29, 107, 119.—18. I—III. 63.—20-21. 100.
- Ермолов, А. С., мин. гос. нм. 17. IX—X. 243.—18. I—III. 115, 133, 136.
- Ермолова, М. П., арт. 17. XI—XII. 225.—19. V—XII. 157.
- Ерогин, монтарх. 17. IV. 25.
- Ершов, А. С., проф. 18. VII—IX. 170, 172, 173.
- Есипов, С. Я., чл. Св. Др. 18. I—III. 159, 168, 171.
- Есифеев, Н. П., учнт. 18. X—XII. 295.
- Есифеев, С. П. 18. X—XII. 295.
- Ефимов, В. В., проф. 17. II. 50, 51.
- Ефимьев, дек. 17. VII—VIII. 60.
- Ефремов, С. А., пис. Его ст.: 1) «Нв. Франко». 17. I. 2) «Галичина в начале конституционной эры». 17. IX—X. Ред. Стебницкого его кн.: «История украинского письменства». 18. I—III.
- Ефремов, П. А., библиогр. 18. IV—VI. 103.
- Ефремов, Ал., казак. лейб.-гв. 18. X—XII. 273.
- Ж**
- Ж-в, гус. 17. IV. 51.
- Жданов, жанд.-оф. 18. X—XII. 66.
- Жебунев, В., деят. народн. движ. 19. V—XII. 50—52, 59, 60.
- Жебушевы, бр.-я. деят. народн. движ. 20-21. 52, 53—22. 167.
- Жебунева, М. А., деят. народн. движ. 19. V—XII. 77.
- Жевайкин. 22. I. 10, 11.
- Желваков, полит. деят. 19. V—XII. 76.
- Железнов, П. Н., пис. 22. II. 17—20, 22—25.
- Железняков, матр. 18. IV—VI. 170.
- Желиховский, прокур. 19. V—XII. 102.—20-21. 58.
- Желтухин, киевск. воен. губ. 17. VII—VIII. 93—95, 101.

- Желябов, А. И., пародов. 17. VII—VIII. 200—203, 213, 301, 333. IX—X. 151, 152.—19. V—XII. 43, 44, 46, 47, 49, 59, 60, 62, 63, 69, 70, 85, 80, 86, 89, 206.—20-21. 7—9, 95.
- Жемчужников, А. М., поэт. 19. I—IV. 210.—22. II. 27, 51.
- Жемчужниковы. 22. II. 28.
- Живокини, В. И., арт. 17. XI—XII. 225.—19. I—IV. 237.
- Жилин, Е. С. 18. I—III. 59, 60.
- Жилинская, О. И. 22. II. 102, 103.
- Жилинский, чянов. 22. II. 102.
- Жилинский, С. (дело 1 мар. 1887 г.). 18. X—XII. 268.
- Жилпнский, В. Б. Его ст.: «Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти». 17. IX—X.
- Житецкий, П. И., ист. лит. укр. деят. 17. V—VI. 245.—19. V—XII. 17.
- Житский, И. Его ст.: «Профессорская деятельность Н. П. Костомарова». 17. V—VI.
- Житов, Д. В., чл. Св. Др. 18. I—III. 160.
- Жихарев, С. П., авт. мемуар. 18. VII—IX. 170, 173.
- Жомини, Г. 22. II. 28.
- Жорес, Ж. Его ст.: «Смерть паризма». 17. IV.
- Жуковская, А. В., фрейл., дочь В. А. Ж-го. 18. I—III. 97.
- Жуковский, В. А., поэт. 17. II. 291—294. IV. 45. VII—VIII. 76, 79, 100. XI—XII. 142—144, 146, 147, 151—156, 160, 161, 163—165, 167, 172—18. I—III. 97. IV—VI. 175. VII—IX. 226.—19. I—IV. 39—44, 162—22. II. 111, 122.
- Жуковский, Н. И., эмигр. 22. II. 51.
- Жуковский, Ю. Г. пис. 18. IV—VI. 83.
- Жуковский, Н. В., тюрем. фельдм. 18. X—XII. 15, 16.
- Жуковский, И. Е., проф. 17. XI—XII. 209.
- 3.
- Забела, В. 18. X—XII. 110.
- Забелин, И. Е., ист. 19. I—IV. 28—22. I. 133.
- Заболоцкий, ген. лит. 17. V—VI. 82—22. II. 79.
- Забудский, ген. проф. 18. X—XII. 19.
- Завадская, Е., пародов. 19. V—XII. 71, 76, 88.
- Завалишин, пародов. 19. V—XII. 46, 47, 91, 92.
- Завалишин, Д. И., дек. 17. VII—VIII. 12, 27, 28, 42, 69.
- Завалишин, И. И., бр. дек. 17. VII—VIII. 76.
- Заварзаев, фельд.-ег. 20-21. 100.
- Заварзин, нач. моск. охр. отд. 17. V—VII. 268, 274, 277—279, 308. IX—X. 264, 280—18. I—III. 311. IV—VI. 305, 307.
- Загбалов, М. Н., каракоз. 18. X—XII. 163.
- Загбенин, ценз. 19. I—IV. 148.
- Загорецкий, дек. 17. VII—VIII. 50.
- Загоровский, чин. охр. отд. 18. I—III. 284.
- Загорская, М. А., аг. пол. 22. I. 58.
- Загорский, П. Ф., секр. аг. 22. I. 58.
- Загряжская, Н. К., 17. XI—XII. 161—163.
- Загряжский, Н. А. 17. XI—XII. 161—163.
- Загуляев. 19. I—IV. 177.—180.
- Задонский, А. В., кавалер. 18. I—III. 158, 165. 170.
- Зайкин, Н. Ф., дек. 17. VII—VIII. 50—52.
- Зайкин, Ф. Ф., бр. дек. 17. VII—VIII. 52.
- Замончковский, ген. 18. VII—IX. 272.
- Зайцев, П. И. Его «Памяти И. И. Срезневского». 17. I.
- Зайцев, куп. чл. Св. Др. 18. I—III. 159, 168, 171.
- Зайцевский, П. Г., 17. I. 237—239—22. I. 86, 102, 105—107, 110—113, 116, 118—123, 126—128. II. 98—103.
- Зайцевский, Н. Г., бр. П. Г. 3-го. 22. I. 102, 112, 125, 126.
- Гр. Закревский, А. А., моск. ген. губ. 17. V—VI. 38. XI—XII. 256—18. I—III. 234, 244. VII—IX. 228—19. I—IV. 111. V—XII. 142—20-21. 102.
- Замысловский, Е. Е., проф. 17. II. 71. IX—X. 15, 21, 23, 29—37.
- Замятин, Д. Н., гос. деят. 19. V—XII. 163.
- Зоревич, укр. деят. 17. IX—X. 166.
- Зарип, секр. аг. 17. VII—VIII. 182.
- Зарудный, С. И., гос. деят. 18. X—XII. 283.
- Зарудный, А. С., суд. деят. 18. X—XII. 284.
- Зарудный, С. С., петерб. студ. 18. X—XII. 284.
- Заславский, Е., пол. деят., 17. VII—VIII. 202—19. V—XII. 51.
- Засодимский, П. В., пис. 18. X—XII. 175.
- Засулич, В. И., пол. деят.-ца 17. VII—VIII. 153, 155, 169. IX—X. 119, 148, 229, 383—18. VII—IX. 150—162. X—XII. 244—19. V—XII. 42, 199—210, 225, 226—20-21. 47—59, 62, 64, 67, 69, 71, 85—88, 90—92.
- Засулич, мать В. И. 3-ч. 18. VII—VIII. 153, 155.
- Засулич, ген. 17. IX—X. 228, 229.
- Захарбеков, педаг. 17. XI—XII. 210.
- Захарин, пол. деят. 19. V—XII. 79.
- Захаров, П. И., студ. 18. X—XII. 294, 295.
- Захарьин, Г. А., проф. 17. IV. 52. XI—XII. 192.—18. IV—VI. 298.
- Захарьин, А. В., знак. Чернышевск. 17. VII—VIII. 195.
- Захарьина, Н. А., см. Герцен.
- Звегинцев, Н. А., кавалерг. 18. I—III. 160, 169.
- Зверев, студ. 18. X—XII. 250, 254.
- Зверев, А. В., базарн. смотр. 18. IV—VI. 133.
- Зверев, С. С., сотр. охр. отд. 18. I—III. 270.
- Зволянский, С. Э., дир. деп. полиц. 18. IV—VI. 304.
- Звоишников, ген. 18. I—III. 97.
- Згарский, укр. десят. 17. IX—X. 166.
- Зеделлер, полк. 17. II. 214.
- Бар. Зедлер (дело Петраш.). 17. II. 146.
- Зейдлиц, К. К., докт. 19. I—IV. 162.
- Зеленецкий, ценз. 17. V—VI. 71.
- Зеленой, одес. град. 17. IX—X. 195.
- Зеленский, Г. Е. 17. VII—VIII. 97, 102, 104.
- Зенгер, Г. Э., мнн. нар. просв. 17. IX—X. 208, 209.
- Зенгер, Н. К., зоол. 17. XI—XII. 182.
- Зензинов, М. М., общ. деят. 18. IV—VI. 80.
- Зензинов, В. М., соц. рев. 18. I—III. 256. IV—V. 80.
- Зенович, проф. лиц. 18. X—XII. 107.
- Зернов, Н. П., пис. 17. II. 255.
- Зибер, Н. И., проф. экон. 17. II. 7. VII—VIII. 200.—22. II. 177.
- Зимин, 22. I. 5, 6.
- Зинovieв, Н., тов. мин. 17. IV. 12.
- Златовратская, М. П., сес. пис. 17. XI—XII. 284.
- Златовратский, Н. Н. 17. XI—XII. 282—284—22. I. 24, 25, 71. II. 7—10.
- Златовратский, П. П., отец пис. 17. XI—XII. 283, 284.
- Златовратский, С. Н., брат пис. 17. XI—XII. 284.
- Златопольский, С., пародов. 19. V—XII. 59, 65, 76, 77, 86.

Знаменский, пом. нач. моск. охр. отд. 18. I—III. 253, 257, 284, 285, 286.
 Золоторев, тов. мпш. вн. д. 17. V—VI. 268.
 Золотарев, ген. 18. I—III. 105.
 Золотидов, М. Д., мир. поср. 17. II. 133.
 Золотухина. 19. I—IV. 67.
 Зоптаг, А. П., пис. 19. I—IV. 43, 44.
 Зотов, В. Р., пис. 17. I. 195—19. I—IV. 124.
 Зотов, Н. Е., сослан. 19. V—XII. 43.
 Зотова (Суханова), О. Е. 19. V—XII. 43, 44, 46.
 Зубатов, С. В., нач. моск. охр. отд. 17. IV. 10, 11. VII—VIII. 180, 181, 290. XI—XIII. 67—18. IV—VI. 293, 294, 296—22. I. 51—59.
 Зубков, В. П. 20—21. 100.
 Зубковский, нач. тюрьм. 18. X—XII. 48.
 Зубковский, нач. тюрьм. 18. X—XII. 48.
 Зубковский, ротм., чин. охр. отд. 18. I—III. 253.
 Гр. Зубов, Валер. А. 18. VII—IX. 224.
 Зубов, Н. 18. VII—IX. 224.
 Гр. Зубов. 22. I. 62.
 Зубрилов, пос. ссыльн. 22. I. 88—90, 97.
 Зуев, Н. П., дир. деп. пол. 17. V—VI. 268. IX—X. 385, 386—18. IV—VI. 293.
 Зунделевич, А., народов. 19. V—XII. 59, 60.
 Зурабов, А., пол. деят. 17. II. 54. IV. 32. IX—X. 385—18. I—III. 124.
 Зуров, А. Е., петер. градоп. 17. VII—VIII. 127, 129, 130—19. I—IV. 171—20—21. 77, 78, 81, 83.
 Зуров, Э. А., сен. 17. II. 121.
 Зыбин, И. С., шажег. предв. двор. 18. I—III. 159, 168, 171.
 Зыбин, К. С., кам.-юнк. 17. IV. 95, 103, 104.
 Зыссер, П. А., раб., пол.-деят. 18. X—XII. 256, 295.
 Зюзин, А. И., бояр. 18. VII—IX. 193.
 Зяблов, С. И., куп., чл. Св. Др. 18. I—III. 159, 169, 171.

И.

И. В. Его ст.: «Генерал Духонин в ставке». 18. I—III.
 Иаков, архим. 17. IX—X. 90.
 Ибаев, Л., отел. пор. 19. I—IV. 72, 74.
 Иваненко, М. М. 18. VII—IX. 82, 90.
 Иванишев, Н. Д., проф. 17. V—VI. 244, 246.
 Иванов, И. И., дек. 17. VII—VIII. 57—59.
 Иванов, С. А., шлссельб. 17. VII—VIII. 264, 270, 273, 274—18. I—III. 225. IV—VI. 73, 78. X—XII. 239—19. V—XII. 59, 60, 81.
 Иванов, В. Г., шлссельб. 17. VII—VIII. 261.
 Иванов, Г. А., проф. 17. II. 38.
 Иванов, студ. 19. I—IV. 74.
 Иванов, Вас., пол. деят. 19. V—XII. 104, 105.
 Иванов, тверс. в.-губ. 22. II. 191, 192.
 Иванов, ротм. чин. охр. отд. 18. I—III. 284.
 Иванов, нечаев., 17. XI—XII. 202—19. V—XII. 23. —22. II. 51, 174.
 Иванов, Ник. Иуд., ген. 18. IV—VI. 225.
 Иванова, С. А. (Борейша), пол. деят. 18. X—XII. 183, 187, 233, 234—19. V—XII. 69.
 Иванова, О. 19. V—XII. 166, 167.
 Ивановская, А. С. (Короленко). 22. I. 99, 100.
 Ивановская, П. С., народов. 18. X—XII. 188, 205. 19. V—XII. 56, 79, 81, 82, 88, 95.
 Ивановские (А. С. и П. С.). 20—21. 16.
 Ивановский, Всев. Андр. 18. VII—IX. 172.
 Ивановский, нач. каторги. 18. X—XII. 48.
 Иванцов, Н. А., проф. 17. I. 14.
 Иванцов-Платонов, А. И., пис. 17. II. 251.—20—21. 161.

Иванчин-Писарев, А. И., пис. 17. IV. 99, 100.
 Иванюков, И. П., проф. 17. II. 8. IX—X. 27.
 Иванев, В. П., дек. 19. I—IV. 85, 91, 92, 98.—20—21. 102.
 Ивалев, ген. отец дек. 17. VII—VIII. 120, 121.
 Ивашев, Н. А., токарь. 19. V—XII. 99.
 Ивашева, В. А. 19. I—IV. 96—98.
 Ивашева, Е. П. 19. I—IV. 97.
 Ивлчевичи, бр.-я. полнт. деят. 18. X—XII. 193.
 Игнатов, соц.-дем. 19. V—XII. 207.
 Игнатович, И. П., вст. 17. IX—X. 83.
 Гр. Игнатьев, П. П., гос. деят. 17. I. 286. II. 14. V—VI. 92. XI—XII. 60.—18. I—III. 143, 150, 151, 182.—19. I—IV. 199.—20—21. 184.—22. II. 44, 47, 56.
 Гр. Игнатьев, П. Н., петерб. ген.-губ. 17. IV. 30.—19. I—IV. 111.
 Гр. Игнатьев, А. П., киевск. г.-губ. 17. IV. 126, 136, 139, 143, 144, 150, 166, 174, 183, 190, 219—221, 245, 249—251.—18. VII—IX. 141, 142, 143.—20—21. 82.
 Игнатьев, А. И., ещф. откупн. 18. IV—VI. 197.
 Гр. Игнатьева, С. С. 17. III. 14—16.
 Идельсон, эмигр. 22. II. 168, 170, 173.
 Иенлев, каррик. 18. I—III. 200.
 Извольский, А. П., гос. деят. 18. I—III. 116, 126, 132.
 Извольский, П. П., об.-прок. 17. III. 103.
 Измайлов, А. В., бояр. 18. VII—IX. 192.
 Измайлов, нач. каторг. 18. X—XII. 63, 64, 66.
 Измайлович, соц.-рев. 18. X—XII. 38, 66.
 Иконников, В. С., проф. 18. I—III. 179.
 Бар. Икскуль фон-Гильдебрандт, Ю. Л., гос. секр. 17. IV. 127, 138—140, 143—145, 147—150, 152, 159, 162, 174, 176, 181, 183, 217, 218, 220, 225—229, 248, 249, 251, 252.
 Иллатор (С. Труфанов), перомон. Его ст.: «Святой чорт». 17. III. О нем: 17. III. (5, — 15). V. 34, 81. VII—VIII. 379—382. IX—X. 264, 280, 305, 306.—18. VII—IX. 33.
 Пловайский, Д. И., вст. 17. I. 10.
 Ильин, Д. В., ад. моск. г.-губ. 18. I—III. 158, 165, 170.
 Ильин, П. И., чл. Св. Др. 18. I—III. 160.
 Ильин, земс. деят. 17. XI—XII. 219.
 Гр. Ильинский, камерг. 18. VII—IX. 111.
 Ильинский, Л. К. Его ст.: 1) «Герцен и III отделение». 18. VII—IX. 2) «Новые материалы о Бакушине». 20—21.
 Ильинский, А. Его ст.: «Духоборы в Якутской области». 17. I.
 Ильинский, А. С., свящ. 17. XI—XII. 176.
 Кн. Имеретинский, Н. 19. I—IV. 171, 173.
 Иппокентий, еп. 17. III. 38.
 Иппокентий Борисов, еп. харьк. 17. V—VI. 237.
 Ипоземцев, Ф. И., проф. 18. IV—VI. 242.
 Иоанн Кронштадский, свящ. 17. III. 2, 4, 92, 9231, 1 IV. 53. IX—X. 205, 206, 218. XI—XII. 57.—20—21. 190.
 Иолдос, Г. Б., публ. 17. IV. 29.
 Ионов, В., лит. 22. I. 56.
 Иордан, Н., выслан. студ. 17. VII—VIII. 196.—197.
 Кн. Иппеланти, А. 19. I—IV. 47—53.
 Ирнарх, перомон. 17. III. 160, 161.
 Исаев, Г. П., народов. 17. IX—X. 144—153, 266.—19. V—XII. 49, 59, 60, 62, 70, 81, 93.
 Исаев, прапор. (донос. на Шевчен.). 18. X—XII. 112.
 Ислдор, еп. 17. IV. 8.
 Истомин, ценз. 18. IV—VI. 301.
 Иштутин, Н. А., пол. деят. 18. I—III. 162. X—XII. 163, 166—168.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

комплекты „Голоса Минувшего“ за 1914 г. и 1918 г.
и отдельные №№ за 1913—18 гг.

„ГОЛОС МИНУВШЕГО“ за 1919 г.

Книга первая

(посвященная истории литературы)

и

Книга вторая

(ВОСПОМИНАНИЯ и СТАТЬИ Л. Дейча, В. Н. Фигнер, В. М. Голицына, А. Ф. Кони и др.).

„ГОЛОС МИНУВШЕГО“ за 1920-21 г.

(В одной книге).

(ВОСПОМИНАНИЯ и СТАТЬИ В. Г. Короленко, Р. Попова, Е. А. Шаховской, А. А. Кизеветтера, Н. И. Кареева, М. А. Цявловского и др.).

„ГОЛОС МИНУВШЕГО“ за 1922 г.

№ 1. ИЗ СОДЕРЖАНИЯ: Вл. Короленко — Земли, земли! В. Быстренин — Уходящее. А. Ф. Кони — Житейские встречи. В. Алексеев — Студ. кружок Аргиропуло и Зайчневского. А. Савин — Воспоминания Бисмарка и переписка Шувалова с Гирсом.

№ 2. ИЗ СОДЕРЖАНИЯ: В. Г. Короленко — Пугачевская легенда на Урале. Козьма Прутков — Военные афоризмы. Из переписки московских славянофилов. М. А. Цявловский — Пушкин и графиня Фикельмон. К 70-летию В. Н. Фигнер: ст. Федорова и Новорусского. Восп. В. Н. Фигнер. Письма Л. В. Дуббельта к Н. И. Гречу.

Цена отдельной кн. журнала 75 к. (зол.).

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМ.

ГОД ИЗДАНИЯ XI.

ГОЛОС МИНУВШЕГО

ЖУРНАЛ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 4-ый.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

№ 1 за 1923 г.

ИЗ СОДЕРЖАНИЯ: Н. И. Кареев. В. И. Семевский. П. А. Кропоткин. Федерация. М. А. Цявловский. Автограф стих. Пушкина „Кинжал“. В. Н. Фигнер. Студенческие годы. Письма В. Соловьева к Л. Лопатину. А. Е. Грузинский. Первый период работ над „Войной и Миром“. А. А. Кизеветтер. Совестные суды при Екатерине II. Письма Короленко к Павленкову. Два письма Некрасова к Боткину.

Цена 1 р. 60 к. (зол.).

№ 2 за 1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Г. А. Лопатин. Письмо о беседе с Энгельсом о России. А. Н. Хвостов. Из воспоминаний. В. Н. Фигнер. Студенческие годы. А. Кизеветтер. Совестные суды при Екатер. II. П. Шванебах. Записка (1906 г.). К. Сивков. Донесения раба и холопа помещику. П. Антонов. Автобиография. Л. Клейнборт. В. Г. Короленко. Письма декабриста И. Горбачевского. Письма И. А. Гончарова. Памяти ушедших: статьи Н. И. Кареева и Ю. В. Готье.

Цена 1 р. 50 к. (зол.).

С требованиями обращаться: в книжные магазины Центросоюза № 1—Маросейка, 7; № 2—Кузнецкий Мост, 2; в книжн. маг. Кооперативного Издательства № 1—ул. Герцена (Б. Никитская), 15; № 2—Кузнецкий Мост, 2; № 3—Арбат, 2 (книжн. магаз. Слово).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМ.

Адрес Конторы и Редакции: Москва, Гранатный пер. 2, кв. 31.